



уральский

следопыт

№2**** 1980

СТОЯНКА В БОР-ЛЕНВЕ

Волны Камского водохранилища подмыли берег близ поселка Бор-Ленва — и предстали взору предметы глубокой древности: бронзовые ножи, наконечники стрел, шилья, скребки, проколки...

О своей находке школьники борленвенской школы сообщили в Пермский краеведческий музей. Сотрудники музея вместе с юными краеведами нашли здесь еще немало вещей, в том числе и керамических.

Вероятнее всего, в районе поселка Бор-Ленва обнаружен могильник племени турбинской культуры. Эти племена заселяли Прикамье в середине второго тысячелетия до нашей эры. Однако некоторые находки — из керамики, железный нож, подвеска — свидетельствуют о том, что в поздние времена, во второй половине первого тысячелетия нашей эры, здесь обитали племена ламоватовской культуры.

На снимке: находки, сделанные школьниками борленвенской школы.

Владимир ДЕНИСОВ
Оформление
С. Малышева



в номере:

| | |
|--|----|
| В. Сибирев ГОРНЫЙ ФЛАГМАН. Стихи | 2 |
| Л. Баранов ЮНАРМЕЙЦЫ | 4 |
| Г. Чугаев ТЕЛЕГРАММА ВОЖДЯ | 6 |
| И. Каплун БЛАГОДАРНОСТЬ РАБОЧИХ | 7 |
| А. Соларев САНТИМЫ ДЛЯ... БРОНИ | 7 |
| СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ | 8 |
| Б. Путилов СОКРУШЕНИЕ ЛЕХИ БЫКОВА. Повесть. Продолжение | 10 |
| С. Рыков АРИСТОКРАТЫ БАРАХОЛКИ | 32 |
| К. Булычев УПРЯМЫЙ МАРСИЙ | 36 |
| В. Деденко ...БЫЛ КРАСНЫМ ДИПКУРЬЕРОМ | 47 |
| Ф. Гисматов ДИТЯ И ЦАРЬ ЗЕМЛИ | 49 |
| П. Дудочкин ВЕРНУТЬ ТУМАНЫ И РУЧЬИ | 51 |
| В. Савельзон ЧУДЕСА В ПАЛИСАДНИКЕ | 54 |
| Л. Богоявленский КРАСА КАМЫ | 56 |
| И. Прокопенко ОРЛИНОЕ ПЛЕМЯ | 59 |
| И. Заянчковский СОРОКА — УМНОЕ ОКО | 61 |
| И. Терешкин РУССКАЯ ХОХУЛЯ | 64 |
| А. Дуняшин БОЛОТО — ДОМ | 66 |
| И. Тарабукин КУЛИК. Стихи | 67 |
| ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК | 67 |
| В. Живаго ЕДЕМ В САВАННУ | 68 |
| ПЕРВЫЙ ПРОДУКТ | 70 |
| КАПЕЛЬКА ВСЕЛЕННОЙ | 71 |
| Б. Рябинин СЕВЕРКА И ЕЕ ПРИМЕТЫ | 72 |
| В. Яковлев АЛТАЙ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ | 75 |
| Л. Васанова К. Васанов КТО ТАКИЕ, КТО ТАКОЙ? | 76 |
| МИР НА ЛАДОНИ | 78 |

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Борис КОЛЕСНИКОВ,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь)

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30.10.1979 г.
 НС 11301.
 Подписано к печати 17.12.1979 г.
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,3
 Тираж 250 000
 Заказ 554.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 В. ЧЕБОТАРЕВА

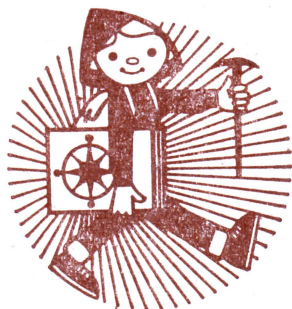
© «Уральский следопыт», 1980

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО



№2 * 1980

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ГОРНЫМ



**Владимир
СИБИРЕВ**

*Рисунки
В. Меринова*



Мой край сухопутный,
Не ты ли
Вселил в нас характер такой,
Что, моря не видев,
Мы в силе
Быть первыми в службе морской!
Еще с островов Соловецких
В жюльверновском звании юнг
Под флагом республик советских
Знавали мы север и юг.
Нам кудри посыпало солью,
И мы покидаем суда,
Но нашу матросскую долю
Берут на себя города.
Вы только представьте такое —
Жил-был качканарский барак
И выметнул вдруг
Над тайгою
Морской неспускаемый флаг!
Шестьсот моряков в одночасье
Здесь бросили якорь...
С тех пор
Морское соленое счастье
Вьет гнезда свои среди гор.
Грохочут на стыках колеса.
Ныряют в тоннель поезда.
С флотов и флотилий матросы
По-прежнему едут сюда.
И полнится пылкостью ярой,
И плещет, как сталь из ковша,
В гранитной груди Качканара
Урала морская душа!



Когда подлодку зашивало в лед
Неистовство осатанелой боры,
Я видел за бортом не глыбы вод —
Землетрясением вздыбленные горы.

А здесь —
За сто привалов от морей,
Где ледники играли валунами,
Холмы-надгробья родины моей
Я бы назвал застывшими волнами.
И кажется —
В мерцании светил,
Вдруг проступив брезентом и
кирзою,
Наш Качканар, как «Наутилус»,
Всплыл
В двадцатый век
С глубин палеозоя!
Меж ним и мною — кровное родство.
По утверждению местной молодежи,
Ступенчатые улицы его
На трапы корабельные похожи.
А сколько же по ним за двадцать
лет,
Не горбясь под рабочею поклажей,
В пургу и гололедицу,
След в след
Протопало гвардейских экипажей?!
Как тут не вспомнишь Черноморский
флот,
Неистовство осатанелой боры,
Когда мне представлялись в глыбах
вод
Землетрясением вздыбленные горы.



Тисненная ленточка
С надписью броской
Томится в шкафу уже несколько лет,
И только, как память о службе
матросской,
В День флота ее извлекают на свет.
А вот и хозяин.
Не в отблесках сварки,
Не около пультов на тысячи ватт,
С матросом мы встретились у...
кофеварки,
Из кухни струился такой аромат!

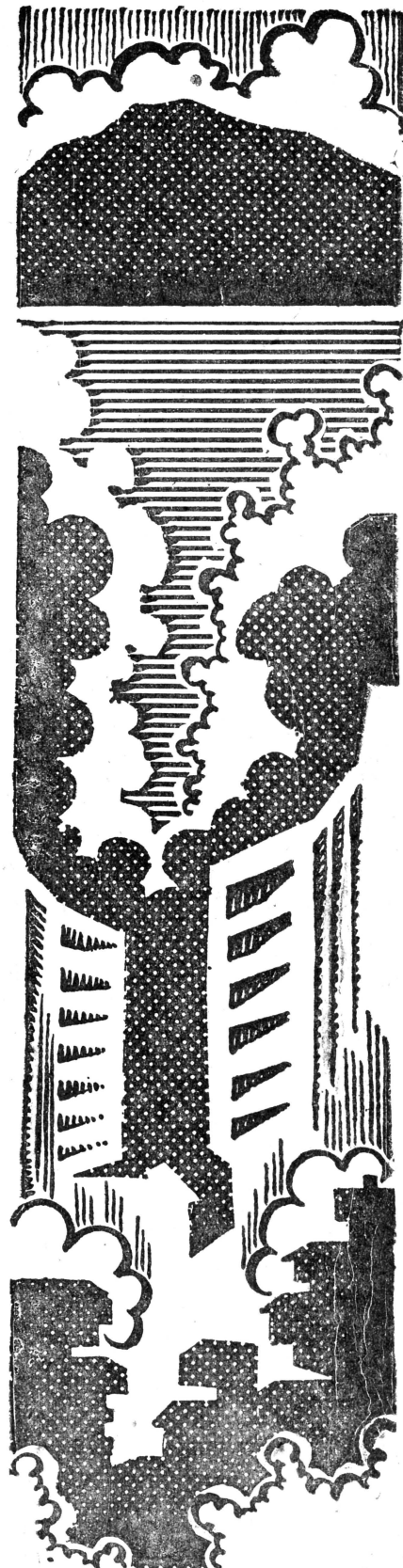


ФЛАГМАН

Борщ ярким костром поыхал из тарелок.
— Да ты — кулинар, погляжу, будь здоров!
— Куда там. Обычное флотское дело,
Особенно, если пришел с катеров...
К тому же,—
И парень смутился,—
Хлопочешь
Всю смену в соседстве приборов
и схем,
А руки тоскуют о чем-то попроще,
О чем-то доступном решительно
всем.
Вот так и возникло домашнее хобби...
Матрос улыбался.
Искрила плита.
Меж тем, на холщовой отглаженной
робе
Рдел номер его боевого поста.
А где-то
Инстинктом подхлестнутый древним
Цеплялся за камни осклизлые
Краб.
И резал
Высокие волны
Форштевнем
Готовый к учебному залпу
Корабль!

Самоотверженно рискуя
Ожечься росчерком стрижа,
Смотрю на даль, почти морскую
С двенадцатого этажа.
Такого не найти в Свердловске,
Чтоб нарисован был вот так,
Как на воротнике матроски,
На кромке синей
Березняк.

...Роняет сад листы сухие.
Столбится пыль от колеса.
И входят в душу три стихии:
Земля, вода и небеса.
А где-то,
Струями шальными
Шлифуя чуткие рули,
Названьями, насквозь земными,
Смущают чаек корабли.
Часы восходов и закатов
Сверяют с картой небес
Эсминец «Минск»,
Минзаг «Саратов»
И сухогрузный «Тагиллес».
Неся руду,
Бросая тралы,
На зависть ржавым якорям
Кочуют
«Омски» и «Уралы»
По океанам и морям!



Ю Н А Р М Е Й Ц Ы



Лев
БАРАНОВ

Фото автора

— К торжественному маршу, по отделениям, дистанция десять шагов, равнение направо. Шагом, марш!

Под звуки военного оркестра, четко чеканя шаг, проходят строем юнармейцы.

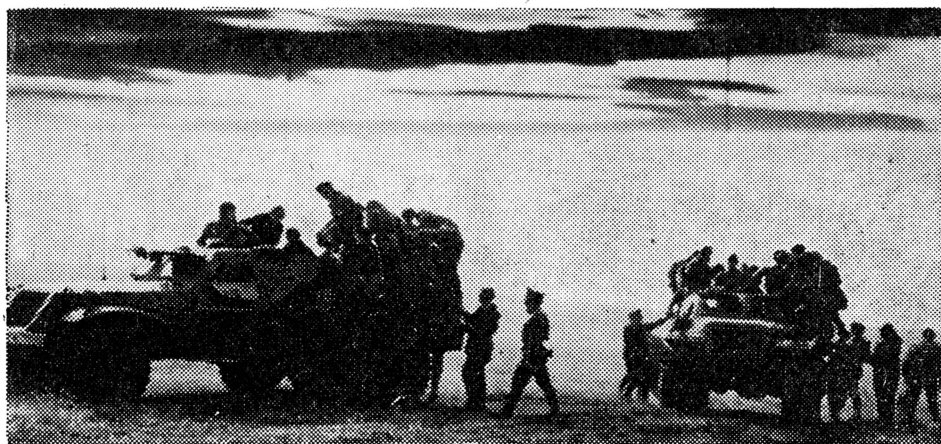
В эти дни мальчишки и девчонки держали экзамен на мужество, силу, демонстрировали свою физическую подготовку. Все было как в армии. В трудном экзамене их проверяли заслуженные люди, прославленные ветераны войны и труда. А среди них командующий военно-спортивной игрой генерал-лейтенант авиации в запасе Ю. С. Вовк, офицеры Краснознаменного Уральского военного округа, представители обкома комсомола. Военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок», ставшие традиционными, способствуют воспитанию подростков на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

Сегодня утром, незадолго до рассвета, взрывы и короткие автоматные очереди всколыхнули тишину палаточного городка. Прозвучала команда — «Боевая тревога!!!» Так начался один из интересных этапов военизированной игры на местности. В марш-броске отряды вышли на заданные боевые позиции. Ушла в поиск разведка. По доставленным сведениям командиры поставили задачи отрядам.

В небо взлетела красная ракета, и ринулись в атаку юнармейцы. И вот уже с победным криком «ура!» они водрузили флаг на отвоеванной у «противника» высоте. Боевая задача выполнена. И теперь, усталых и довольных, их ждала знаменитая солдатская полевая кухня.

А сейчас начинается заключительный игру парад.

На снимках: на торжественном марше; с юнармейцами беседует командующий военно-спортивной игрой генерал-лейтенант Ю. С. Вовк; труба зовет; у боевой техники; в атаке юнармейцы.





С Лениным в сердце

Телеграмма ВОЖДЯ

1919 год... Колчаковские банды, отступая с Урала, уничтожали на своем пути все: взрывали мосты, топили речной флот, разрушали предприятия. На одной из главных транспортных артерий — Пермской (ныне Свердловской) железной дороге — предстояло восстановить 226 мостов, в том числе чрезвычайно важный Камский мост на участке под Пермью.

У свердловского поэта В. Назина есть стихотворение «Камский мост»:

...Оживают опять во мне
все, кто с песнею умирали
на морозе и на огне
за Советскую власть на Урале.
Это,

время,

твои сыны
отгорели, во тьму не канув
посредине гражданской войны
у стального моста через Каму.
Передай им, большая вода,
что по следу их гулко и юно
все бегут и бегут поезда,
ими посланные в Коммуну.

Пять месяцев над Камой стучали топоры и молотки. Пять месяцев сотни полуголодных, едва одетых людей, почти без техники, болт за болтом, пролет за пролетом возрождали из небытия мост.

И вот 18 февраля 1920 года по Камскому мосту прошел первый поезд. Открытие регулярного железнодорожного движения стало настоящим праздником для трудящихся Перми. В этот день в Москву ушло сообщение:

«Москва. Пред. Совнаркома тов. Ленину.

Сегодня открыто движение по восстановленному Камскому мосту в присутствии полного состава Пермского Губсъезда Советов, всех рабочих, восстанавливавших мост. Свидетельствуя необыкновенную энергию работающих на постройке моста: батальона рабочего полка, головного отряда и четырех рабочих металлистов, железнодорожников рязанских, чувовских, трех рот сводного батальона перебежчиков-военнопленных. Несмотря на плохое питание, недостаток теплой одежды, обуви, работая на сквозном ветру, окончили работу раньше срока.

Большая заслуга в этом всего комсостава и технических работников. Рад сообщить Вам это известие, имеющее огромное значение для всей трудовой России.

Восстановление Камского моста служит залогом победы над разрухой транспорта.

*Член ВЦИК Ярославский
18/II 1920 г.».*

В Пермь поступила ответная телеграмма вождя. Вот ее текст:

«Ввиду окончания работ по восстановлению моста через реку Каму у Перми, производившихся в исключительно тяжелых условиях, на два месяца раньше срока, исчисленного при расчете на максимальную производительность труда, Совет Рабоче-Крестьянской обороны, отмечая исключительную энергию и дисциплину труда, проявленную на означенных работах техническим персоналом, служащими и рабочими, ПОСТАНОВИЛ: выдать всем принимавшим непосредственное участие в работах рабочим, служащим и техническому персоналу денежное вознаграждение в размере двухмесячного тарифного оклада — проработавшим на работах не менее трех месяцев, и в размере месячного оклада — проработавшим на работе более месяца... Председатель Совета Рабоче-Крестьянской обороны В. Ульянов (Ленин). 27/II 1920 г.».

Страна Советов встала на трудовые рельсы, шла от победы на фронте к победе над голодом и холодом, над сыпняком и разрухой, над нищетой. И одним из главных средств в этой борьбе В. И. Ленин считал транспорт, его восстановление и развитие.

К весне 1920 года все разрушенные и поврежденные мосты на Урале и в Прикамье были восстановлены. Рабочий класс выполнил наказ Ильича и доказал, что на поприще мирного труда может творить такие же чудеса, как и на фронте. Труд пермских железнодорожников и строителей стал одной из важных страниц в эпопее свершений первого пролетарского государства.

Геннадий
ЧУГАЕВ



БЛАГОДАРНОСТЬ РАБОЧИХ

В Тобольском государственном архиве хранится письмо шуйских рабочих Н. Л. Скалозубову. Представитель рабочих писал:

«Народному представителю от рабочих г. Шуи. Николай Лукич! Не нахожу слов для выражения вам безграничной благодарности за ходатайство за Михаила Васильевича Фрунзе.

Мы, рабочие г. Шуи, были ошеломлены ужасным приговором над нашим дорогим учителем, но и не можем ничего сделать, так как лишены возможности говорить между собой, а о переписке и думать нельзя. Письма распечатываются, и при подозрении — обыски и аресты... Кровь стынет в наших жилах от того, что творится вокруг нас. Нас удивляет молчание наших владимирских депутатов. В таких вопиющих несправедливостях их голос должен раздаваться в стенах Таврического дворца.

Я прошу вас, Николай Лукич, принять горячее участие в судьбе нашего учителя М. В. Фрунзе, известного среди нас под именем «Арсений».

Я бы мог прислать вам №№ газеты «Владимирца», где описана деятельность нашего М. В., но, к величайшему моему огорчению, они забраны при обыске и не могу, пожалуй, найти, где бы вы прочли, что в день ареста Арсения (М. В. Фрунзе) из 10 000 рабочих 8 000 рабочих приняли участие в демонстрации, ходатайствуя об освобождении.

Остаюсь искренне преданный вам рабочий «Рядовой».

Чем Н. Л. Скалозубов был удостоен такого внимания и благодарности рабочих г. Шуи? И как это письмо оказалось в Тобольске?

...Шел 1907 год. Первая русская революция потерпела поражение. Наступила полоса широкого террора, правительство расправлялось с рабочими и крестьянами.

24 марта 1907 года в Шую по ложному показанию — якобы за участие в покушении на урядника — был арестован М. В. Фрунзе и отправлен во Владимир.

В январе 1909 года владимирский окружной суд признал М. В. Фрунзе виновным в покушении на убийство урядника и приговорил его к смертной казни. Однако шуйские рабочие не остались безучастными к судьбе своего учителя. Они обратились по делу Михаила Васильевича к депутату III Государственной думы от Тобольской губернии Николаю Лукичу Скалозубову с просьбой содействовать отмене смертного приговора.

Имя замечательного ученого и большого практика сельского хозяйства Н. Л. Скалозубова было широко известно. Он положил начало селекционному делу в Сибири, с его именем связана организация за Уралом первых сельскохозяйственных школ.

Н. Л. Скалозубов был не только ученым, но и прогрессивным общественным деятелем. Будучи депутатом III Государственной думы, он настойчиво отстаивал права крестьян на землю, принимал активное участие в судьбе многих жертв царизма.

Выяснив обстоятельства дела, Николай Лукич пишет телеграмму московскому генерал-губернатору о том, чтобы он отменил и смягчил приговор. В результате энергичного ходатайствования перед высокопоставленными должностными лицами смертный приговор был отменен.

САНТИМЫ ДЛЯ... БРОНИ

Эти монеты в Перми есть почти у каждого, даже начинающего нумизмата. Я имею в виду монеты номиналами в 10, 20 и 50 сантимов, выпущенные в Латвии в 1922 году.

Как попали они на Урал, в Пермь? Почему их так много?

...Лето 1940 года. Латвия вновь стала советской. В республике введена единая советская валюта. Латы и сантимы изъяты из обращения и сданы в Госбанк. Наверное, их хотели переплавить, но тут началась война.

На восток потянулись эшелоны с оборудованием эвакуируемых фабрик и заводов. Фронт требовал стали, танков, пушек, а для их изготовления была нужна высококачественная сталь. А чтобы сварить легированную сталь, нужно в мартены при плавке добавлять хром, марганец, ванадий, никель. Их-то и не хватало.

Буквально по крохам металлурги собирали легирующие добавки.

В один из таких дней в кабинете главного металлурга Пермского завода имени В. И. Ленина Виктора Николаевича Лебедева раздался звонок из Москвы:

— Скоро получите никель. Ждите срочный груз.

И когда пришел обещанный вагон, в нем оказались аккуратные холщовые мешочки, наполненные никелевыми латвийскими монетами в 10, 20 и 50 сантимов. Они содержали много никеля, и кому-то пришла в голову мысль использовать их пока вместо добавок.

Фронт продолжал получать танки, самоходные установки, сделанные из отличной уральской стали. Конечно, монет хватило ненадолго, но и это было большое подспорье металлургам.



● На Псковщине стоит памятник снайперу Алие Молдагуловой. В Москве есть улица Героя Советского Союза Алие Молдагуловой. И есть школа в Москве, 891-я, где открыт мемориальный музей ее имени. Следопыты держат связь с ветеранами 54-й отдельной стрелковой бригады и с курсантами Алие по 4-й роте Центральной женской школы снайперской подготовки при ЦК ВЛКСМ.

● Село Рыбачье давно стало городским микрорайоном. Мало кто помнит, что была здесь когда-то слобода, учрежденная Петром I... Историю села Рыбачьего собирают и сохраняют в своем историческом музее учащиеся ленинградской школы № 348.

● Выставка книги Л. И. Брежнева «Малая земля», изданной на 36 языках народов мира, открылась в 3-й школе Азова. Книги присланы в школу издательствами Болгарии, ГДР, Венгрии, Эфиопии, Англии, Франции, Дании и других стран.

● Картинная галерея Яншихово-Норвашской средней школы рассказывает о творчестве чувашских художников. Галерея пополнилась новыми полотнами — их прислали из Чебоксар художники, уроженцы села.

● Среди экспонатов музея боевой славы 23-й школы Кургана — материалы о женщине-танкисте И. Н. Левченко, солдатский ко-

телок наводчика «сорокпятики» П. Клещева и другие. Следопыты школы собирают историю 25-го танкового полка, сформированного в Кургане.

● После долгих поисков следопытами и киноработниками города Черкассы найдена первая звуковая документальная кинолента под названием «Свадьба». В 1936 году киевские кинематографисты засняли первую комсомольскую свадьбу в селе Чапаевка Золотоношского района — передового бригадира Федора Пилипенко и звеньевой Мелании. Фильм демонстрировался недавно во Дворце культуры села Чапаевка.

● «Родное Прикамье» — так называется музей литературного краеведения пермской школы № 109. Школьниками собран материал о творчестве поэтов и писателей Прикамья. В почетном списке — П. П. Бажов. Ребята знают подробности создания его сказов, истоки многих из них. Шестнадцать книжных посылок, пятьсот томов, послали прикамские следопыты своим коллегам — «бажатам» сибирского села Бергуль.

● Тридцать восемь лет лежал на дне Десны погибший корабль. Следопыты Черниговского музыкального училища с помощью ветеранов Отечественной войны установили: затопленное судно — монитор «Смоленск» Днепровской военной флотилии. Корабль будет поднят на поверхность.

● Отметим свое 60-летие одно из старейших детских учреждений в нашей стране — Ивановский детский дом [Ульяновская область]. Он открыт в 1919 году как детская трудовая воспитательная колония для сирот. Воспитателем детдома был Александр Матросов. Здесь есть его музей, и детский дом носит имя героя.

● Более пятисот экспонатов собрано в геологическом музее новосибирской школы № 22. Среди них — даже новый минерал, еще не имеющий названия, открытый учеником школы Анвером Шахмаматовым.

● Урик, небольшое село под Иркутском, с которым тесно связаны судьбы декабристов, обещает стать мемориальным селением. В историческом музее местной школы собрано множество документов и вещей той эпохи. Музей получил высокую оценку у крупнейших декабристове-дов страны.

● Народный хор села Добровляны Тернопольской области известен у нас в стране и за рубежом, где не раз бывал на гастролях. У самодеятельного коллектива есть музей, который готовится отметить тридцатилетие. Экспонаты его рассказывают о прошлом и сегодняшнем Западной Украины, о расцвете национального искусства.



СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф



● Пушкинская весна

По записи в метрической книге Елоховской церкви, 6 июня 1799 года «во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скворцова у жильца его мазора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр». Тот же тихий садик на этом месте. Только вырос другой дом — большой, шумный: московская школа № 353.

Каждый год, со дня открытия школы в 1937 году, приходит сюда «Пушкинская весна». Фестиваль этот проходил и тогда, когда падали на крышу зажигательные бомбы, когда на семерых учеников было по одному ученику — в военное время.

Есть в 353-й школе музей. Напрасно искать в нем оригиналы пушкинских черновиков; зато за многие годы собралась богатая коллекция гравюр, портретов, рисунков, иллюстраций к произведениям поэта, сделанных учащимися. И сочинения здесь хранятся тоже школьные. Все — о Пушкине. А в школьном пушкинском театре выросло не одно поколение Додонов, Татьяна, Дубровских...

К «Пушкинской весне», к новым конкурсам, спектаклям, концертам готовится школа и нынче,

● «Назвалась» фотография...

Несколько лет назад со дна Северского Донца, возле поселка Дробышево Краснолиманского района, подняли танк Т-34. Следопыты местной школы № 2 и районная газета «Заря коммунизма» объявили розыск погибших танкистов. Спустили три с лишним года фамилия одного из них стала известна.

...Перед форсированием реки танкисты побывали у фотографа. Все карточки были разобраны и только одна — где двое танкистов снялись вместе — осталась невостробованной. Эта фотография и была опубликована в газете. Откликнулись многие люди. Они узнавали на снимке близких, знакомых, присылали довоенные и послевоенные снимки. Вот только фамилии назывались разные... Кто же был в танке?

Необычная экспертиза была поручена лейтенанту милиции эксперту областного управления внутренних дел Валентине Васильевне Усовой. Вместе со своим наставником старшим лейтенантом милиции Э. А. Разумовым молодой эксперт сличала присланные фотографии со снимком танкистов. Сложная это была работа: снимки нечеткие, пожелтевшие, люди сняты — кто без головного убора, кто в шлеме, и возрасты самые разные. Применив метод сравнительного исследования и сделав пробные снимки, эксперты дали заключение: один из двух — Николай Николаевич Лисняк.

Так любительская фотография, сделанная в 1943 году, помогла установить личность одного из танкистов, погибших при переправе через Северский Донец.

● «Приказ понял. Прыгать не буду...»

Самолет возвращался на аэродром. Он несколько раз заходил над площадкой и пронесся мимо. На командном пункте, после многих попыток посадить поврежденную машину, микрофон взял командир полка «Нормандия — Неман» майор Дельфино:

— Де Сейн, прыгайте!

— Мой командир, — обращается к командиру техник: — У барона в самолете русский механик, у него нет парашюта...

Микрофон берет командир русских техников полка майор Агавельянц:

— Де Сейн, я вам приказываю: набирайте высоту и прыгайте. Белозуба не спасти — прыгайте!..

В самолете двое: Морис де Сейн, выходец из старинной французской семьи, парижанин, и крестьянский парень с Днепропетровщины Владимир Белозуб. Несколько дней назад де Сейн вернулся с сорока пробоинами в машине — их латал русский механик. Морис писал о нем матери: «Знаешь, маман, у меня есть русский друг — Белый Зуб... Он мне стал как брат. Ты можешь считать, что теперь у тебя два сына: Морис и Вольдемар...»

— Де Сейн! Прыгайте! — настойчиво требует микрофон.

— Приказ понял, — слышится голос пилота. — Прыгать не буду!

Их хоронили вместе. Французы несли накрытого трехцветным флагом Белозуба, русские — тело Мориса де Сейна под алым полотнищем.

...Спусти много лет в селе Покровка Днепропетровской области следопыты открыли музей «Нормандия — Неман». Помнят земляки Володю Белозуба и его друга Мориса. А из Парижа пишет ребятам Тереза де Сейн: «...Я думаю, что подобные примеры священной дружбы сделали для мира во всем мире больше, чем все разговоры о нем».

● Не забыто!

Одни названия на табличках в этом музее заставляют содрогнуться. Стоят макеты белорусской деревни Хатыни, концлагеря Саласпилс, девятого форта в Каунасе... Висят траурные флаги стран, на территории которых были размещены концентрационные лагеря...

Музей «Антифашист» московской школы № 234 в Медведково существует восемь лет. Здесь так же, как и во всех музеях, работают экскурсоводы, ведется переписка, организуются экспедиции. В белорусскую деревню Малый Тростянец, в уютный ныне эстонский городок Клоога... Многие из этих названий давно утратили свой зловещий смысл, и даже на Нюрнбергском процессе не о всех о них говорилось. Но во времена войны это были страшные места, где множество людей приняли мучения и нашли гибель от рук фашистских извергов.





Сокрушение Лехи Быкова

Борис
ПУТИЛОВ

Рисунки
Н. Мооса

Повесть

3.

В седьмом классе, осенью сорок шестого, к нам вернулись учителя-фронтовики.

Их уцелело немного. Если не считать Юрки-Палки, военрука-инвалида Юрия Павловича, — всего трое.

И первым в этой замечательной троице был, ясно, «немец» — Василий Александрович Широков, наш Вася Широчайший, мир праху его! Кличка эта, как и легенды о нем, пришла к нам из сияющих мирных времен, и он ее был достоин. Как тех легенд...

Через пять лет, когда я уже важным студентом-первокурсником явлюсь на встречу выпускников, Вася Широчайший, как всегда со скрытой насмешливой любовью, щелкнет по моему задранному носу. Так он срезал меня все школьные годы — одной фразой. Больше всего из любимого Пушкина. А теперь — из Шопенгауэра. Эту фразу острыми готическими буквами, почти всегда без раздумий, он напишет в моем блокнотике: все тогда лезли к нему за автографами-напутствиями, пролез и я — в первый и последний раз. То изречение состояло почти из одного дерущего язык и сознание слова «дер». Хотя я знал, что, кроме артикля, оно обозначает еще определительный союз «который», перевести фразу — к вящему посрамлению своего звания студента-словесника — я не смог. И только потом вместе с нашей высокоумной университетской «немкой» мы расшифровали ее смысл. Вот он:

«Тот, который считает дураками тех, которые считают буквы, всегда прав!».

До этого я следовал данной истине интуитивно — теперь, вооруженный словесным выражением истины (мое презрение к буквоедству и буквоедам невыносимо осложняло мою жизнь!), уже сознательно и твердо исповедую ее.

А до седьмого класса мы немецкий и за предмет не считали. Тем более, что страна наша воевала с теми Гансами и Фрицами, что nach Osten marschiren, и Аннами-Мартами, которые faren nach Апара! И они маршировали по площадям наших городов, ехали купаться, чужие белокурые стервочки, в захваченную Анапу, а мы, хозяева, доходили и пухли с голоду на холодном Урале, изводя нашу бедную учительку дойча своим совершенным его незнанием и нежеланием знать.

Широчайший же Вася уже первым своим приходом в класс поверг нас в восторг и удивление.

— Мороз и солнце, день чудесный! — продекламировал он, глядя в окно, где под ярким солнцем действительно сиял инеем первый сентябрьский утренник. Потом повернулся к нам, разинувшим рты, и легонько потрепал по лохматой голове моего соседа, все того же Леньку Шакала, с превеликими муками перелезшего за мной в седьмой класс и сейчас склонившегося к парте в голодной истоме. — Еще ты дремлешь, друг прелестный?..

Шакал вздрогнул и поднял на учителя свои перепуганные прозрачные глазища — класс грохнул. Ну а прославленные галерочники Борька Петух, мой уличный друг, и Ванька Хрубило, бывший кукушкинский шестерка, а ныне свободный гражданин нашей классной республики, — те вообще, хо́оча, вываливались из своей парты. Но Широчайший словно не увидел их.

— Читайте величайшего Александра Сергеевича! — провозгласил он. — Это самый грамотный, самый чистый, это канонический русский язык!

А мы смеялись, и смех тот был рожден не только незатейливой шуткой (Васины шутки вообще в большинстве были просты, доступны массам, хотя у него имелись и тонкие, мудрые — для избранных), наш смех был рожден самим сногшибательным видом нового учителя.

За войну, понятно, мы нагладелись на раз-

ных доходяг. Но это был доход из доходов: длинная худощепина, облачившая костлявый остов свой в солдатскую БУ (бывшую в употреблении) форму из ХБ (хлопчатки бумажной). Истертые галифе острыми мешками спадали с колен на сгорбившиеся кирзачи, а гимнастерка, перетянутая брезентовым ремнем со съехавшей набок пряжкой, давно уж потеряла свой исконный цвет хаки, а приобрела какую-то полойно-поносную раскраску. Но самым смешным было его лицо: бледные губы не могли скрыть больших, изъеденных чернотой зубов, которые, когда он говорил, выпирали наружу; большая голова была лыса до затылка, зато на крупном носу, на самой пористой его вершине, кустились длинные черные волосики, — чучело, да и только!

Вот таким предстал перед нами знаменитый Вася Широкайший. И ходил таким весь учебный год, только зимой, в стужу, сменил сапоги на пимы-баржи, серые, грубой солдатской катки... Но его внешность уже никого не сместила и, хотя дешевой добротой он нас не привлекал, двойки ставил без пощады, мы все скоро были без ума от его пронзительной иронии и, верно, широчайший познаний, от его огромных — из-за толстых стекол — глаз, спокойных и умных, для которых все внешнее — в том числе и собственный вид — не имело значения: для них был важен внутренний смысл людей и явлений.

Но больше всего околдовал нас его голос.

Я и сейчас, через много-много лет, только смежу глаза, слышу этот голос, открывающий мне всемирное родство человеческих душ, и вижу высокие горы, где светятся сквозь ночь скудным светом окошки пастушеских хижин:

Auf die Bergen will ich steigen,
Wo die frommen Hütten stehen...

Или мерещатся мне под звучание того глубокого, густого голоса — голоса прирожденного учителя — вечерний, в тумане, Рейн и черная, таинственная скала Лорелей, скала несчастной любви:

Ich weis nicht, was soll es bedeuten,
Das ich so traurig bin...

Странная музыка этих стихов, таких далеких и таких близких, эти «кроткие хижины» (frommen Hütten), эта необъяснимость внезапной человеческой печали (was soll es bedeuten), — все это заставляло трепетать наши заскорузлые окранные сердца, будило забитое воображение, рождало — в ответ — поэтические звуки. Уже свои:

Спустилась ночь. В космические сферы
Уходит солнце, искорки роняя.
Меня ж уводят грустные химеры,
И вижу я огни неведомого края...

«Так он писал, темно и вяло», — по-пушкински пошутил бы Василий Александрович, попадись ему на глаза мои тогдашние сочинения. А может, и не пошутил бы: под внешней иро-

нией у него скрывалась, я уже говорил, пугающая серьезность.

Серьезность учителя наших дум и нашего разума.

А учителем нашего тела стал другой демобилизованный герой — физик Яков Иосифович Пазухин. Яша-Пазуха. Другие имена и клички я чуть меняю, его — нет, знаю, что не прочтет он это: он, красавец и шеголь, никогда не был большим охотником до чтения, интеллектом не блистал, в противоположность Широкову. Косноязычно чокая, он барабанил свой предмет, не выходя из программы. Но обладал другим драгоценным качеством, был, как называл его Широкайший, unsere Sportler, наш спортсмен, неустрашимый боец и гениальный гладиатор мяча.

Физкультуры как предмета в войну не существовало — ее заменили военным делом. Загодя готовили защитников отечества. И мы или в сотый раз разбирали древнюю, образца девяносто первого дробь тридцатого года, с просверленным патронником винтовку, или лихо маршировали с новенькими, тяжеленными, деревянными, но фабричного производства мушкетями на плечах, пугая обывателей истошной песней про соловья, соловья-пташечку, которая жалобно поет. Но иногда в погожие дни воюющих Юрка-Палка приводил нас на полянку за школой, мы составляли наши самопалы, а Юрий Павлович кидал нам на растерзание старый футбольный мяч. И сам носился в общей куче.

Но он все-таки был дилетант, к тому же калека.

Яша-Пазуха достиг в спорте почти профессиональных высот: до войны играл форвардом в знаменитом «КИМе» (Коммунистический интернационал молодежи), команде из нашего города, которая не только была земляков и заезжих москвичей, но и бросила вызов самим баскам, приехавшим тогда в Москву, но те отказались, сославшись на дальность расстояния. Однако старожилы-болельщики уверяли, сам слышал, что «волшебники футбола» просто испугались непобедимых кимовцев...

В первый же сентябрьский день, когда Юрка-Палка привел нас на зеленую еще полянку и затеял игру, из школы выскочил Яша-Пазуха, закатал до колен модные брюки-клеши из английского бостона, обнажив устрашающе шароподобные икры, и ринулся в бой, по счастью, за команду, где играл я. И мы разнесли команду Юрки-Палки в пух и прах, как до нас московские динамовцы команду Уэльса.

Яша-Пазуха водился, поддевая мяч носком и пяткой, делал невиданные финты и ложные движения корпусом, таскал мяч на коленках, на груди, жонглировал головой, и главное — бил. О, как он бил! Бил правой и левой, бил с оста-

новки и с лета, бил так, что голкипер противника бесстрашный Ванька Хрубило уже при его замахе убегал из ворот. «Мне жить еще охота!» — оправдывался он перед расстроенным Юркой-Палкой.

«Избиение младенцев в Иудее» прервала наша гардеробщица и сторожиха Ульяна Никифоровна: выйдя на крыльцо, она загремела в медное коровье ботало, извещая начало следующего урока.

Яша-Пазуха, провожаемый всеобщим восхищением, кинулся в школу, но его остановил сам Витя, — длинная сутулая фигура его давно торчала на краю поля. Уставший, я приземлился рядом и слышал их разговор.

— Вы сначала приведите себя в порядок, — строго сказал Витя. Он, наш директор, один на всю школу не был отмечен насмешливым прозвищем, был просто Витя. Как, скажем, были просто боги — Ярило, Ра, Зевс.

— Чо верно, то верно, — смутился Яша-Пазуха, послушно расправил брюки, посадил на место, под могучий, еще не успокоившийся кадык, яркий немецкий галстук. — Виноват, исправлюсь.

— Не нужно исправляться, — Витя привычно-сдержанно покашлял в зажатый в кулаке платок. — Детям пора переходить на мирные игры. Организуйте футбольную секцию. В здоровом теле — здоровый дух.

— Чо верно, то верно, — сказал Яша-Пазуха и вдруг возразил, возразил самому Вите. — Футбол не буду. Он для меня плюсквант перфект.

— Не квант, а квам, — Громовержец начал сердиться. — Не путайте физику с немецким языком. Говорите по-русски. Вы не Широков!

— Чо верно, то верно, — засмеялся Яша. — Куда уж нам с зыйским рылом в иностранный ряд!.. А вот волетболом, — сказал, — я бы с нашими дуроломами занялся.

— Во-лей-болом! — снова поправил его Витя. — Но это же игра для дачников. Я сам когда-то поигрывал.

— Поигрывать одно — играть другое! — взвился Яша. — Волетбол, он лучше всего учит управлять телом в пространстве. Реакцию, чо верно, развивает, сигнальную систему. А знаете, сколь настоящий волетболист в весе за игру теряет? Как марафонец почти што!

Теперь уж смутился Громовержец.

— Ну-ну, — пробормотал он и, покашливая туберкулезно в платок, журавлиными шагами удалился в сторону школы. Туда поплелись и мы.

Через три года в весеннем блицтурнире на первенство города наша никому не известная команда из окраинной школы под неистовые вопли удивленных болельщиков повалила «металлургов» — все лбы под потолок! — и встретилась в финале с самим «Дзержинцем» — знаменитой командой машиностроительного завода.

«Дзержинцу», правда, мы проиграли, просто пороку в нас, еще не окрепших после голодного военного детства, на пять партий не хватило, хоть наш капитан и главный забойщик Яша-Пазуха творил чудеса. Он и в защите был неплох, в те доисторические времена, когда прием «на манжеты» считался двойным ударом, безжалостно засуживался, и принимать все мячи, даже «колы», можно было только на пальцы, Яша отчаянно и точно ложился под удары. Но особенно он был страшен в нападении. И на подаче. Он тушил и подавал (из-за спины, драйфом) по-своему, не ладонью, а сжатым кулаком, и пробитые им мячи летели с сокрушительной силой.

Но один, известно, в поле не воин, мы все-таки проиграли, и наш фронтовик, грозный Яша-Пазуха в яростном бессилии плакал на виду у всех. Плакал человек, принесший нам и тогда, в школе, и потом, на вузовских ристалищах, столько счастливых минут — в ярко освещенных, дико ревущих залах, у туго натянутых сеток!..

А сердца наши разбудил и преподал им первые уроки третий фронтовик. Вернее, фронтовичка. Марина Обрезкова. Марина свет Матвеевна. Тоже, как и Витя, без клички. Потому что тоже относилась к сонму богов. Вернее — богинь!..

Девичьего общества уже третий год мы были лишены решением свыше, в учителях у нас ходили одни старухи, и появление двадцатилетней богини, туго затянутой в хромовые сапожки и военную форму, которая была словно нарочно придумана и скроена так, чтобы ни от кого не скрыть то, что надо, — ее появление стало для нас ударом молнии. Сексуальной революцией в масштабах школы. Революцией, взорвавшей и нашу ученическую реальность, и наши праведные до того сны!..

И самое тяжкое, самое волнующее — и для нас, и для нее — было то, что она отлично видела, понимала, что она делает с нами, старалась быть строгой, но не выдерживала: ее девичье смятение, ее женская тоска и страсть то и дело прорывались — в улыбке, во взгляде, в движениях, в голосе даже; и шло ли это от долгой привычки находиться среди изголодавшихся мужиков, или от природного темперамента, или от того и другого вместе — не знаю, но вокруг нее всегда пульсировало мощное магнитное поле!..

Она явилась к нам сперва пионервожатой, сменив на этом посту общественника Женю Херсонца, а зимой, после смерти Таси-Маковки, повела в нашем классе историю СССР. Стала Мариной Матвеевной. Но с пионерами продолжала возиться, красного галстука не сняла.

И он, защелкнутый на ворота гимнастерки вокруг нежной шеи значком-зажимом с пылающим пионерским костром, ложился своими крыльями на ее высокую грудь, где серебром блестели две медали «За боевые заслуги».

— Худенькие у нашей героини медальки-

то,—сказал мой новый сосед по парте, глядя туда, куда мы, мелюзга, и взглянуть-то боялись—на круглые, обнаженные короткой юбкой, при любой погоде в тонком трофейном фильдеперсе, ее колени.—Знаешь, как их настоящие-то фронтовики прозвали?

— Кого их? — не понял я.

— Кого, кого... Медали. Забезо. За-бе-зо-бразия! — сказал он по слогам и захохотал: — Все равно — война!

— За какие безобразия? — снова не понял я.

— За какие. В постели, например... Ну — дошло, салага?

Тут уж захихикал я — от ударившей меня догадки. Мне бы реветь от боли, я уже тогда любил ее, а я хихикал, подлец. То, что за такое в порядочных домах бьют морды, я не знал, да и руки мои были коротки до породистого, уже помужски оформленного лица моего нового соседа, да и придавил бы он меня, как кутенка.

— Пылаев, прекрати смех! — сделала замечание Марина Матвеевна и пошла к нам. Я, чтоб не видеть те медали, уставился в обшарпанные и изрезанные доски парты, но и не глядя знал: мой сосед продолжает смотреть ей на колени, и от его взгляда, как это было не раз, она начинает краснеть.

— Скажи, Пылаев, что мы проходили на том уроке?

— Не помню! — сгрубил я, хотя и учил.

Но она не услышала злобной ревности в моем голосе, она вообще меня не слышала. Она положила руку на широкое, в кителе, плечо моего соседа:

— Тогда вы скажите, Леша.—Его, единственного в классе, она звала на «вы».

Мой сосед величественно освободил свое тело из тесной ему парты:

— Мы проходили опричнину... Опричнина была суровой, но необходимой мерой Грозного. Первого действительного царя на Руси. Как сказал товарищ Сталин: Иван Грозный боролся с варварством варварскими способами...

И пошел поливать. Историю, особенно походы и сражения, казни и перевороты, народные бунты и их подавление,— все, что связано с войной, с кровью и смертями, он знал назубок. Сын военного, он уже выбрал свой путь.

— Умничка, пять,— произнесла Марина Матвеевна вдруг сломавшимся, волнуящее охрипшим голосом.— Садитесь, Алексей Быков!

Ну, вот и все. Имя названо. Я добрался наконец-то до главного героя этой повести.

Дошел и остановился в оторопи: неужели он мне не приснился, Леха Быков? А жил-поживал и сейчас где-то живет-властвует. Живет почти наверняка: здоров и силен он был действительно как бык, пятерых таких, как мы, хилаков стоил... Наверное, живет, если не пристукнул его очередной восставший раб...

По натуре, по далеким, от дедов-прадедов, генам своим он был вовсе не хан Батый. Правдив, по-русски широк и добр, чувствителен даже: книги, а особенно кино, случалось, трогали его до слез. Но это книги и кино — живых людей-людишек он презирал, они существовали для него только как объект власти. И эта страсть к власти, главный человеческий порок и доминанта его поведения, разъема, погубила Лехину душу. Он многое перенял от отца-генерала, привыкшего командовать, видевшего в окружающих только исполнителей своей воли. Возможно, даже скорее всего, это был боевой и хороший генерал; прошедший школу красноармейского товарищества, но Леха-то начал не с солдатских шей, а сразу со звания «младшего генерала»: пройдя с отцовским штабом два последних года войны, он был окружен адъютантами, денщиками и прочей, в чинах, подхалимствующей сволочью, и она погубила его душу.

И еще — мать. Мать, с которой жил маленьким и к которой вернулся сейчас, оборотистая и жадная директорша «Военторга». Ведь что такое жадность, как не тот же — деньгами, вещами или, как в наше голодное время, продуктами — захват власти над людьми? Слабыми и немощными. Или тоже жадными...

К нам в класс привела его Аделька-Сарделька, подруга его матери и наш завуч, божье наказание школы. Ульяна Никифоровна — ее гардероб-вешалка был рядом с кабинетом директора Вити, и все, что происходило там, она слышала — потом рассказывала, что Аделька хотела устроить Леху сразу в восьмой класс. «Змеей шипела, начальством страцала,— рассказывала Ульяна.— Да не на того напала толстозадая! Витя, хоть, видать, и испужался, а не уступил: «Без свидетельства я даже Героя Союза не приму!»

И Аделька-Сарделька привела его в наш класс.

Кличку свою она получила вместе с появлением в нашей школе осенью сорок второго, и прилепить ее могли только ребята приезжие, эвакуированные из столиц, потому что в нашей глубокой провинции мы знали лишь поговорку: «Лучшая рыба — это колбаса», а сарделек-сосисок сроду не видели, да и колбасу только американскую, в банках. Дразнилка эта была дана для контраста с истиной, от противного: по своей жирной полноте, по пухлым, словно обрубленным ногам и рукам, она должна была быть нежна и добродушна. Но она была жестока и злопамятна, доносила Вите на нас, а на Витю тоже доносила. Не нам, понятно...

— Пго-гошу любить и жаловать,— не выговаривая «р», прогоготала она.— Ваш новый товарищ Алеша Быков.

Мы молча усталились на здорового парня, независимо держащего руки в карманах новень-

ких галифе,— он же, выше даже самого высоко-го в классе «сухостоя» и страстотерпца Альки Далина на целую голову, нас в упор не видел... И вдруг раздался с галерки удивленно-злой голос Борьки Петуха:

— А почему он с волосьями? Нас, как баранов, обстригли, а он в полубоксе?

Это был наболевший кровный вопрос, вопрос нашей жизни и смерти.

До шестого класса мы стриглись под ноль — от военной голодной вшивости — безропотно: раз надо, так надо. В шестом уже начали раздаваться отдельные протесты, которые были подавлены, а мы снова подведены под ноль. Но в седьмом, отрастив за лето шерсти на головах пальца на два и кто во что горазд расчесав ее, мы решили держаться железно, биться за наши прически, за наше право на красоту до конца. Тем более, что надвигался наш первый «выход в свет» — первый осенний бал в женской школе номер 33, куда через верных людей мы уже получили приглашение.

Но за неделю до Октябрьских праздников, до долгожданного бала, вдруг вышел строгий приказ директора Вити: всем ученикам (до восьмого класса) с медицинскими целями, ясно, под угрозой исключения, подстричься нагладо; у одного из нас, у недомерка Юрки Котлярова, был обнаружен в волосах «букет», то есть гниды, и над нашими прическами нависла смертельная опасность.

Надо было их спасать!

И мы надумали отправить к Вите полномочную делегацию. Путем прямого голосования в нее вошли я, хроник-сморкач Борька Парфенов, наш признанный мозговой центр, и вечный возмутитель спокойствия, первый ученик Серега Часкидов. А главой делегации единогласно выбрали переростка Борьку Петухова, ибо он, работая в своей столярной мастерской по изготовлению гробов, твердо усвоил правило: будь понаглей и попроще.

В большую перемену мы двинулись к Витиному кабинету. «Ой, парни, не могу, сопли одолели! — пытался улизнуть от опасной миссии «наш мозг» Борька Парфенов. — Идите без меня». — «У тебя всегда сопли!» — пресек его Борька Петух и толкнул Парфеныча в директорскую дверь:

— Можно, Виктор Иванович?

Витя, сидя за своим большим столом, что-то писал и на нас не смотрел — на нас смотрел со стены над его головой Иосиф Виссарионович Сталин. Мы тогда были окружены этими портретами, Сталин был всюду, но такого портрета мы еще не видели! Везде это был усатый мужчина средних лет с черными, как смоль, волосами. Но художник, рисовавший портрет для Витинового кабинета, исповедовал, видно, суровый реализм: сейчас на нас смотрел со стены стро-

гий старик, седой, будто лунь. Его волосы и даже усы были белее снега.

Между тем Витя увидел нас и еле заметно улыбнулся:

— Ну, да здесь целое посольство! Насчет чего, разрешите спросить?

И наш предводитель Борька Петух сробел от Витиной улыбчивой вежливости, забыл, что нахальство — второе счастье, он молчал, как утопленник, сунув в рот свой большой, разбитый за деланьем гробов палец.

— Так и будем в молчанку играть?

Тогда я ткнул Борьку в бок кулаком, он вытащил мокрый палец и — брякнул. Сказал фразу, которая в летописи двадцать третьей школы станет исторической:

— Да мы всчет волос, — сказал Борька.

— Что значит «всчет»? Стричься, что ли, не хотите?

— Не хотим! — подтвердил Борька с зыской безграмотной отчаянностью.

— Так. — Витя встал во весь свой долгий рост, отыскал глазами Серегу Часкидова. Серега хоть и был нашим лучшим учеником, но за безобразия выгонялся из школы чаще других, и Витя его знал ближе нас.

— Вот что, Часкидов, — сказал Витя, — позывите сюда Юрия Павловича, он должен быть у поста номер один.

Пост № 1, главный и единственный боевой пост нашей школы, где стоял дежурный ученик с деревянным ружьем, был рядом с директорским кабинетом, возле раздевалки, и Юрка-Палка с Часкидовым явились тут же.

— Есть срочное дело, Юрий Павлович, — сказал Витя. — Приказываю забрать этих партизан, отвести в ближайшую парикмахерскую и подстричь под героя гражданской войны Котовского. Потом явиться за следующей партией семиклассников. Приказ понят?

— Так точно!

— Выполняйте.

— Есть!..

И через пару часов, когда полномочная делегация явилась назад в школу, класс при виде наших голых голов смеялся до икоты и с тем же хохотом, уже не сопротивляясь, сомкнутыми рядами пошел на казнь — под тугую, нещадно дерущую за волосы и оставляющую косицы за ушами машинку базарного парикмахера.

Так, в одночасье, рухнули и наша мужская краса, и великие надежды на осенний бал в женской школе: не предстанешь же под светлые и строгие девичьи очи с лысой своей башкой! Да если она еще тыковкой, как у Борьки Парфеныча, или с большущей, прямо питекантропической шишкой на затылке, как у Ваньки Хрубины...

И вот в наше озлобленное и оболваненное общество привели человека, которому было, судя по всему, официально разрешено ношение

прически: его прямые густые темно-русые волосы, расчесанные на косой пробор, круто уходили вбок и назад... Значит, мы черненькие, а он беленький? Не пройдет! Но пасаран!

— В парикмахерскую его допреж сводите! — заорал Борька Петух. — На рынок!

Завуч подняла вверх толстенькую ручку с растопыренными и верно, будто вареные сардельки, пальцами:

— Этот вопгос уже обсасывался навег-ху! Газгешено в погядке исключений. Алексей старше вас. Пока вы учились, он воевал с немцами!

— Да ну! — не поверил Петух, а Серега Часкидов запел:

Немец-перец-колбаса,

Жарена капуста!

Слопал крысу без хвоста

И похвастал: вкусно!

— Пгекгатить безобгазия! — взвизгнула Сарделька, но Ванька Хрубила заблажил единственную, наверно, песню, которую знал, — из «Новых походов бравого солдата Швейка»; запел, теперь уже прозрачно намекая на самую Адельку-Сардельку:

Сосиски с капустой я ошень люблю!..

— Попгошу! — оборвала его завуч.

Откуда, из каких неведомых краев попала в нашу окраинную рабоче-крестьянскую школу эта особа с ее стародворянским произношением? Как мог наш директор Витя, так тщательно и умело подбиравший учителей, допустить этот приход? Скорее всего она была навязана ему...

— Попгошу не смеяться! А кто обидит новичка...

Но тут подал голос сам вновь прибывший.

— Пусть только попробуют обидеть, — сказал он, глядя поверх наших стриженных голов в даль, ведомую только ему. — Тогда они вообще смеяться разучатся.

И — замолчал.

Он молчал всю первую неделю, сидя в одиночестве на самой большой в классе парте. Потом у него появился сосед, смотревший ему в рот и ловивший каждое его движение...

Аделька же Сарделька попытается-таки отомстить нашему Вите за то, что вместо привилегированного восьмого класса Витя затолкал новичка в наш суровый седьмой. В тот день я как раз с деревянным мушкетером у ноги стоял часовым на посту № 1. Я охранял вход в раздевалку, болтал с Ульяной Никифоровной о жизни, как вдруг к нашей школе свернула с дороги машина с высоким крытым черным кузовом, перечеркнутым посередине красной чертой. Автомобили к нам, затерянным на окраине, подошли редко, больше клячи, водо- и дерьмовозки, и мы с Ульяной кинулись к окну.

— «Скорая помощь», што ли? А почему без креста?

— Как скоро? — ахнула Ульяна. — «Черный ворон!» Господи спаси...

Из машины вышли двое в одинаково черных и одинаково поношенных за войну пальто и, уверенно отстранив меня с моим деревянным ружьем, прошагали без стука прямо в Витин кабинет. Они плотно прикрыли за собой дверь.

— Чо будет-то, господи-исусе! — простонала Ульяна, а я замер на своем посту по стойке смирно.

Вскоре дверь открылась, и раздался, видно, заканчивая разговор, холодный голос одного из пришедших:

— ...Своим так называемым реализмом вы подрываете великий авторитет! Наш вождь не может быть стар. Он велик и вечен. Идемте.

И они вышли. Впереди по-журавлиному понимал свои тонкие ноги в высоких сапогах Виктор Иванович. Прижав к тощей груди злополучный портрет седого Сталина, он нес его осторожно и свято, как икону, за ним беззвучно двигались приехавшие — хмурые и безликие. Но уже у самого выхода последний из них обернулся и приказал тихо: «Об этом попрошу ни слова»; и теперь уже не только я, заяц, вытянулся вдоль своего ружья почти без чувств, но и сама Ульяна Никифоровна замерла с открытым ртом.

Однако вовсе лишить ее памяти было, видать, не так-то просто: лишь только «черный ворон» скрылся за углом, наша гардеробщица взвилась, осененная догадкой:

— Это не иначе она, змея подколотная, Аделька подлая, на Витю жалобу подала. А он тоже, как дитя малое, нет чтоб нонешний, со звездами, портрет купить, повесил какой-то и думат ладно... У, доносчица! Давно сжить его хочет!..

Но что-то там сорвалось, мести не вышло. Витя отделался только испугом. Правда, похоже, далеко не легким.

К концу первой смены, когда я изнемогал под ружьем последние минуты, Виктор Иванович вернулся, мрачно сбросил на руки подскокившей Ульяны свое подбитое ветром пальтишко, огляделся вокруг, будто все еще не веря, что он у себя дома, и вдруг засветился всем своим худым, источенным туберкулезом лицом, а, проходя мимо меня, положил, глядя, свою холодную длиннопалую руку на мою голову. Я притих, чуть благодарно не заскулив, как верный счастливый пес под рукою хозяина: таких нежностей наш суровый директор не проявлял сроду. Прикосновение же к моим коротким, еще, видно, колючим волосам совсем вернуло его к жизни, и он сказал, даже имя мое вспомнив:

— Ты, Денис, передай своему седьмому, что я разрешаю больше не стричься. Все-таки не война, да и большие вы. Только смотрите, чтобы «букетов» не было, кавалеры!

— Не будет! — возликовал я. — А вшивого

Котлярова мы всем классом чесать будем и через день в баню гонять!

— Годится! — сказал Витя и улыбнулся этому, сорвавшемуся из нашего жаргона, словечку. — Ну, а сейчас сдай свое оружие и марш домой — уроки учить.

Я помчался, но у дверей военного кабинета налетел на Адельку-Сардельку, которая как ни в чем не бывало напропалую кокетничала с сомлевающим от тоски военруком Юркой-Палкой:

— Я никогда не была крассива, но всегда была чег-г-товски мила!

Будто невзначай ударом приклада о толстый бок я прервал ее гоготанье.

— Безогбазие! — заверещала Сарделька.

Но ее крик мне уже был не страшен...

А на новогодний бал к девочкам в их школу мы явились хоть с маломальскими, но прическами, плясали, хлопая в липкие от волнения девчоночьи ладошки, популярный тогда танец «Светит месяц, светит ясный», играли в «ручеек», в живые телефоны и, конечно, в «почту». И больше всех писем с предложением дружить получил, само собой, наш новый ученик, высокий породистый красавец, спокойно и лениво управляющий крупной, почти мужской рукой свою расчесанную на косой пробор шевелюру. Делал он это левой рукой — правая почти постоянно лежала в кармане галифе.

Там в его галифе, в обшитом кожей кармане, покоилось черное тяжелое тело парабеллума.

Но об этом знал, кроме него, только один человек. Я. Его сосед по парте.

Почему из всей нашей двадцатиголовой классной массы он выбрал меня — не знаю. Может, тоже, как Женя Херсонцев, за мою все-таки не потухшую страсть к боевому оружию, а может, просто потому, что человек, даже такой, как Леха Быков, не может быть один...

Школьной кавот-компанией, клубом интересных встреч, кафе «Юный диалектик» — назовите, как хотите! — была для нас в ту пору наша уборная. Здесь нам никто не мешал, правда, иногда в порядке профилактики, чтоб напугать очередным исключением за курево, налетал Витя, но это случалось редко, здесь мы были предоставлены самим себе, а значит — счастливы.

Я уже писал, что наша старая школа походила на чудовищного кентавра. Голова, которой она была обращена к улице, — это изящное каменное здание, где в высоких светлых комнатах размещались наши аристократы — восьми- и девятиклассники, а также учительская, со своей, ясно, уборной и прочими службами. А туловище, длинное, лошадиное, холодное, уходило в зыбские огороды, тут был спортзал, военный кабинет, младшие, плебейские, классы и она, наша уборная!

В ней, на холодном дурном сквозняке, под маленькими, как в конюшне, окошками, между сверху обросших, снизу обсосуленных дыр, скользя по ледяному полу, собирались мы в перемены и курили «по-солдатски» зеленый ядовитый самосад: встав кружком, по очереди, из уст в уста передавали друг другу одну огромную сигаричу. Курили до посинения, до тошнотного тумана, до ожога губ.

Курили и — спорили.

Главным заводилой в тех спорах был, конечно, Борька Петух, со своей сумасшедшей памятью и нахальством он обычно брал верх. Состязаться с ним мог только наш мудрец и сопляк-хроник Борька Парфеныч.

— А я те говорю, что Павка Корчагин украл у немца маузер! — кричал в тот раз Петух, жадно дожигая «фабрику», вонючий, уже без табака, газетный конец сигарки. — Тише, ораторы, ваше слово, товарищ маузер!

— Нет, — возражал рассудительный Парфеныч, шмыгая красным носиком. — Точно я не помню, но не маузер.

— Вальтер, — подкасал вдруг стоящий в уголке маленький Юрка Котляров. Он один из нас, как самый маленький, носил еще красный галстук, остальные, уже готовясь в комсомол, таскали их в карманах, надевая только в пожарных случаях. — Дай докурю, Боряня, — попросил Юрка.

Петух выплюнул чадящую «фабрику».

— Я те докурю! Ты должен все средства от шивовости знать, а не наганы.

— И не вальтер, — снова возразил Парфеныч. — Но и не маузер.

А я за петуховской спиной лихорадочно вспоминал ту страницу из любимой книги: вот Павка забрался на крышу сарая, вот увидел через сад Лешинских уходящего с Нелли немецкого офицера, вот соскочил в сад, побегал к дому, вскарбалкался на открытое окно и...

— Я знаю, какой был пистолет. Спорим.

Петух повернулся ко мне:

— Ничо ты не знаешь, каловая масса! — Этой позорной дразнилкой Борька намекал на мою бабушку, бывшую медсестру, известную чистюлю даже в своей речи, даже запор называвшую не как ему следует, а каловым завалом. — И спорить неча, — презрительно сказал Борька.

Я взъярился:

— На стакан самосада! Ванька, разними!

Ванька Хрубила рубанул концом ладони наши сведенные руки, и я сказал прямо как по книге:

— На столе лежали пояс с портупеей и кобура с прекрасным двенадцатизарядным «манлихером»! Ну — съел?

— Врешь, клизма! — отчаянно взвыл Борька, ясно, тут же вспомнив все. — Ты и книги-то не читал!

— Не читал?! — Я схватил его за отвороты чахлого пиджака. — Сам ты петух ошипанный!

Борька замахнулся, и я понял, что опять ходить мне с разбитыми губами: бил Борька сильно и беспощадно, особенно правой — с расплющенным в стоярке большим пальцем. Но не сносить же оскорбления! И я прицелился калганом в его покрасневший в холоде сортира нос.

И тут Борька отлетел к осклизлой стене: между нами стоял, словно забором разгородив, возвышался над нами наш новенький.

— Гони табак, — сказал он Борьке и из кармана сталинки — заталенного френча с отложным воротником, сшитого, как и галифе, из дорогой офицерской ткани хаки — выташил и открыл небрежно пачку «Северной пальмиры». Большущий фанерный муляж такой пачки, с белыми разрушенными колоннами на фоне пальм и пустыни, с довоенных еще времен стоял в окне нашего центрального гастронома. Настоящую же «Пальмиру» мы видели впервые.

— Курите, господа офицеры, — сказал Быков. — А насчет пушки, точно — манлихер. В эту войну был снят с вооружения, капризен... Ну — смелее. Все равно — война!

Это была его любимая присказка. И скрывается ли за ней только насмешливый военный словесный рудимент или его великое равнодушие ко всему миру, кроме себя, — я, к несчастью, пойму слишком поздно...

Все потянулись к открытой пачке, и лишь не умеющий и не любящий проигрывать Борька Петух сказал с презрительным ехидством:

— Таки папиросы курить, токо зубы расшатывать. Вонькие они больно и крепости никакой. Русская армия завсегда на махорке стояла. — Но когда, оделив всех, Быков хотел захлопнуть пачку, Борька все-таки метнулся к ней своим расплющенным пальцем. — Ладно уж, сожгу одну. Так и быть.

— Сделайте одолжение, — сказал Быков, все засмеялись, закурили, окутываясь в неведомый нам сладкий аромат, убивающий даже привычный запах уборной, в тонкий, кружащий головы аромат далеких стран и будущих странствий. Наш кайф прервала Ульяна Никифоровна. Сунув руку в приоткрытую заледенелую дверь, она замотала своим буталом:

— На урок айдате, табакуры сопливые! Вон чо насмолили...

Обалдевшие ребята потопали в коридор, пошел и я, гордый своей победой над Борькой Петухом, но Леха Быков кинул мне через плечо:

— Подожди, разговор есть, знаток оружия. Ребята ушли.

Леха отошел от дыры, застегнул галифе.

— А настоящие пистолеты ты видел, Пылаев? — спросил он.

— Конечно, видел, — соврал, а может, не соврал я. — До войны у отца был браунинг. Как у

чоновца, он с бандитами боролся. И с ним на фронт ушел.

— Браунинг — это дамская пукалка. Хочешь, я тебе настоящий пистолет покажу?

— А не врешь? — спросил я, наученный горьким опытом с Женей Херсонцем.

— Я, брат, никогда не вру.

— И с немцами ты тоже воевал?

— Ну, это не я, это ваша Сарделина врет, шкура продажная! — зло сказал Леха. — Немцев, конечно, видел. Пленных. Но стрелять по ним не пришлось. Просто отец-генерал при своем штабе возил. Чтoб я к армейской жизни привык. Я ведь офицером стану. Все равно — война!

— А когда револьвер-то покажешь?

— Поглядим на ваше поведение. Ну пошли, а то Тася-Маковка возгудать станет. А когда она кричать начинает, то и гляди рассыплется...

Но Тася-Маковка не кричала больше. Ее время прошло.

Когда мы явились в класс, урок еще не начался. Таисия Макаровна, что сроду не бывало, опаздывала, ребята бесились. И вдруг в дверь всунулась все та же Ульяна Никифоровна.

— Не будет урока-то! — тихо простонала она. — Преставилась Макаровна. Померла... Осиротила она нас, сердешная!

— Ура! — по-дурному взвыл, еще не осознав случившегося, главный «сирота», вечный двоечник Ванька Хрубила. — Нах хаус, робя!

— Все в землю лягем! — прокричал непобедимый диалектик Борька Петух. — Все прахом станем!

Подхватив портфелишки, они кинулись к дверям. Но дорогу им загородил Леха Быков, мой новый товарищ. Он взял их обоих за шкуру и стукнул друг о дружку лбами.

— Ты чо?! — заорали они.

— Не люблю шума, — сказал он. Только что смеявшийся над Тасей-Маковкой, сейчас, перед лицом смерти, он был серьезен. — Тихо, дети.

Я его понял, поддержал:

— И верно, чо раскричались.

Борька Петух, потирая ушибленный лобешник, внимательно поглядел в мою сторону и презрительно, сквозь зубы сказал:

— Жалкий под-ра-жа-тель!

Сказал, как припечатал. Это была не расхожая, для смеха, кличка, вроде «каловой массы», это было позорное прозвище!..

Я с детства догадывался, что Борька любил меня, любил и, ясно, ревновал. Каждую мою новую дружбу — хотя бы с тем же Шакалом, которого он за удобу прозвал «суповым набором», а сейчас вот с Лехой Быковым — он воспринимал как измену и мстил мне. Ехидно и зло высмеивал. Я уже привык к его обидным кличкам, но новое прозвище резануло меня до крови, потому что больше всего мы, выросшие на свободе, выше всего мы ставили свою независимость.

— Сам ты «чо по чо!» — взвизгнул я. — Харя неумытая! Гробовщик!

Но надсажался я уже напрасно, кличка прилипла.

— Жалкий подражатель! — заверещал вшиварь Юрка Котляров. — Подражатель! — поддержал его первый ученик и первый драчун Серега Часкидов.

И тут опять влезла в наш крик тихо стоящая у дверей Ульяна Никифоровна:

— Вы все придите ее проводить, горемычную. У ней ведь, окромя вас, детей не было. У, идолы океанские...

В тот декабрьский студеной день наша школа украсилась с утра красным с широкой черной каймой флагом, повешенным над крыльцом, над парадными, на улицу, дверями. Из них все наши школьные мужики: Витя, Вася, Яша-Пазуха, Юрка-Палка — и вынесли, легко придерживая за углы, маленький, будто детский, гробик.

Потом я много хоронил своих учителей, считай, почти всех унес туда, откуда нет возврата, но то были первые мои такие похороны, и больше мороза сжал мне душу вид этого, затянутого в красное, гробика, острый прозрачный нос и впалые, словно проглоченные губы покойницы между чахлах, из деревянной стружки, голубеньких цветов. Я вспомнил ее истошный, сорванный за полвека учительский голос фанатички, ее огромные глаза, горящие молодым вечным пламенем, но больше всего почему-то — ее волочающуюся по полу указку и толстую ручку с 86-м пером и, когда ударил, исторгая морозные жуткие звуки из труб и барабана, заиграл жиденский и сплошь красноватый оркестр, я заревел, и вся толпа подхватила в десятки, сотни голосов этот медный плач...

Да, я пережил потом много смертей, воспринимаю их только как необратимое несчастье. Но эта смерть, эти похороны были больше, значительнее, чем просто несчастье. Не боясь показаться кощунственным, я скажу: нам, тем давнишним ученикам, повезло пережить ее смерть — ибо она, маленькая и смешная Таисия Макаровна, учила нас, как истинный педагог, не только своей жизнью, но и смертью своей!..

Гробик внизу подхватила девятиклассники, мы разобрали венки и, медленно застывая, покрываясь туманом и куржаком, двинулись... Мы шли по нашим зыйским улицам, мимо наших ушедших по самые окна в сугробы домов и глухих заплотов и, когда вышли в поле, за которым маячили кресты и деревья Ивановского кладбища, процессия увеличилась вдвое, а может, втрое: всех мужиков и баб, живущих на нашей рабочей окраине, выучила неистовая Тася-Маковка.

Надгробную речь говорил наш Широчайший Вася, «немец» Василий Александрович, тоже

бывший ученик великой Таисии Макаровны. Он содрал солдатскую, с фронта, шапку, вовсе посинел своим лошадиным лицом и, когда открыл рот, обнажив черные большие зубы, показалось: ничего, кроме скрежета и стога, не пролезет сквозь них. Но он вскинул голову, голую и тоже синюю от мороза, и прогремел, четко, медленно выговаривая каждое слово:

— Любый человек должен совершить в жизни подвиг. Но не всякому это дано. Таисии Макаровне Мезениной это было дано! Ее любовью и мужеством... Перед войной мы, молодые тогда учителя, проводили ее на покой. На заслуженный отдых. Но когда в первые дни битвы наш историк, коммунист и депутат Федя Оплетин, вы его знаете, ушел на фронт и погиб, она снова вернулась в свою школу...

Он замолк, резким движением длинной ладони смахнул куржак с лысины и закричал:

— Она подхватила знамя, выпавшее из рук погибшего бойца, и несла его до своего смертного часа! Мир и покой ей, учительнице и подвигнице русского народа!

И, перейдя почти на хрип, Вася прочитал Гете. Прочитал, понятно, по-русски. Мы, молодые, немецкому по нерадению и годам еще не обучились, а старшие, за великими русскими своими трудами и битвами, конечно, его позабыли. Да и не к месту бы прозвучали немецкие слова, пусть и прекрасные, над скромной российской могилкой. И Вася прочитал Гете по-русски, чуть переделав его на свой лад.

— И подтвердит она, пройдя чрез годы, конечный вывод мудрости людской: лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!.. И она каждый свой учительский день, — хрипел Василий Александрович, — шла на бой, на подвиг каждый час, каждую минуту урока... За жизнь и свободу... Ибо они даются только ясным общественным знанием.. Вечная ей память!

Опять ударились в плач: неутешная Ульяна Никифоровна, опять врезал, разрывая спрессованный горем и морозом воздух, медноголосый оркестр красноносых музыкантов, и вместе с ударами барабана в крышку опущенного гробика, на дно детской могилы ударили первые мерзлые комья земли со снегом. В быстро образовавшийся холмик директор Витя собственноручно вонзил железную пирамидку с красной звездой на макушке...

— Останемся, — сказал мне Леха Быков, когда люди побрели между могил к воротам с покосившимся крестом над ними. — Дело есть.

— Ноги окоченели, не могу.

— Ты же в валенках, — сказал Леха и показал на свои офицерские сапоги. — Терпи, солдат, генералом будешь.

И, когда голоса смолкли вдали, когда потревоженные старые вороны снова расселись, на-

хохлившись, по деревьям, когда не согреваемая уже человеческим дыханием стужа вовсе озвела, в жуткой тишине уходящего в вечер кладбища Леха Быков вытащил из кармана черный вороненый пистолет.

Он лежал на его широкой ладони, на слегка протертой в складках офицерской перчатке из хромовой кожи, упираясь большой, чуть загнутой, с рифлеными щечками рукояткой в запястье, туго застегнутое на блестящую кнопку.

«Это настоящий?» — чуть не спросил я, навеки тем самым опозорив бы себя: уж больно с первого взгляда пистолет был похож на наши поджиги — одна ручка да ствол. Но скошенная назад мушка, прицельная планка, спусковой крючок, мощный затылок казенной части и вся, ощущаемая даже на глаз, тяжесть невиданного оружия кричали: острожно! смертельно!

— Главное личное оружие офицеров вермахта,— сказал Леха.— Парабеллум. Прицельная дальность сто метров, убойная сила — восемьсот... Сколько было лет вашей старухе?

— Какой? — не понял я, как привязанный, глядя на Лехину ладонь.

— Ну — этой... Таиси...

— Лет семьдесят, поди.

— «Подди»! — передразнил Леха. Надо отвыкать от зыбких словечек... Великая была бабушка! — Леха сдвинул вверх планку предохранителя, пальцами левой за рифленые кругляши на казенной части оттянул ствол назад и отпустил. Раздался резкий сильный щелчок.

«Поставил на боевой взвод», — догадался я.

— Военный салют погибшему на посту солдату истории,— сказал он, медленно поднимая парабеллум.— семью пистолетными выстрелами.

И один за другим, больно хлестанув меня даже через опущенные уши шапки по барабанным перепонкам, ударили в холодной мертвой тишине четыре выстрела.

Сверху на нас посыпался снег, сметенный с деревьев не то детонацией спрессованного морозом воздуха, не то испуганно, с диким карканьем взлетевшими воронами.

Леха протянул парабеллум мне.

— Теперь ты,— приказал он.— Три раза.

Я скинул прямо на снег варежку, чтоб освободить палец для спускового крючка, ожегся ладошкой о мерзлую железную тяжесть, поднял ее вверх и, невольно закрыв глаза,— стрелял-то я первый раз! — нажал спуск... И вместе с отдачей и запахом пороха пришло ко мне видение тысяч, а может, миллионов других неведомых русских могил, раскиданных, затаившихся на нашей и чужой земле в недавней войне, одиноких и братских могил... наших отцовских могил... Я салютовал не только Тасе-Маковке — я салютовал им!

Когда отгремели выстрелы и на кладбище, прозванное в честь первого безвестного Ивана, похороненного здесь, снова навалилась мертвая

тишина, после грома еще более жуткая, я отдал Лехе пистолет и, натянув на окоченевшую руку варежку, кинулся разгребать снег — искать стреляные гильзы.

— Не мелочись,— сказал Леха и, легко подняв за воротник, поставил меня на тропу.— Пошли. Патронов хватит. Все равно — война!

На следующий день я пересел на парту к Лехе Быкову, таинственно сказав моему вечному соседу Леньке Шакалу, что так надо, и стараясь не глядеть в его сосущие укором голубые беззащитные глаза. А вместо Таси-Маковки пришла, теперь уже окончательно сразив наши сердца своей почти каждодневной близостью, фронтовичка и красавица Марина Обрезкова. Мы, одичавшие без женского общества, но уже томимые пробуждавшейся мужественностью, буквально балдели от ее вида и от ее голоса, не знали, что делать: то впадали в жуткое послушание, то устраивали беспричинные скандалы,— и только мой новый сосед, повидавший за свои военные скитания, поди, кое-кого и побаше, остался равнодушен к новой историчке.

— Боевая подруга, полевая жена,— небрежно сказал он, но своего отношения к истории не изменил. А историю он знал здорово, не то что математику и русский, где без моих подсказок плавал, как топор. Но он принимал мои подсказки не как Ленька Шакал — с униженной благодарностью, а со снисходительной благосклонностью сюзерена, собирающего дань. Но я готов был терпеть эту обидную снисходительность, переносить отчужденность класса, все более усиливающуюся (петуховская кличка «жалкий раздражитель» пристала ко мне, как несмыслимое клеймо, хотя в глаза ее произносить боялись, даже сам Петух замолк, не меня, конечно, испугался — Лехи); я шел на все это за нашу с ним тайну, за те великие минуты власти, которые давал парабеллум, когда он ложился в мою руку...

По вечерам мы встречались с Лехой у здания «Военторга», нижний этаж которого занимал магазин, лучший тогда в нашем, еще не отошедшем от войны городе, где директорствовала Лехина мать, а в верхнем была их квартира, встречались и через Горбатый мост уходили на Шихан. Там, среди пустынной высоты и окружающих нас скал, мы стреляли. Лежа, с колена, стоя — как в тире, по мишеням, которые Леха доставал в воинской части. Никогда после, а потом мне немало пришлось популять в белый свет, как в копеечку, из наганов, «ТТ» и отличного пистолета Макарова на разных военных сборах, никогда после я так точно не стрелял. Был ли тому причиной редкой точности бой самого парабеллума или мой азарт, моя страсть, которая потом сменилась полным равнодушием, даже отвращением к оружию, хотя само оружие в том не виновато,—

сказать не могу. Но никогда я так здорово не стрелял!

И все равно моя меткость и рядом не стояла с мастерством Лехи Быкова. Это был прирожденный стрелок, это был гений огневой подготовки. Пистолет лежал в его широкой мощной ладони, как впаянный, и вместе с выпущенной пулей был, словно шпага д'Артаньяна, смертоносным продолжением его глаза, его руки, его воли!!

На обратном пути, лежащем через глухие горняцкие переулки, мы лупили однажды по редким уличным фонарям-лампочкам под железными колпаками, горевшими на верху телеграфных столбов. Сложность была в том, что маленькие лампочки раскачивались вместе с колпаками на ветру, и попасть в них было нелегко. Но мы попадали. Леха — с первого раза.

Я до сих пор помню, как возникла, будто на экране, в качающемся огне лампочки черная мушка пистолета, как, дрожа, она выравнивалась с краями прорези прицела, как медленно и плавно уходил под пальцем спусковой крючок, как каждый раз неожиданно гремел выстрел, как не больно ударяло, а просто сильно вдавливало отдачей в ладонь рукоятку, как обдавал меня запах пороха, как поднималась, выбрасывая куда-то в снег пустую гильзу, затворная рама и снова садилась на место, досылая в ствол следующий патрон. И я снова целился и стрелял, стрелял, пока далекая лампочка на столбе не разлеталась вдребезги. Мы шли по тем улицам, оставляя после себя вековую, как тысячу лет назад, тьму, шли, наводя на обывателя страх: тогда, сразу после войны, слухи о «Черной кошке» и других бандах не были просто слухами...

В классе, понятно, никто не знал о наших молодецких утехах, об огневой подготовке вольных стрелков: пропасть между мною и моими прежними друзьями ложилась все шире. Класс, кроме меня, не принял Леху Быкова, так же, как он, Леха, не мог принять класс. Да и не нужен ему он был, он нашу классную мелкоту в упор не видел. И хоть он был добр, одаривал папиросами, да и конфеты в его карманах часто водились, и хоть зря никого не обижал, просто врезал кому-нибудь, если уж очень досаждали, — в классе установилась тоскливая тишина. Не испуганная, как при Витяе Кукушкине: общество, пережившее длительный период вольности, уже прежним быть не может, — а гнетущая и злая, каждый ушел в себя.

Только я ходил, высоко задрал голову, как человек, приобщенный к власти: за моей спиной стоял Леха с его силой и его парабеллумом, подаренным ему, по его словам, одним Героем Советского Союза, другом его отца-генерала.

— Там этого трофейного добра было навалом, — сказал Леха.



— Не мог еще один взять, для меня, — упрекнул я. — Какой-нибудь вшивенький вальтер.

— Не твоим ртом мышей ловить, подрасти, — сказал Леха и, смеясь, добродушно, но страшно больно шелкнул меня в лоб железным ногтем указательного пальца.

И я не знал, плакать мне или смеяться от этой боли, от этой снисходительной доброты, я тоже потерял естественность чувств: мое существование возле Лехи было похоже на сон, обидный, болезненный, но в то же время упительный своей властью и громом выстрелов.

Однако всякий сон, даже в сказках, имеет конец. Но меня разбудил не корольевич Елисей из русской сказки — продрали мне глаза, вернули меня к жизни три вещи иностранного происхождения: американская тушенка, французская борьба и опера «Травиата» итальянского композитора Джузеппе Верди...

В тот год, предвещая сухое лето, весна грянула необычно рано.

Уже восемнадцатого марта мы сбросили зимние одежды, пацаны всю резались на припеке в чикю и бабки, а жалкие остатки снега белели только по огородам, и то у заборов. Я это хорошо запомнил, потому что день 18 марта, День Парижской коммуны, был и остался для меня одним из самых священных праздников. И не потому, конечно, что он приносил долгожданное освобождение от измучивших морозов, нет! — пролитая кровь первых французских коммунаров, которые «штурмовали небо» и которые первые, пусть на время, но скинули богатую сволочь и установили коммуны бедняков, кровь эта своей малой каплей билась, видно, и в крови зыйского мальчишки: я всегда чувствовал героев парижских баррикад своей кровной родней...

А Первого мая вообще стояла летняя жара, и мы сверкали на пиджаках новенькими комсомольскими значками. И когда жидкой школьной колонной, но с барабанами, трубами и многими флагами мы продемонстрировали свою солидарность, Леха Быков вдруг пригласил меня к себе в гости.

— К тебе домой? — испугался я. — Нет. Я матери твоей стесняюсь. Да и бабушка наша пирогов напекла. Ждет.

— Бабушка не медведь, в лес не убежит. — Леха крепко взял меня за локоть. — А моя родительница не кусается. Кроме того, она нас видела, и ты ей понравился. Сразу, говорит, ясно: умный мальчик. Так что топай вперед, гигант мысли!

Но на подходе к «Военторгу», Лехиному дому, я снова затормозил, рванул назад:

— Да что я там делать-то стану, один среди чужих?

— Не бойсь. Там сейчас будут только свои: мамашина бражка соберется вечером.

— Кто свои-то?

— Увидишь, — сказал Леха и потащил меня наверх.

Но в просторной прихожей, застланной толстым ковром, я опять невольно отступил: прямо на меня вытаращилась со стены, ошарашив мертвым взглядом фиолетовых глазищ, бородастая мохнолобая и черная коровья башка с угрожающе загнутыми, полуметровыми, в толстых годовых витках рогами.

— Своих не узнал? — засмеялся Леха. — Это же наш фамильный герб: Быковы, бык. Королевский зубр! Батя из Польши послал, погиб, бедняга, на поле боя... Снимай лапсердак-то! — И Леха накинул на страшные рога вслед за своим новеньким кителем мой поношенный пиджачок, и дикая морда, превратившись в вешалку, сразу утратила свою свирепость, присмирела будто. — А ботинки не снимать, — приказал Леха, заметив мое движение. — Двигай так. Солдаты прибегут... Да что ты на меня вылупился? Нам, как генеральской семье, денщик положен. Ну, вперед.

И мы ступили в залитую солнцем гостиную. И тут я совсем потерялся и обалдел.

В гостиной, кто где, сидели и стояли мои учителя!

Аделька-Сарделька с видом старой приживалки, устроившись за круглым инкрустированным столиком, показывала литераторше Екатерине Захаровне, Жабе, привычно и заполошно хрустящей суставами лягушечьих пальцев, толстый, в серебряных застежках альбом — наверное, быковский, семейный. У открытого пианино, черного, со старинными, на шарнирах, подсвечниками, стояла Марина Матвеевна Обрезкова, наша юная историчка, женщина моей мечты, любовь моя. Она осторожно трогала, крутя их, древние подсвечники, будто играла, но при виде вошедшего Лехи, как от огня, отдернула пальцы и вцепилась ими, чтоб снова найти себя, в свой надежный, боевой, офицерский ремень, так грубо и нежно стягивающий ее талию. А возле напольных, до самого потолка чудо-часов стоял физик Яков Иосифович, Яша-Пазуха. Он тоже пытался скрыть свою неловкость и с преувеличенным вниманием, воткнувшись лбом, рассматривал золотой, с вершковыми латинскими знаками часов циферблат, золотые же, тяжелые гири, богатую деревянную резьбу на большущем ящике футляра.

— А он вместо гроба вполне сойдет, — вдруг брякнул Яша, чтоб прервать давно, видно, копившееся молчание, и, чтоб поправиться, затопил своим неповоротливым языком: — Похожий механизм я в Германии видел. Когда после боев мы в городе Бернбурге стояли. Ну, точь-в-точь будильник!

— А эти часы из Германии, — сказал Леха. — Военный трофей.

— Да что ты говоришь, неужто военный? — удивился Яша и сказал строго: — Ты почему, Быков, в волейбольную секцию до сей поры не записался?

— Вы же знаете, Яков Иосифович, что я боксом занимаюсь, — сказал Леха со снисходительной улыбкой. — При воинской части. Между прочим, имел уже двадцать боев и все выиграл, все равно — война... А в волейбол возьмите его. — Он подтолкнул меня вперед. — Он прыгучий и вообще гигант мысли.

— А чо, он парень сообразительный, — согласился Яша, — разводящим пойдет. А подрастет, тушить научим, цены не будет.

— Здравствуйте, — сказал я глядящим на меня Адельке-Сардельке и Жабе.

— А здоговаться необязательно, Денис, — пролила мед толстыми губами Аделька, хотя я знал, что она всегда ненавидела меня, впрочем, как и я ее. — Мы же виделись на демонстрации...

— Ну, вот и молодое поколение явилось! — в комнату вплыла полная статная гранд-дама, в которой я сразу определил Лешкину матушку. Все в ней было царственно: и венец черных кос вокруг головы, и черное панбархатное платье, оставляющее открытым полные руки и шею, и походка царственна. Только вот глаза, заплывшие складками, были слишком малы, да еще в том, как она, прихватив толстыми, в кольцах пальцами за горлышки, несла три раскрытых бутылки, было что-то грубое: так таскали бутылки с водкой крикливые и нечистые продавщицы в наших бедных магазинах...

Я проследил, куда она идет, и ахнул... Как я раньше-то это проглядел: ослеп, что ли, от солнца и от вида своих учителей... Она шла к большому обеденному столу, раскинувшемуся посреди комнаты и повергнутому меня в столбняк, в немую, до спазм в желудке, оторопь.

Чего только на нем не было! И хлеб навалом, и красная икра, и сливочное масло, и шпроты, которых я не видел с довоенных времен, и толстоспинная, истекающая жиром селедка, уже обложенная кольцами лука, и какие-то салаты — все это на ослепительном, с золотыми рисунками фарфоре. А в центре стола лежали, как самое главное, как пища богов, громоздились на огромной тарелке уже освобожденные от банок, но сохранившие их форму бруски американской тушенки — розовые, покрытые нежно дрожащим прозрачным желе и белыми твердыми кусочками застывшего жира. Она, тушенка, не была украшена ни луком, ни другой зеленью: она не нуждалась в украшениях, она говорила, она кричала сама за себя!.. Я всю долгую войну, все детство мечтал отведать ее, но попробовал — комочек тушенки на кусок хлеба — только в День Победы у первого ученика Сереги Часкидова, у кото-

рого родители были какими-то большими шишками на нашем местном заводе. (Неграмотная бабка Часкидиха сумела-таки вывести свою дочь в инженеры, а та уже подобрала по себе мужа — Серегиного отца)... А тут — раз, два, три, четыре, пять, шесть — по банке тушенки на рыло, ешь не хочу!

— Ну, гости дорогие, — сказала, ставя на стол бутылки, Лехина матушка, сказала без подобострастия, свободно и доброжелательно, — милости прошу к нашему шалашу. Чем богаты, тем и рады.

Я видел, как притянутые, словно магнитом, поднялись и двинулись к столу Аделька-Сарделька и Жаба, будто сомнамбула, сделала неверный шаг от пианино Марина Обрезкова. Но вдруг, останавливая это движение, раздался от часов голос Яши-Пазухи:

— Вы тут как на Маланьину-свадьбу наготовили! Но я — пас.

В толстых складках лица Лехиной матушки вдруг светло и зло проклюнулись глазки:

— За что обижаете, Яков Иосифович? Мы от чистого сердца.

— Я вас понимаю. — Яша стоял, как столб. — Но мне нельзя.

Нельзя? Я взглянул на Яшино окаменевшее лицо с вылезшими остро скулами, и мне вдруг вспомнилось его холостяцкое жильё — комната ха при школе, куда я забегал как-то, посланный директором: узкая железная кровать с висящей над ней вместо сабли хоккейной клюшкой, деревянные полки, забитые какими-то старыми приборами, табуретку, голый стол — и никаких признаков еды, никаких. Даже обычного чайника, по-моему, не было.

— У меня режим, а спорт и спирт несовместимы.

— Ну, вы не пейте, пожуйте чего-нибудь.

— Тоже нельзя. Спортсмен должен постоянно испытывать в желудке приятную пустоту. Да и там, — Яша сделал движение рукой куда-то вдаль, — в ожидании второго фронта я этой союзной тушенки от пуза нарубался, до сих пор лихотит... Так что счастливо оставаться, я побежал. Покеда.

Он пошел. Но у дверей остановился.

— Сержант Обрезкова! — каким-то другим, приказным тоном сказал он.

Прекрасная Марина Матвеевна, уже приблизившаяся вплотную к столу, вздрогнула и солдатски повернулась на голос:

— Слушаю!

— Вы не забыли, что вас как пионервожатаую пригласил к трем часам директор? Подбить итоги демонстрации.

— Он меня не вызывал, — пролепетала бедная Марина.

— А вы вспомните, — сказал Яша, не отрывая от нее взгляда.

И под этим взглядом ясные, огромные глаза моей любви наполнились слезами.

— Так точно, вызывал. Прощайте.— И четко отбивая шаг каблуками своих сапожек, прекрасная, истончившаяся от недоедания сержант Обрезкова прошествовала мимо Яши в прихожую.

— Покеда,— повторил Яша-Пазуха.— Приятного аппетита.— И закрыл двери.

Все молчали, ошеломленные этой сценой. Первой очнулась хозяйка.

— Удивляюсь,— сказала она, устало опускаясь на стул.— Чему этот солдафон может научить детей... Маланьина свадьба... Нарубался, покеда...

Я, очнувшись, тоже рванулся туда, за ушедшими, но Леха крепко, до резкой боли, сдавил мне локоть.

— Простите его,— Екатерина Захаровна, Жаба, оглушительно хрустя суставами, робко поднялась на защиту чести мундира.— Эта грубость внешняя, отрывка войны. А в целом он добросовестный человек и неплохой педагог.

— Ну, ладно— усмехнулась хозяйка.— И хамство спишем на войну. Все война!.. Но мы-то чего ждем, зря, что ли, я старалась?.. Мальчики пьют горький лимонад, а мы — сладкую водочку. Приучил меня к ней мой генерал в довоенных скитаниях. Где только не таскались с ним, каких клопов не кормили!.. Но кто старое помянет — тому глаз вон... Значит, за Первомай! Из всех праздников я больше всего этот люблю... Весна... Цветение души. Как в мирных песнях: «Давай вставай, кудрявая»... Или «Утро красит белым цветом»...

— По-моему, в них не так,— по учительской привычке поправила Жаба. И зря. Генеральша, видно, не терпела поправок и возражений.

— Так! Я их на Красной площади пела. Меня сам Сталин слышал... Ну, поехали! — И хозяйка опрокинула свою рюмку. Аделька тоже шарахнула, но моргнув, и перепуганная вконец Жаба тоже проглотила свою горькую долю, но, видать, сроду не пившую, ее перекорежило, щуплое тело сотрясли судороги, однако, очухавшись, она, вслед за Сарделькой, тушенки нагребла себе полной мерой, отчаянно краснея бледными щеками. Так же краснела она, когда угощалась, приходя к нам, бабушкиными «картонными» — картофельными, пустыми и постными, — пирогами. Вот уж верно: голод не тетка, довел человека...

Через три года, окончив десять классов, мы с Борькой Петухом, тоже, как и я, выбравшим литературную стезю, придем в ее скромную, но изящную и чистую комнатку старой девы. Придем благодарить и проститься. И она будет угощать нас малиновым ликером (уже не уче-

ники, без пяти минут студенты!), диковинным печеньем, тающим во рту, шоколадными конфетами в золотых обертках, угощать и, глядя на нас, гордиться нами, смеяться счастливо и свободно! Но это будет другое время, уже бескарточное, и это будет другой человек — не подавленный голодом Жаба, а Екатерина Захаровна Сибирякова, наша любимая литераторша и наставница, по-молодому скачущая на высоких модных каблуках, вдруг забывшая свою жалкую привычку хрустеть суставами пальцев, зато приобретшая новую — при смехе хлопать в ладоши.

Но, накапав в крохотные рюмочки (мы с Борькой уже знали тару и побольше!) розового вязкого напитка, она вдруг опять станет серьезной.

— Первый тост,— скажет она,— мы выпьем, друзья, в память без времени погибшего Миши Беляева. Он тоже очень любил литературу, больше — жил ею! И сейчас уезжал бы в университет — вместе с вами.

Петух вытаращил глаза: Мишку он не знал, он в то время колотил гробы в своей столовке. Но я-то Мишку Беляева не забыл, не мог забыть! И его опухшее от дистрофии лицо, покрытое белым длинным голодным пухом, и его смешную привычку представляться тезкой, лейб-гвардии гусарского полка корнетом Лермонтовым, и его песни.

И мы выпили липкого приторного вина за короткую и горькую Мишкину жизнь.

Но это будет три года спустя...

Леха Быков не чувствовал никакой растерянности перед учителями, не то, что я, не знавший, куда девать руки и ноги.

— Люблю повеселиться, особенно поесть! — сказал Леха, наваливая на свою тарелку. Я тоже — будь, что будет! — прихватил тяжелой ложкой-раздаткой смачный кусок тушенки. Но... но он оказался слишком велик, и пополз с ложки, грозя бухнуться на скатерть. Господи, что делать! И я, стремясь избежать позора, кинулся ему навстречу и с лета затолкал себе в рот.

Аделька аж взвизгнула, но Леха, спасая меня, засмеялся по-доброму:

— Ты куда торопишься, Дениска-ириска? Как говорит наш Широчайший Василий Александрович, торопливость нужна только при ловле блох.

И тут случилось страшное.

Может быть, Лехины слова воскресили во мне далекого Витя Кукушкина, или прозвище Дениска-ириска вызвало из памяти тоже почти забытого Женю Херсонца, но скорее всего упоминание здесь, в позорном обжорстве, среди огромной, победившей, но еще голодной страны, живущей по карточкам, насмешливое упомина-

ние имени нашего «немца» Василия Александровича, который и был для нас именно воплощением этой страны,— не знаю что, но кусок застрял в моем горле. Мясо забило рот. Нежное, оно жевалось, однако вкуса его я не чувствовал, и в горло оно не шло.

Я понял: и не пойдет, и еще немного, и я подавлюсь, задохнусь, помру за этим страшным столом. Или еще хуже — меня вырвет прямо на эту роскошную еду.

— Что с вами, Денис? — спросила все видящая Аделька-Сарделька. — Вам нехогошо?

И этот ненавистный голос вытолкнул меня из-за стола, и я, с грохотом повалив стул, кинулся в прихожую. Однако сознание еще не потерял — надо было надеть пиджак, но пока я подпрыгивал и, из последних сил стараясь не выплюнуть американскую тушенку на толстый немецкий ковер, пытался снять, сорвать пиджак с рога королевского зубра, Леха догнал меня, снял пиджак.

— Зыйское ты чучело, — сказал он без злобы и обиды. — На, одевайся и беги под подол к своей бабушке. А это тебе на дорогу. — Он сунул какой-то предмет в карман моего пиджака и протянул пиджак мне.

Я рванул двери. Но до улицы не добежал, не успел: меня вывернуло — со стоном и со слезами — прямо на лестнице. Тем и закончился мой первый званый обед...

Потом я шел весело шумевшими, с флагами над воротами домов, шел улицами моей родной Зыи, постепенно приходя в себя. И когда совсем очухался — полез за папиросами: я уже говорил, что мы тогда курили вовсю, и в кармане моем лежала праздничная пачка «гвоздиков», тоненьких, в три спички, папирос «Звезда». Я полез в карман и наткнулся на то, что сунул мне при моем бегстве Леха.

Это был увесистый, с ладонь, брусок, затянутый в серебряную фольгу. Я надорвал ее и — разинул рот — в руке у меня была... плитка шоколада, только в форме бруска, тоже, конечно, американского шоколада, потому что в коричневой его массе белели крупные вкраплины орехов. О таком шоколаде с орехами мне рассказывал все тот же Серега Часкидов, начальничий сынок...

Я быстро огляделся — Зеленая моя улица была пуста: ее жители благодумствовали после демонстрации, ели «картонные» пироги, пили, если она была, картофельную же брагу. Я был один и мог без стеснения есть эту заморскую сладость, смакуя и наслаждаясь. Еще мгновение, и зубы мои впились бы в твердую коричневую массу, но тут странная мысль, мысль-тоска, остановила меня. Та же мысль — о моем одиночестве. Но не о сиюминутном. А о давнишнем уже. Потому что дружба с Лехой Быковым — это тоже было одиночество. Одиночество вдвоем.

И я решил. Я выправил на теле шоколада

разорванную фольгу, разгладил ее даже ногтем. Сунул плитку в карман и побежал.

Я бежал к одному дому. К старому, двухэтажному, с двором, заросшим лопухами и «калачиками».

Сейчас я стукну в покосившиеся ворота, и мне откроет мой старый, мой единственный верный друг. Друг, который в классе чуть не целый год сидит тоскливо один, но на место рядом с собой, мое бывшее место, никого не пускает. Он старается не глядеть на меня, но, видно, не может, и я часто ловлю — со стыдом и болью, — ловлю взгляд его голубых, будто сосущих глаз... Сейчас он откроет мне, мы сядем с ним прямо на молодую траву и, разломав пополам плитку, торжественно съедим ее; это ведь настоящий шоколад, а не какие-нибудь там «калачики»! И даже не пеклеванная хлеб... И я, наконец, смою свою вину перед ним, отблагодарю его за все!

Я бежал к Шакалу. К Ленке Шакалову.

Но открыл мне не он — его старый, совсем не изменившийся отец. Только вместо кальсон по случаю праздника на нем были штаны, правда, мало чем отличающиеся от исподников, да прямо на нательную рубаху вздет древний пиджак, на котором, тоже, видать, по праздничному случаю, прицеплен георгиевский крестик, беленький, маленький, истончившийся до толщины бумаги. А может, и верно бумажный...

— Нету Ленки-то, — сказал георгиевский кавалер. — Летаёт где-то, шакалит...

Вот беда. Но отступить я уже не мог. И ждать тоже: один съем.

И сделал широкий жест.

— У меня к вам просьба. Передайте ему вот это. Скажите, от Дениса.

Старик взял шоколад. Выцветшие глаза его вспыхнули диким огнем.

— А как же — передам. От Бориса.

И он захлопнул ворота. И я понял, что ни шиша он не передаст, не доходя до дому, остервенело и удивленно слопает сам. «Ну и черт с ним, с этим быковским шоколадом!»

И я поплелся домой. Под подол к бабушке...

Но вечером, когда, позабыв все на свете, я обмирал над первым томом «Тихого Дона», только что вышедшего приложением к «Огоньку», в наш домишко ввалился Леха Быков. Веселый, будто ничего не случилось.

— Бросай советских классиков! — как прежде приказал он. — Одевайся и пошли. Все равно — война!

— Никуда я с тобой не пойду.

— Пойдешь! — Леха торжествующе засмеялся. — Матушке прислали два билета в цирк. На сегодня!

Видно, чем-то задел я его душу, дорог, что ли, чем-то стал, раз он для меня так расстарался. А может, просто привык?.. Но подарок он мне сделал действительно могучий.



Сегодня в нашем цирке должны состояться решающие, заключительные и прощальные, схватки французской борьбы. Сегодня наконец-то сойдутся в финале доселе непобедимые, сойдутся в борьбе за звание сильнейшего в мире легендарные Ян Цыган и Ван Гут!

Я уже месяц назад начал кланчить у бабушки пять рублей — столько стоил в этот день билет даже на галерку, на самый последний ряд. Но сперва бабушка, вечная экономка и скареда, считавшая, что деньги разворачивают (а какие это тогда были деньги — пять рублей!), сперва бабушка прикидывалась неимущей, думающей больше не о возвышении моего боевого духа, а о поддержке наших с братом Вовкой хилых тел, а когда после моей истерики раскошелилась, было уже поздно: все дешевые билеты на прощальные состязания борцов оказались проданы.

Как я хотел, как мечтал поглядеть эту схватку гигантов!

Но вид счастливого Леха, уверенного, что я опять побегу за ним, как собачка, вдруг напомнил мне комья американской тушенки на большом блюде, сальный вкус которой не смогли перешибить бабушкины худые пироги. И я снова вцепился в Шолохова.

— Почему сидим? — удивился Леха.

— Не хочется. Да и далекий ряд, поди? Лиц не разобрать.

— Почему дальний? Первый ряд! Моей родительнице других не шлют...

Все. Я был сражен. Я еще сроду не сидел в нашем цирке на первом ряду! Я вскочил, как подброшенный: значит, я увижу не только знаменитых борцов, но и великого клоуна Бориса Вяткина с его Манюней!

— Ну, шапку в охапку, и за мной! — сказал Леха. — Я тебя на улице подожду. Тесновато тут у вас.

Он вышел, а ко мне кинулась бабушка, которая из своей кухни успела, видать, разглядеть моего гостя.

— Это и есть твой Быков?

— Он и есть, — ответил я, в спешке не попадая в штанины.

— Какой прекрасный юноша! — всплеснула она руками. — Но почему он во всем военном? Он что, бывший сын полка?

— Он настоящий сын генерала.

— Генерала? — Бабушка сомлела вовсе. Ее мечтательная душа вечной сестры милосердия была с девичьих лет взлелеяна на известной песне — «Помню, я еще молодухой была». Молодой парень-то, мой дед, к ней подъехал и не

только попросил «напоить его холодной водой», но и увел под венец, а вот седого генерала, который был бы «весь израненный и жалобно стонал», она так и не дождалась. Поэтому каждый генерал остался тайной, высокой бабушкиной мечтой, которая и в старости томила ее сердечко.

— Ты дружи с ним. Бери с него пример, он плохому не научит, — сказала она. — Это не то, что твой полоротый босяк Шакалов.

— Не говори глупости! — заорал я, торопясь заправить рубаху, схватить пиджак и кинуться из дому.

— Конечно, бабушка всегда глупости говорит, — обиделась она, но я, не отвечая, прошмыгнул мимо.

И тут дорогу мне преградил мой малолетний братец, вылезший из кухни с деревянной саблей наголо.

— Я тоже в цирк хочу! — заблажил он. — Ты давно обещал!

— Так билетов два всего.

— Я маленький, меня без билета пропустят.

— Маленький, но умный, да?.. Это же последний, решающий матч французской борьбы. Вход только по билетам!

— А-а! — заорал Вовка.

Но я уже был на улице и догонял Леху Быкова, который шел не торопясь, с любопытством разглядывая убогие домишки нашей улицы.

— Живут же люди! — не то с сожалением, не то с презрением сказал он. — Ну, как тебе шоколад наших бывших союзников?

В его голосе мне снова почудился вечный тон господина, снисходительно одаривающего своих слуг. Но слугой я уже быть не хотел.

— Ерунда, солома, — сказал я. — Наш советский лучше.

— Ты даешь! — удивился Леха. — Ты хоть понял, что он с арахисом? С орехами? В сочетании этих орехов с шоколадом и есть весь смак.

— Все равно наш лучше! И вообще я разговоров про еду не люблю, понял?

— Ладно, перестань брызгать слюной, патриот. Что опять встал? Пошли.

И мы пошли через Моральский мост в центр города. Туда, где между кинотеатрами «Искра» и «Горн» (только сейчас я понимаю, как прекрасны были эти названия, какой смысл несли!), среди буйно цветущего яблоневого сквера стояло тринадцатое чудо света — наш цирк, знаменитый цирк Моего Города!

Знаменит он был, прежде всего, своей диковинной архитектурой и громадностью.

Этот мойгородский Колизей, парящий над мелкими, по сравнению с ним, каменными домами центра своим гигантским, почерневшим от дождей и снегов куполом, был полностью срублен из дерева. Рассказывают, когда через несколько лет (нас уже в ту пору в Моем Городе не было) его признали аварийным и несущие

шатер чудовищные лиственничные колонны были подпилены, и он рухнул со страшным громом, то пыль поднялась до неба, как при атомном взрыве, а образовавшиеся в результате его падения дров хватило горкомхозу на целый отопительный сезон.

Возвели же это чудо по велению первых Советов — «искусство принадлежит народу!» — воздвигли, разумеется, без всяких чертежей — мой глаз — ватерпас! — бородастые зисимские плотники, те, что срубили во времена оны и второго деревянного нашего гиганта — Горбатый мост над рекой. Умели кое-что делать лесные зисимские кержаки!

В амфитеатре того деревянного цирка было пятьдесят рядов, и, если смотреть снизу, то верхние ряды терялись во мраке поднебесья, а если сверху — то арена казалась маленькой, почти как пятак. Работавшие же под куполом на страшной высоте акробаты виделись снизу крохотными, будто муравьи...

Народу в него набивалось тьма, голодные толпы шли в цирк, как на праздник, со всех концов города, и даже в злые крещенские морозы в нем, кое-как отапливаемом, было сравнительно тепло — от дыхания и тел тысяч людей, вспоминая от волнения и радости под своими шубами. Поэтому цирк работал круглый год, в нем гастролировали всегда лучшие труппы страны.

Они здесь работали еще и потому, что другие цирки — на западе — были разрушены, а дальше на восток их не было.

Это вторая причина его знаменитости.

Через двадцать пять лет, уже во времена Никулина и Олега Попова, не веря своим глазам, во всемирно известном Московском цирке на проспекте Вернадского я встретил старого знакомого. Коверного, клоуна-дрессировщика Бориса Вяткина с его Манюней. Успех у него и здесь, в столице, был оглушительный, хотя он постарел, поукас как-то, и собачонка Манюня была уже другая, не так шустра, весела и умна. А ведь он три сезона — и зиму, и лето, — молодой, невозможно смешной и отчаянно смелый, бузотерил на арене нашего провинциального гиганта, воспитывая в нас главные качества человека — юмор и самостоятельность духа. И был, к слову, не основным гвоздем программы. Вершиной ее, ее грандиозным завершением была все-таки французская борьба!

Мы, мальчишки, знали наперечет всех борцов, их силу, их любимые приемы и, конечно, их слабые места. Но были среди них два титана, у которых слабостей не существовало, — это русский богатырь, с могучим, белым, как молоко, телом страшной силы, Ян Цыган и негр, а может, метис, потому что темная кожа его, обтягивающая мощные сухожилия и длинные эластичные мышцы, имела явный желтоватый оттенок, король и маг двойного нельсона Ван Гут.

Они давно боролись на ковре Моего Города, но ни разу друг с другом не встречались. Они побеждали всех других, но между собой схватки избегали, сохраняя тем самым в нашем цирке волнующее сердца двоевластие. Но так не могло быть вечно! И вот сегодня они наконец встретятся! Встретятся и — уедут. Навсегда. Уезжали не только борцы — уезжали и Борис Вяткин, и чудо-эксцентрики Диановы, и акробаты Гогоберидзе, почти вся труппа. Их ждали другие арены: страна поднималась из пепла и прежде всего, и правильно (сила, молодость, красота — жизни!), возрождала цирки. И хотя мы привыкли ко всем артистам, но тяжелее всего, больнее всего мои земляки прощались с борцами: чуяли, похоже, что такое зрелище им больше не увидеть. И точно: профессиональная борьба вскоре ушла с цирковой арены.

Но почему? Почему? Неужели прав был Леха Быков?..

Итак, мы уселись на свой первый ряд. С наслаждением вдохнули запах зверей, конского пота, свежий, близкий запах мокрого опиала, чуть оглохли от пререканий настраиваемых инструментов оркестра, единственного джаз-оркестра, сохранившегося в Моем Городе, и уставились в нетерпении на главный выход. И вот малиновые его портьеры раздвинулись, на арену величественно выступил ведущий с прямым, как у английского лорда, пробором через всю прилизанную голову и отчаянным праздничным выкриком объявил начало. Погас свет, в темноте ударил оркестр и, слепя нас, вспыхнули юпитеры.

Начался парад-алле. Борцов в нем представляли Ян Цыган и гигант белорус Белявский. «Ван Гут не пошел, — услышал я чей-то шепот, — силы экономит...»

Из первых двух отделений (циркачи тогда работали на совесть, все представления состояли из трех частей, а в тот вечер, прощаясь с городом, артисты превзошли сами себя!), из всех блестящих номеров меня, да и не только, конечно, меня, поразило своим смертельным напряжением и безысходным драматизмом сюжета выступление канатоходцев.

Они, их было двое — отец лет сорока и сын, парень нашего возраста, — работали в нашем цирке с начала войны. Работали неизменно блестяще, разнообразно и, главное, рискованно, хотя риском мало кого можно было тогда удивить: все акробаты выступали без страховочной сетки, по-моему, ее вообще в нашем цирке не было, и только братья и сестра Гогоберидзе в своих смертельных номерах под куполом цепляли к поясам страховочные карабины, да и то не всегда...

Но драма канатоходцев заключалась в том, что все эти годы, тяжкие и голодные, отец не-

умолимо старел, а сын, которого он по ходу представления носил на себе, так же неумолимо и бурно рос. И незаметное по дням это старение отца и роковое утяжеление сына должно было когда-то проявиться трагическим взрывом...

Сначала они, каждый по отдельности, показали свое дьявольское умение ходить, стоять, сидеть и даже прыгать на тонкой, уходящей из-под ног проволоке. И, наконец, сын поднялся на плечи отца, и отец, балансируя длинным тяжелым шестом, ступил над бездной. Оркестр смолк, только одиноко и тревожно отбивал дробь барабан. Но вот и барабан замолчал — все замерли. Сын, опершись рукой о голову отца, стал медленно поднимать ноги. Отец шел, а сын медленно выпрямлялся на его голове и, наконец, замер на одной руке, вытянувшись свечечкой в гробовом молчании зала.

И тут он произошел — давно и неуловимо нараставший взрыв: каменное обычно лицо отца вдруг исказилось, будто треснувшая от удара маска, он пошатнулся, шест-балансир резко пошел вниз и влево. Все ахнули.

Отец, постаревший и ослабевший, падал. В семиметровую пропасть, в почти верную смерть. Он уже, похоже, смирился с этим или потерял сознание, лишь многолетняя привычка стоять до конца держала его еще наверху.

— Папа! — на весь зал крикнул мальчик. — Папа!..

И этот крик, крик родной крови вернул отца назад. С надсадным хрипом, каким-то чудовищным напряжением воли и мышц он кинул свое тело вправо, туда же — балансир, а когда выпрямился, мгновенно переложил его назад, налево. И сделал шаг вперед. Лица на нем не было — было сплошное белое пятно с оскаленным ртом. Он сделал, из последних сил скользя по проволоке, еще шаг, а мальчик, стоя вниз головой, по-прежнему безмятежно улыбался в зал, как будто и не он кричал секунду назад...

Я закрыл глаза. И открыл, когда под вой, аплодисменты и восторженный свист зала акробаты спустились вниз. Отец снова обрел лицо, улыбаясь, он крепко прижимал к себе сына и, забыв про поклоны, нежил его глазами. И вдруг сын встал на цыпочки и поцеловал отца в морщинистую, потную и бледную щеку.

Зал взвыл снова, а я, тоже сразу, вдруг представивший, что вот так же из последних сил, на пределе жизни, наши отцы спасали нас, своих сыновей, там, на фронте, почувствовал, что к горлу моему подступает что-то обжигающе горячее...

— Да ты что, реवेशь вроде? — спросил Леха. — Вот чудик.

— Ан-тра-акт! — праздничным, освобожденным, счастливым выкриком объявил ведущий.

— Утри сопли и пошли, — сказал Леха.

— Уйди! — закричал я, но Леха, легко под-

няв меня, поволок по проходу. Он по-хозяйски раздвинул бархатные малиновые портьеры, закрывающие выход, и мы вступили внутрь цирка, в его кулисы.

Через несколько секунд я пойму, что зря лез в бочку, что я и права не имел возражать своему великому другу Лехе Быкову. Сейчас он ошарашит меня сильнее, чем своим генеральством, силой, сильнее, чем парабеллумом даже. Я увижу своими глазами, как его знают, больше — любят! — люди, которые всю войну были для меня не людьми, а богами.

Мы прошли мимо каких-то акробатических снарядов, мимо стойл лошадей, хрумкающих овсом, мимо большого вольера, где тявкали дрессированные собачки, и Леха без стука, как старый знакомый, толкнул фанерную дверь, за которой слышались мужские голоса.

Большая комната, куда мы вошли, была полна.

Полна могучих, полуголых, в трико, тел: выпуклые, огромные мышцы, крутые короткие бычьи шеи, уродливо смятые уши, маленькие, под косой бокс прически.

Мы стояли в раздевалке борцов! Борцов, готовящихся к схваткам.

— Мужики! Кто к нам пришел-то! — закричал один из них, бросая двухпудовку, с которой играл в углу. Он был самый молодой, и я сразу узнал его — Георгий (или просто Гоша, Егор) Власкин, тихоокеанский моряк, взятый в труппу сразу после войны, сильный, способный, но еще неотесанный боец.

Все повернулись к дверям, к Лехе Быкову. И Калина Урусевич, признанный третий борец, этот мрачный, толстобрюхий и беспощадный на ковре мужичище, вдруг запел тонким, по-цыганьему залихватским голоском:

— К нам приехал, к нам приехал...

— Наш Алеша дорогой! — подхватил хор, а Гоша Власкин, оттиснув Леху от меня, облапил его и вывел на середину комнаты, туда, где, сидя в единственном кресле, курил толстую сигару сам Ван Гут. Он один был в халате, может, стеснялся, но, скорее всего, просто не хотел выделяться среди белых тел своей коричневой кожей.

Ван Гут положил сигару в пепельницу, где, кроме нее, окурков больше не было, и раздвинул в улыбке иссиня-бледные губы.

— Здравствуй, Леша, — сказал он с сильным акцентом. — Сделал решение: французский борьба? Французский борьба — это колоссаль! Большой мир будешь ездить. Все страны увидишь, как я. Чемпионом мира будешь. Это я тебе говорю! — Ван Гут!

— Спасибо, Иван Иванович, — засмеялся Леха. — Но я уже давно выбрал — бокс!

— Бокс — не мужское занятие, а детская игра! — раздалось от дверей.

Ну, вот и он появился, мой кумир. В дверях, растягивая руками перед грудью толстую резину, разогреваясь, стоял Ян Цыган, кудрявый, черноволосый, белотелый, тоже уже в трико, тоже готовый к бою.

— Как это не мужское? — взвился Леха. — Это у вас — таскаете друг друга по ковру битых полчаса, а в результате — ничья. А у нас — хук в челюсть, апперкот в печень, и — кранты, сливай воду, все равно — война!

— Что? — для вида рассердился Ян Цыган. — Позорить борьбу? Спорить со мной? — сделал страшные глаза, он пошел на Леху.

Но навстречу ему огромной пантерой взмыл из своего кресла Ван Гут:

— Не трогать короший малшик! У нас свободный страна, и каждый может делать свое решение.

Он тоже играл, но сквозь игру эту, как желтый оттенок через его темную кожу, просвечивало что-то другое, серьезное и жесткое. Мне даже стало страшно. Но Ян Цыган продолжал играть.

— Уж больно ты добрый, Иван Иванович, — он сокрушенно махнул своей могучей рукой. — Из-за таких, как ты, и гибнет французская борьба.

Это была, видно, часто повторяемая здесь шутка, потому что все дружно заржали, загоготали в дюжины мощных глоток. Черные глаза Ван Гута вспыхнули, коричневые кулаки сжались. Но в этот момент в комнате возник ведущий. Тут, среди гигантов, он вовсе не походил на английского лорда, со своим прилизанным пробором, среди мощных голых затылков он был жалок.

— Пора, ребяташки, на выход! — взвизгнул он. — Ни пуха вам ни пера!

— Иди к черту, — прогудел кто-то, и борцы один за другим вытеснились в полутемный коридор. Мы вышли за ними. И я за какими-то декорациями поймал Леху за рукав и сказал то, что должен был сказать:

— Ты прости меня, Лешка, что я возгудел сегодня, и обед вам испортил. Ты, оказывается, молоток, тебя такие люди знают.

— Да брось ты, Денис, — сказал Леха, беря меня за плечи. — Какие извинения?.. Но вообще-то нужно уметь держать себя в руках...

А на арену под победные звуки марша «Бранденбургские ворота» по-медвежьи сутулясь, длинными, но мягкими при всей тяжести тел шагами выходили борцы — их столбообразные ноги, затянутые в высокие, почти до икр, чувяки-борцовки, глубоко впивались в расстеленный на арене ковер.

Здесь были собраны только тяжеловесы, только знаменитости.

— Неоднократный чемпион прибалтийских стран Петер Рудис! — выкрикивал, захлебываясь, ведущий.

— Победитель спартакиады Тихоокеанского

флота, восходящая звезда французской борьбы Георгий Вла-а-аскин!

— Абсолютный чемпион Армении Грант Овсенян!

— Чемпион Белоруссии, тяжелейший в мире боец Калина Урусевич!..

Когда мы под глухой ропот соседей протиснулись на свои места, ведущий представлял главных сегодняшних соперников: Ван Гута и Яна Цыгана. Их имена были покрыты всеобщим ревом — так режут сейчас трибуны стадионов, приветствуя лучших наших хоккеистов, чемпионов мира.

И борьба началась. Сегодня боролись все шесть пар и все — до победы.

Первыми встретились самые близкие Лехины друзья: Гоша Власкин и Калина Урусевич. Конечно, Гоша был обречен, всё-таки разница в весе тридцать кэгэ, но сперва Гоша потешил зрителей, поматал и помучил неповоротливого Калину. Быстрый и ловкий, он несколько раз бросад гиганта на ковер, но додаться, сломать его мощный мост так и не смог. Ну, а потом настала очередь Калины, уставший Гоша уже не мог с тем же проворством уходить от его страшных объятий. Но Власкин, собрав последние силы, обхватил Калину под лопатки, намереваясь бросить через себя и вниз, и тут Калина применил свой любимый прием: в то время как Гоша напрягся для броска, он, упиравшись, втянул в себя грудь и свой чудовищный живот, а потом вдруг ударил мокрого ослабевшего Гошу сразу и грудью и брюшным прессом!.. Потрясенная публика ахнула, а чемпион Тихоокеанского флота отлетел на середину арены, где с необыкновенным проворством его поймал чемпион Белоруссии и, опрокинув, припечатал к победным криком лопатками к ковра.

Все, жалея Гошу, все-таки аплодировали победителю, только мой вновь обретенный друг Леха Быков как-то странно, криво усмехался...

Потом боролись другие. Каскады приемов, кличи победы, крик и стоны поверженных, напряженные, искаженные в страшных усилиях лица — все это слилось в оглушительный, слепящий, потрясающий душу водоворот.

Но вот снова заиграл отдохнувший оркестр, грянув марш тореадора. Служители в стареньких ливреях быстро смели с ковра опил, натасканный ногами борцов. И появились — они. Пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Рефери в белом пропотевшем на лопатках и под мышками костюме дал свисток, и они сошлись.

— Ты за кого? — прошептал я.

— Какая разница? — Леха только пожал плечами.

— А я за Яна Цыгана!

— Давай, патриот, — опять странно усмех-

нулся Леха. Но я уже его не видел. Я — весь! — был там, на ковре.

Ван Гут на голову возвышался над своим знаменитым противником и, несмотря на широкие плечи и большой вес, был тонок телом, эластичен и гибок, но не резиновой гибкостью, а гибкостью стальной пружины. Отступая, он своими длинными клешнями как бы прощупывал, присасывался к противнику. А Ян Цыган наступал открыто, почти опустив руки, словно не думая о защите. Так открыто наступал и великий боксер того времени Николай Королев. Но в этой открытости таился обман, мгновенная готовность на прием противника ответить встречным приемом.

Так и случилось. Ван Гут, обхватив ладонями шею Яна, пошел на сближение, но тот молниеносно развернулся, и чернее длинное тело взмыло в воздух. Однако или Ян Цыган маленько просчитался, или у Ван Гута действительно была реакция пантеры, но уже в воздухе, уже падая, падая на лопатки, он успел повернуться на живот. Ян среагировал и на этот фокус: он повалился вместе, и уже в падении его руки пролезли под мышки Ван Гута, и, когда они оба очутились на полу, белые пальцы страшным замком сошлись на черном загровке.

Обмерший зал, который, как и я, болел, понятно, за Яна Цыгана, подняло, как ветром. Двойной нельсон!

Все. Крышка великому негру. Я орал, не помня себя. Но что это?.. Черная, коротко стриженная голова ушла в плечи, шея исчезла, широченные плечи вдруг сузились, и Ван Гут выскользнул из замка Яна Цыгана, как змея из ненужной кожи...

И они снова стояли друг против друга. Улыбаясь, как вначале. Только дышали чаще. И в глазах у них горел огонь уже нешуточной злобы.

Они ломали, они кидали (кидал в основном Цыган, Гут, защищаясь, уходил), они ловили друг друга пять, десять, пятнадцать минут. Хитрый негр явно выжидал. И дождался... На семнадцатой минуте Ван Гут в который раз увильнул от приема, не на шутку разозлившийся Ян с маху упал сам, на секунду замешкался в партере, и теперь уже черные пальцы сошлись замком на белом загровке. И Ван Гут закричал. Не по-русски, победно, торжествующе.

Конечно, Ян Цыган был сильнее, даже техничнее своего соперника. Но двойной нельсон Ван Гута считался самым страшным: никто еще не уходил из него, не проиграв, не сдавшись. Это была мертвая хватка, хватка бульдога — стальная пружина сработала, замкнулась...

Ян Цыган катался по ковра, мотал на себе черное тело, но тщетно — железные черные тиски на его шее не разжимались, наоборот, они все сильнее и сильнее давили курчавую голову к белой волосатой груди. Ян Цыган задыхался.

Зал молча и обреченно стоял, ожидая неизбежного конца.

Но тогда, когда казалось, что все кончено, Ян Цыган встал, сперва на колени, потом, оттолкнувшись ладонями, вздыбился в полный рост, подняв вместе с собой и висящее на нем тело противника, вскинул, будто молясь, вверх руки и вдруг обрушил резким ударом их могучие бицепсы на черные локти. Раздался хлюпающий хлопок, стон, и черные пальцы на белой шее — разжались. Ван Гут упал на колени, а освобожденный Ян Цыган стремительно повернулся и, прихватив его руку, кинул Ван Гута через голову. В этот раз Ван Гуту еще, видно, не очнувшегося и жившему в предвкушении победы, реакция изменила, он не успел сгруппироваться и рухнул прямо на спину, пытался было взмыться в мост, но поздно — Ян Цыган могучим рывком прилепил к ковру его лопатки.

Так жутко, мгновенно и счастливо все завершилось.

Рефери взмахнул рукой и дал три свистка. Финита! Амба! Конец!

Я не видел и не слышал, что творилось в зале — я опять ревел. От счастья. Будто сам победил этого страшного несокрушимого негра. А рефери, между тем, поднял вверх усталую руку Яна Цыгана, у которого не было сил даже на улыбку...

— По-бе-да! — вместе со всеми надсажался я...

Мы вышли с Лехой из цирка, когда только что повешенные у кинотеатра «Горн» первые в Моем Городе электрические часы показывали час ночи.

— Большое спасибо тебе, Быков, — сказал я. — Этого я никогда не забуду.

— Чего этого? — не понял он.

— Как чего? Цирка. Борьбы. Последней схватки.

— Да ну тебя! — Леха шагал, посвистывая и задрал голову. А я все еще был там, на ковре. Вот такие минуты, минуты наивысшего напряжения, борьбы на пределе возможностей, даже пережитые не самим, а вчуже — глазами, сердцем! — и делают человека человеком. Формируя его, остаются с ним на всю жизнь.

— Слушай, а как он сумел встать?

— Кто он? — опять не понял Леха.

— Ну, Ян Цыган. В конце. Откуда у него силы взялись?.. Нет! Он величайший борец!

— Величайший циркач, — усмехнулся Леха.

Мне давно не нравилась эта ухмылка, еще в цирке, и, хоть я снова был в его власти, я возразил:

— Не циркач! А боец. Воин, если хочешь!

— Ха-ха-ха! — засмеялся Леха и повторил: — Все они циркачи и клоуны.

— Да ты что? — я обалдел. — Ты думай, что говоришь.

— А что мне думать, я знаю. Я этих чудобогатырей как облупленных знаю. Ты видел, как они меня встретили?

— Видел... Но это не дает тебе права...

— Дает. — Леха остановился. Мы стояли под фонарем у входа на Моральский мост. Я во все глаза смотрел на Леху, словно впервые его узнавая. Маленькие материны глазки, большой, тоже от матери, нос, тяжелый, видно отцовский, лезущий вперед подбородок себялюбца и упрянца. До чего скучная рожа!

— Дает, — сказал Леха. — Ты думаешь, они на одну цирковую зарплату живут? Да с нее они бы давно зачахли. Они же днем подрабатывают на погрузке-разгрузке. Сила есть — ума не надо!.. Особенно в «Военторге», у матери моей, любят ишачить — матушка их лучшими продуктами отоваривает. Там на складе я с ними и познакомился.

— Ну и что? — не сдавался я. — Тот же писатель Куприн и борцом, и грузчиком работал. Что тут позорного?

— Позорное тут то, что они туфту лепят, — лениво растягивая слова, сказал Леха. — Они там же на складе и договариваются, кто кого сегодня победит. У них заранее все мити-мити, а ты, наивняк, кричишь, веришь. За чистую монету принимаешь. Они тут от армии сачковали. Все равно — война, понял?

Что-то оборвалось в моей похолодевшей душе.

— И схватка Яна Цыгана с Ван Гутом тоже мити-мити?! Тоже туфта?

— Конечно. Она-то в первую очередь. Кто это тебе допустит, чтоб на прощанье победил Ван Гут, настроение публике испортил? Поэтому: да здравствует великий русский борец Ян Цыган!

— Гад' ты, — сказал я, и чтоб Леха не видел моих новых жутких слез, бросился бежать. Но не мог я убежать просто так, с опустошенной разорванной душой, я должен был хоть криком, хоть оскорблениями спасти ее, и, взбежав на Моральскую гору, я унял слезы и крикнул Лехе, все также освещенно стоящему под фонарем:

— Гад ты последний! Малахольное ты чучело! Дурак неверующий! Войной контуженный! В ответ раздался хохот и крик:

— Топай домой, салага! А то уши нарву... Пока они горячие...

На другое утро я пересел к Леньке Шакалу.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

АРИСТОКРАТЫ БАРАХОЛКИ

**Сергей
РЫКОВ**

Железнодорожный вокзал. Жду электричку, чтобы отправиться на Шувакиш...

Написал слово «Шувакиш» и (в который раз!) улыбнулся. И слово-то само по себе какое-то беззубое: Шувакиш-кукиш-мякиш... Смешное слово. А разговоров вокруг него — хоть отбавляй.

Вещевой рынок... «толчок»... «барахолка»... «туча»...

«Туча» за городом стала...

Бабушки на перроне стоят сутулыми, серыми стайками, как озябшие воробьи. Авоськи в сухоньких, загорелых руках также неказисты, несовременны, просты, как и их владельцы.

Да, это не их праздник. Они знают — толкучка не для них, и, видимо, смирились.

Не выдержать им, сердешным, конкуренции рынка. Не в моде нынче тяжелые, как колокола, юбки довоенного покроя, не в ходу лакированные туфли с диковатыми пуговицами, не в цене аляповатые, глазастые платки... А иного товара у них нет...

Бабушки незаметны. Заметны стройные мальчики в джинсах и с «дипломатами» в руках. Они собираются под аркой с часами. Это их триумфальная арка, и часы показывают их время — в портфелях у них самый ходовой товар, они называют цены; в портфеле каждого из них, возможно, одна, а то и две потенциальных тысячи. Смешно сравнивать с куцей бабусиной авоськой, где от силы тридцать — пятьдесят рублей.

Глядеть на них — кино.

Какая походка! Независимая, неторопливая — каждый шаг обдуман. Поворот головы... Жесты... Улыбка...

А как закуривают... О! «Марлборо»?!

Прямо звезды на фестивале — не меньше. Хочется подойти и попросить автограф, честное слово.

Не подходите — разочаруетесь.

Походка, наклон головы, светские жесты, ослепительная улыбка — все это суперобложка. Или, как говорят в их кругу, — «прикид» (от слова прикинуться — притвориться). Еще они говорят так — «упакован с головы до ног». Надо понимать — одет с иголочки. Собственно, для того они и собрались на Шувакиш — купить ультрасовременные вещи, «упаковаться» ими с макушки до пят. «Прикинуться».

Они молоды, аристократы барахолки (от 16 до 30), свежи и розовощеки, как яблоки. Вообще говоря, барахолка заметно помолодела, поднялся ее образовательный уровень — примерно каждый седьмой имеет среднее специальное или высшее образование (десять лет назад каждый одиннадцатый). И в этом тоже — черты времени.

Глубоко символично: бабушки и внуки под одной аркой. Вернее, внуки-то, действительно, под аркой — это место для привилегированных, а бабушки ютятся поодаль. Объясню, почему символично.

Излишне повторять давно набившую оскомину истину: бабушкам нашим, нашим родителям жилось неизмеримо труднее, чем нам, молодым. Каждый из них прошел нелегкий путь, прежде чем на его семейный стол крепко лег достаток, а у кого-то даже появился излишек. Их дети, дети их детей воспринимают это материальное благосостояние как единственно возможную данность. Все это правильно и бесспорно, иначе и быть не может. Но детей — миллионы, барахольщиков среди них, в лучшем случае, — тысячи, фарцовщиков — единицы. Поче-

му же именно на них, грешных, «судьба указала перстом?»

Давайте разбираться.

В сущности, каждое поколение застаёт вещи удивительные. В старину любая вещь несла на себе отпечаток личности того, кто ее создал. Мастер «думал» руками, самовыражался через то, что создавал. Вещь отражала его, мастера, индивидуальность, его взгляд на мироздание.

Вещи в портфелях современных юношей — не вещи, как плод фантазии какого-то мастера, а продукция холодного разума машины. На них нет и быть не может отпечатка чьей-то индивидуальности: вместо этого — фирменная наклейка «Левис» или «Вранглер» на том самом месте, которое будет изящно облегать мягкое место владельца. Все эти джинсы разных мастей и калибров, сабо и жабо, батники с планочкой, куртки из бумаги по природе своей лишены «человеческого измерения». Они стандартны. Они, как это точно подметили сами аристократы барахолки, — «упаковка», суперобложка.

Человек в «упаковке...» Страшно-ваго, верно?

Осень правит городом. Заметим, городом, в котором больше десятка вузов. Начало учебного года — оживает барахолка. Оживает еще и потому, что до сентября был летний трудовой семестр, стройотряды с их солидными заработками...

Сентябрь, ко всему прочему, и самый «торговый» месяц. «Электропоезд Свердловск — Таватуй отправляется от первой платформы»... Стоп. Вот здесь, с этого момента «прикид» на время кончается. У джинсовых мальчишек с «дипломатами», оказывается, не только железные локти, но и резиновая совесть — бедные, наивные бабушки, вы думали, вам любезно уступят место, заботливо подсадят в вагон или, на худой конец, просто молча, без реплик вынесут ваше присутствие? Наивные, как пряник...

— Коряга гнилая, на печке надо сидеть...

И дальше — матом. Господи, кого это так, мягко говоря, занесло? Вы с ним мельком знакомы — минутой назад он изящно закуривал «Марлборо».

Вагоны набиты до отказа, как

трамваи в часы пик. Молодежь веселится — анекдоты (далеко не высшей пробы), забавные истории недавних студенческих вечеринок, рассказы про дела сердечные. О рынке, о покупках, о ценах говорят скупно. Это кажется парадоксальным. Вспоминаю футбольную аудиторию — переполненный троллейбус везет болельщиков на Центральный стадион: болельщики яростно отстаивают интересы любимой команды, взвешивают все «за» и «против», смакуют голы-красавцы. А вот театральная аудитория в салоне трамвая — нарядные, торжественные люди едут на гастрольный спектакль столичного театра и, конечно, говорят, в основном, о театре. Вспоминаю правдивые и полужантасические рассказы рыбаков, охотников, грибников в вагоне пригородной электрички — сезон, на природу люди едут. Эти тематические разговоры закономерны и лишней раз подтверждают закон психологии — тему для общения людей подсказывают обстоятельства. Кажется, сам бог велел здесь, в переполненной электричке, говорить о «толкучке». И настроение-то у всех одно, общее — ожидание встречи с новой покупкой. Впрочем, не совсем так. Одни едут покупать, другие — продавать. Продавать, между прочим, не по государственному, а по рыночным ценам. А цены эти — ого, будь здоров! Зачем раньше времени открывать карты? Разумно. Потому что о барахолке — ни гу-гу. И еще я заметил: в вагоне, несмотря на веселье, витает душок настороженности. Все-таки понимают они, рыцари импортной наклейки на задку, что не все здесь, в операции «деньги — товар — деньги», чисто и лицепрятно. Потому и гудит в воздухе невидимый шмель настороженности.

Самая малочисленная группа — взрослые парни, одетые более, чем скромно, скажем, в трико и резиновые сапоги с загнутыми голенищами. Или, если прохладно, те же сапоги и мятый плащ. Не торопитесь встречать по одежке. Сапоги, трико и плащ — это своего рода маскхалат. Бутафория. Среди них, неказистых, самые махровые фарцовщики. Кто-то из них уже имел дело с милицией, кого-то уже взяли на заметку

бдительные стражи правопорядка, и потому они делают все, чтобы казаться совершенно незаметными в толпе: мол, из деревни я, тут недалеко, механизатор, решил прибахлиться немножко, имею право. В ягуаровской куртке настоящий фарцовщик на «толчок» не поедет. Разумно.

«Толкучка». Приехали. Осень. Желтые монеты листьев. Парад автомобилей и мотоциклов. Коридор «Жигулей», «Волг», «Москвичей», «Яв»... И — музыка: на крышах автомобилей гремят стереоколонки, встречая приезжих какофонией звуков новейших записей. Настроение поднимается еще выше. Ярмарка! А какая музыка! А колонки, магнитофоны — парад зарубежных фирм: «Сони», «Грюндиг», «Панасоник», «Пионер»... Это проделки автомобилистов — они рекламируют либо свою машину, либо — автодетали, либо — стереоаппаратуру.

Слово «толкучка» очень верно характеризует торговый пятачок вещевого рынка. Навстречу друг другу движутся два потока: 400 метров — в одном направлении, столько же — в другом. Одни — покупают, другие — продают.

На какие товары спрос особый? Это зависит от сезона. Но есть товары, которые с одинаковым успехом расходуются и в жаркое лето, и в суровую зиму. Это — джинсы: «Левис-страус», «Вранглер», «Ли» (самые популярные), «Маджестик», «Ликупер», «Колорадо», «Доллар», «Президент», «Бруклин», «Маврик», «Рок»... Это только те названия, что я успел прочитать на фирменных ярлычках. Стоят джинсы от 70 (самые заношенные) до 250 рублей. Чем оригинальнее их покроя, чем крепче фактура — тем выше цена. У «толкучки» свой жаргон, и потому, если вы услышите: «дубовые штаны», значит, это надо понимать так: джинсы хорошего качества, сшитые из материала крепкой фактуры. У лучших сортов джинсов — крученый шов. Он считается наиболее крепким. Выверните джинсы наизнанку... Крученый шов? Нет? Ищите дальше — найдете.

Удивительно, куда деваются светские манеры мальчишек из-под арки? Впрочем, чему удивляться — здесь все свои, «прикидываться» не

перед кем. У «толкучки», повторяю, свой жаргон. Если бабушки говорят по-русски, просто и ясно: «Сколько стоит? — Двадцать рублей». То другой товар порождает свой жаргон. Цены-то высокие, товар привозной, не отечественный, за это ребята из ОБХСС по головке не погладят, а потому надо изворачиваться. Послушаем:

— Сколько забашляешь?

— Катюшу.

Ну, это мелочь пузатая, а не фарцовщики.

Эти же фразы, но в более солидной, что ли, упаковке:

— Сколько вы весите?

— Тонну.

— Круто!

«Катюша», как вы поняли, — сто рублей (иначе — стольник), «тонна» — тысяча... Нет, не килограммов — рублей. «Круто», понятно, — много, дорого.

Вот сцена для неискушенного. К парню с джинсами (джинсы, да и любой другой товар, кроме обуви, конечно, развешиваются через руку, как салфетка у хорошего официанта) подходит немолодая женщина и спрашивает:

— Сколько?

— 17, — спокойно отвечает парень.

— Так дешево? (Конечно, женщина эта от друзей и знакомых слышала, что рыночные цены на джинсы в десять раз выше той, что назвал парень, а тут — на тебе — 17 рублей.)

— Вы шутите, — говорит она, а в глазах — надежда, дерзкий, счастливый бесенок: вдруг просто такой честный попался, «простой, как грабли»...

Не обольщайтесь. Парень не шутит. Он деловой человек, а не шут гороховый. Есть простое арифметическое правило, выведенное не в учебниках математики, а тут, на рынке, в их среде: если продается советский товар — разговор между покупателем и продавцом идет на русском языке, если товар импортный — будь добр говорить на жаргоне и этот жаргон понимать: к цифре, названной торговцем, мысленно подставь ноль. 17 — значит, 170; двадцать пять — значит, 250 рублей. И так далее. Все очень просто.

Итак, вы выбрали джинсы. Надо примерить? Примерочных кабинок, конечно, в лесу никто строить не будет. Отходите в кусты. Не стесняйтесь. Так, посмотрите, делают все: и мужчины, и женщины. Они могли бы загорлиться тут же, на месте, в центре «толкучки», но это было бы уж слишком... Да и неудобно. Нет, не взглядов — людской поток может столкнуть, опрокинуть человека, стоящего на одной ноге. В кустиках, безусловно, удобнее. Во всех отношениях.

Трясутся руки, лихорадочно бьется сердце, плохо слушаются ноги и никак не попадают в штанины. Надо сделать все быстро — раз. Во-вторых, такую покупку делаете не каждый день и, естественно, боитесь просчитаться. Да и не только страх ошибиться, а сам факт участия в крупной, как вам кажется, (на 170 рублей) торговой операции вносит в ваше настроение свой, особенный, неведомый донныне, новый психологический, эмоциональный оттенок. Потому и подрагивают пальцы и лихорадочно бьется сердце, что вот-вот выпорхнет из груди, как канарейка в клетке вон того небритого торговца птицами.

Примерили. Подходят? Вам кажется, что не очень, но девушки, которые оказались здесь, в «приме- рочной», почти «случайно», в один голос восторженно нахваливают обнову. Даже, как вам кажется, завидуют вам, и вы решаетесь — покупаю. Это называется — «покупатель вошел в раж».

Давайте поговорим о покупателях.

Все это нормальные люди. В жизни они, может быть, порядочные люди, мастера своего дела, хорошие производственники и т. д. и т. п. Ненормальность их разве что в том, что обратиться к спекулянту (будем называть вещи своими именами) стало или становится для них нормой. Так же, как достать сервилат с черного хода. Так же, как солидно переплатить за гарнитур, вывезенный со склада. Такие люди, обратите внимание при случае, считают, что иметь знакомого продавца престижнее, чем, скажем, знакомого ученого, музыканта, писателя. Они, конечно, хорошо сознают, что пользоваться услугами

всякого рода дельцов не слишком этично. Понятно их желание одеться модно, быть современным (не быть, так казаться). Все это понятно. Но не могу понять и простить человека, который только от одного вида импортной тряпки «входит в раж».

Впрочем, не будем перегибать палку. Все-таки это те люди, для которых джинсы «Ликупер» или «Монтана», куртка «Сафари» с замком и с капюшоном — не свет в окошке, не самоцель. Ломись наши прилавки от отечественных джинсов и кофточек такого же качества, и «толкучка», уверен, потеряла бы половину своих прихожан. Во всяком случае, эти-то покупатели на Шувакиш не поехали бы.

Экономика служит людям. Обслуживает жизнь людей и, значит, становится категорией нравственной.

Давайте подумаем, почему, допустим, дают чаевые официантам или таксистам? Чаевые дают там, где их ждут. Вот что удивительно: несовершенство сферы обслуживания ставит ее (сферу) в господствующее положение. Отличная лазейка для всякого рода махинаций — разрыв между спросом на услуги и их предложением.

Вещи. Что окружает человека в жизни? Верно: люди и вещи. Общаясь с ними, человек познает их и через них познает себя сам. «Человек творец самого себя», — сказал Маркс. Человек творит себя через вещи, через общение с ними и с людьми.

Много ли надо современному подростку? Нет, не в плане духовном, а в самом что ни на есть примитивном, материальном... Родители на этот вопрос ответят: «Да что вы, ужасно много!» И возьмутся за голову. Давайте разбираться.

Как, скажите, выйти на улицу, на танцы, в кино, к приятелю, да просто в магазин за бутылкой кефира и булкой хлеба по заданию тех же родителей, если на тебе не фирменные джинсы, а, скажем, обычные серые брюки? Как? — спрашивают подростки. Как, если джинсы — своего рода визитная карточка в их, подростков, мире? Скажи мне, какие у тебя джинсы, и я скажу тебе, кто ты... Глупо? Возможно. Но плох

он или хорошо, этот их мир, а считаться с ним надо. Да и не в самих джинсах и платформах дело...

Вон идет девушка... Вглядитесь: блондинка с нежной кожей и стройной фигурой, в джинсах и на платформе. Спокойно вышагивает, мягко, уверенно... Стоп! — прервем ряд сравнений — мы нашли нужное: «уверенно». Уверенно — вот в чем дело. Модные туфли на платформе не только изящно облегают ее ножку, а джинсы не только подчеркивают стройность ее фигуры — по каким-то неведомым законам психологии они сообщают нашей блондинке ощущение уверенности, если хотите, безопасности в стихии ее сверстников. Девушке удобно выглядеть как все, и это понятно: в этом возрасте очень непросто быть не как все. Здесь особо деспотично действует железное правило: по одежке встречают... Как тебя проведут — это еще надо посмотреть, возможно, ты такая умница, что завтра тебе и бабушкину юбку простят, но сейчас-то, сию минуту... Необходимо «подать» себя. Что она и делает, эта блондинка.

Как ни крути, все это закономерно и справедливо — быть современным, модно одетым. Так думают многие подростки. Пусть думают. С единственной оговоркой: только бы «джинсовый мир» не явился единственным, в котором подросток нашел свое утешение и способ выразить себя.

К компании подошли еще трое: парень и две девушки. Так же модно одеты. В руках — импортные полиэтиленовые сумки с пестрыми наклейками. Разговор заметно оживился.

— Ты смотрел финал кубка кубков? — спросил один.

— После игры на поле выбежали фоторепортеры... Видел, на одном из них были клевые штанишки? Внизу — такие колокола?!

Компания в один голос окрестила такие брюки «репортерскими клешами».

Разговор о прическах музыкантов, о фасонах их костюмов, сравнивали их прически со своими... О музыке и футболе — ни слова!

По рукам пошли пластинки.

Пальцы нервно теребят конверт.

Сейчас важно не ошибиться в цене. Внимательно изучается наклейка на пластинке. (В их кругу она называется «фирменным пяточком».) Сейчас работают глаза, мозг...

Сердце остается равнодушным. Все радости мира сейчас сузились для парня до размеров «пяточка» на пластинке.

— Один знакомый чувак сдает фирменный пласт со всеми делами, — начал один.

— Сколько? — спросил другой.

— 13 с нулем. Диск — родной.

— Пласт чей? — заинтересовался третий.

— «Иисус Христос». Сборная группа.

Диалог парней надо понимать приблизительно так: один знакомый парень, продает пластинку с записью рок-оперы «Иисус Христос», которую исполняют объединившиеся в одну группу музыканты из разных ансамблей. Выражение: «диск родной со всеми делами» означает, что пластинка выпущена лучшей фирмой грамзаписи; звуковоспроизведение пластинки наивысшего качества; к диску прилагается программа с именами участников ансамбля, стоит этот «шедевр» 130 рублей.

Я подходил и знакомился с разными людьми «толкучки». Кто-то, конечно, трусливо нырлял в толпу, кто-то, наоборот, бравировал всюю, открыто: да, я фарцовщик, я жил, живу и буду жить красиво. Одних больше привлекает товар, другие уже втянулись и представить себя не могут вне карусели: деньги — товар — деньги.

Студент архитектурного института так изложил мне свою позицию: «Не скажу за всех, но в моей жизни фарц — явление временное. Пока у меня есть возможность заработать — я зарабатываю. Я не из тех, кто сотни просиживает в ресторане, удачно распорядившись товаром. Да, у меня есть время — учусь на дневном, есть способности, известное хладнокровие при заключении сделки. Я знаю, что после института первое время меня ждет невысокая зарплата, не сразу появится квартира. Я сколочу себе капиталец на «черный день». Поверь, корреспондент, это временный компромисс с самим собой».

Сказал, качнулся с пяток на носки, поправил очки, откланялся и ушел. Независимо так ушел, небрежно. С высоко поднятой головой. А ты думай.

Выходит, юность наша, молодость — это что-то вроде предбанника в большую жизнь? Что-то вроде большой общей кормушки, из которой ровно пять лет можно хлебать, не задумываясь, отложить жирок, а потом он, этот жировой горбик, всю оставшуюся жизнь будет рассасываться?

Молодость, как предбанник, как черновик на пороге зрелости. Любопытно...

Жалкое, перхотное, трусливое, наглостное заявление. Это похоже на чаевые, выданные самому себе. Юность, молодость — это и есть сама жизнь, а не ее черновые классы. И она, молодость, тем более не может быть превращена в грязное предварение будущей, якобы, светлой жизни.

Это далеко не ново — то, что сказал мне парень из архитектурного. Вспомним «Портрет» Гоголя. Его главного героя художника Чарткова. Вспомнили? Моральный компромисс, отступление от нравственных норм неизбежно ведут к разрушению личности, ее деградации.

Рядясь в чужие тряпки, есть риск самому, того не замечая, обрядиться в чужую психологию.

«Упаковка» может стать твоим содержанием.

...Написал все это. Поставил точку, а потом подумал: а что я могу предложить им вместо джинсов? Иду в Центральный универмаг. Иду, заведомо зная, что ничего подходящего там не найду. Иду и надеюсь на чудо — а вдруг. Вдруг!

Чудес не бывает. Брюки есть, но чудес не бывает. Да и брюки, мягко говоря, не те. Есть в полоску, в крапинку... Мне нужны однотонные.

— Девушка, что вы можете предложить? — подхожу к продавцу.

— Все, что есть на прилавке.

— Спасибо. Я видел. Это не подходит. И все-таки, что еще?

Продавец отвернулась... Она разговаривала с подружкой о тех же джинсах.



УПРЯМЫЙ МАРСИЙ

Краткий отчет о маловероятных событиях, имевших место в городе Великий Гусяр за последний год

Кир. БУЛЫЧЕВ

Рисунки Е. Стерлиговой,



Как-то профессор Лев Христофорович Минц спустился на первый этаж к Саше Грубину за солью. Великий ученый, отдыхающий в Гусяре от тревог и стрессов большого города, и талантливый самоучка-изобретатель Грубин были холостяками с несложившейся личной жизнью. Это, а также их преданность Науке, стремление раскрыть тайны Природы, сблизило столь непохожих людей. Задушевные беседы, которые они вели в свободные минуты, отличались искренностью и бескорыстием.

Пока Грубин отсыпал в кулечек соль, Минц присел на шатучий стул и прислушался к ровному, заувывному постаныванию сложной конструкции, колеса и колесики которой медленно вертелись в углу комнаты, помогая друг дружке.

— Надо бы смазать,— сказал Минц.— Скрипит твой вечный двигатель.

— Его шум меня успокаивает,— возразил Грубин.— Держите соль.

— Плов собрался сделать,— сказал Минц.— Как ни странно, я лучший в мире специалист по плову. Я позову тебя, часов в шесть.

— Спасибо, приду,— сказал Грубин.— Вот вы предупреждали меня, что вечный двигатель бесперспективен, что работать он не будет. А ведь работает. Вторую неделю. Даже без смазки.

— Это ничего не доказывает, коллега,— сказал Минц, проведя ладонью по блестящей лысине.— Есть сведения, что в Аргентине в лаборатории Айя де Торре двигатель крутится уже восемнадцатый год. Из этого следует только, что это двигатель долговременный, но никак не вечный. Может быть, лет через сто он остановится.

— Ста лет достаточно,— сказал Грубин, упрямо склонив лохматую голову.— А к славе я не стремлюсь. Главное — принцип.

— К славе тебя и не подпустят,— сказал Минц.— И правильно сделают. Наука делается на Олимпе. Ею занимаются люди, отмеченные печатью Вечности. Талантливый дилетант только нарушает поступательное движение прогресса. И наука отвергает вечные двигатели, рожденные в частных квартирах. Вечный двигатель должен создаваться в соответствующей лаборатории соответствующего института Проблем и Перспектив Продленного Движения.

— Почему продленного? Ведь это вечный двигатель.

— Всем известно, что вечных двигателей не бывает. Поэтому, если наука когда-нибудь всерьез возьмется за вечные двигатели, придется придумать для него приличное название, не скомпрометированное за последние столетия шарлатанами и самоучками.

— Значит, мое положение безнадежно?

— Да, мой дорогой. У тебя даже нет диплома о высшем образовании. Ты в положении упрямого Марсия.

— Это еще кто такой?

— Сатир. Провинциальный сатир из Фригии, который имел несчастье подобрать свирель, брошенную Афиной. И знаешь, почему?

— Откуда мне знать. Я из древних греков только Геркулеса знаю и Прометея.

— Так вот, Марсий отлично играл на свирели и решил соревноваться с Аполлоном. Ну, как если бы ты принес свою машинку на ученый совет Института Проблем и Перспектив Продленного Движения.

— Марсий проиграл?

— Жюри единогласно присудило победу действительному члену Олимпа богу Аполлону.

— Ничего страшного,— сказал Грубин.— Главное, участвовать. Победа не так важна.

— Для кого как,— вздохнул профессор, глядя на скрипучий вечный двигатель Грубина.— С Марсия живьем содрали кожу.

— За что?— Грубин буквально пошатнулся от неожиданности.— Ведь Аполлон все равно победил?

— Боюсь, что в этой победе не все было чисто. Да и сам факт соревнования на равных богам не всегда приятен. Сегодня Марсий вылезет, завтра Иванов, послезавтра Грубин... Я пошел, спасибо за соль.

Профессор поднялся и направился к двери.

— У вас тоже были неприятности?— спросил вслед ему Грубин.

— Я не изобретал вечных двигателей,— ответил Лев Христофорович, не оборачиваясь.

Грубин метнулся к двери. Спина профессора, мерно покачиваясь, удалялась к лестнице.

— Лев Христофорович!— закричал Грубин.— Вы неправы! Марсии имеют право на существование. Общественность не даст сдирать шкуры! Мы с вами тоже сделаем свое скромное дело.

Лев Христофорович обернулся, улыбнулся, но ничего не ответил.

— В конце концов,— добавил Грубин,— в Великом Гусяре тоже пульсирует творческая жизнь. И если нам труднее добиться признания, чем в областном центре, это нас только закаляет. Кстати, вы над чем сейчас работаете?

— Мальков развожу,— ответил Минц.

ЧЁРНАЯ ИКРА

Несмотря на относительную дешевизну продукта, консервативные гусярцы вяло покупали эффектные баночки с изображением осетра и надписью: «Икра осетровая». Острое зрение покупателей не пропускало и вторую, мелкими буквами, надпись: «Синтетическая».

Профессор Лев Христофорович когда-то читал об успешных опытах по получению синтети-

ческой черной икры, знал, что по вкусовым качествам она практически не отличается от настоящей, по питательности почти превосходит ее и притом абсолютно безвредна. Но попробовать раньше ему икру не удавалось. Поэтому профессор оказался одним из тех гусярцев, которые соблазнились новым продуктом.

Вечером за чаем Лев Христофорович вскрыл банку, намазал икрой бутерброд, осторожно откусил, прожевал и признал, что икра обладает вкусовыми качествами, очевидно, питательностью и безвредностью. Но чего-то в ней не хватало. Поэтому Минц отложил надкусанный бутерброд и задумался, как бы улучшить ее. Потом решил, что заниматься этим не будет, — наверняка икру создавал целый институт, люди не глупее его. И дошли в своих попытках до разумного предела.

— Нет, — сказал он вслух. — Конкурировать мы не можем... Но!

Тут он поднялся из-за стола, взял пинцетом одну икринку, положил ее на предметное стекло и отнес к микроскопу. Разглядывая икринку, препарируя ее, он продолжал рассуждать вслух — эта привычка выработалась у него за годы личного одиночества.

— Рутинеры, — бормотал он. — Тупиковые мыслители. Икру изобрели. Завтра изобретем куриное яйцо. Что за манера копировать природу и останавливаться на полпути.

На следующий день профессор Минц купил в зоомагазине небольшой аквариум, налил в него воды с добавками некоторых веществ, поставил рядом рефлектор, приспособил над аквариумом родоновую лампу и источник ультрафиолетового излучения, подключил датчики и термометры и перешел к другим делам и заботам.

Через две недели смелая идея профессора дала первые плоды.

Икринки, правда, не все, заметно прибавили в росте, и внутри их, сквозь синтетическую пленку, с которой смылась безвредная черная краска, можно было уже угадать скрученных колечком зародышей.

Еще через неделю, когда, разорвав оболочки, махонькие, с сантиметр, стрелки мальков засуетились в аквариуме, сдержанно-радостный профессор отправился к мелкому, почти пересыхающему к осени пруду в сквере за церковью Параскевы-Пятницы и выплеснул туда содержимое аквариума.

Стоял светлый ветренный весенний день. Молодые листочки лишь распускались на березках, лягушечья икра виноградными гроздьями покачивалась у берега. Лягушечью икру Минц из пруда выгреб, потом, прижимая аквариум к груди, вышел на дорогу и остановил самосвал.

— Чего? — спросил мрачный шофер, высовываясь из кабины.

— Отлейте бензина, — вежливо сказал профессор. — Немного. Литра два.

— Чего?

Шофер изумленно смотрел сверху на толстого пожилого мужчину в замшевом пиджаке, обтягивающем упругий живот. Мужчина протягивал к кабине пустой аквариум и требовал бензина.

— У меня садик, — сказал лысый. — Вредители одолели. Травлю. Дайте бензинчику.

Полученный бензин (за бешеные деньги, словно это был не бензин, а духи «Красная Москва») профессор тут же вылил в прудик. Он понимал, что совершает варварский поступок, но значение эксперимента было так велико, что пруду пришлось потерпеть.

Профессор подкармливал синтетических осетрят не только бензином. Как-то местный старожил Удалов встретил Минца на окраине города, где с территории шелкоткацкой фабрики к реке Гусь текла значительная струйка мутной воды. Профессор на глазах Удалова зачерпнул из струйки полное ведро и потащил к городу.

— Вы что, Лев Христофорович! — удивился Удалов. — Это же грязь!

— И замечательно! — ответил, совсем не смутившись, профессор. — Чем хуже, тем лучше.

Вещества, залитые тихими ночами в прудик за церковью профессором Минцем, были многообразны и, в основном, неприятны на вид, отвратительны запахом. Люди, привыкшие ходить мимо прудика на работу, удивлялись тому, что творится с этим маленьким водоемом, и начали обходить его стороной. Лягушки тоже покинули его.

В один жаркий июньский день, когда отдаленные раскаты надвигающейся грозы покачивали замерший, душистый от сирени воздух, профессор привел к пруду своего друга Сашу Грубина. Профессор нес большой сачок и ведро, Грубин — второе ведро.

Прудик произвел на Грубина жалкое впечатление. Трава по его берегам пожухла, вода имела мутный, бурый вид и от нее исходило ощущение безжизненности.

— Что-то происходит с природой, — сказал Саша, ставя ведро на траву. — Экологическое бедствие. И вроде бы промышленности рядом нет, а вот погибает пруд. И запах от него неприятный.

— Вы бы побывали здесь вчера вечером, — сказал, улыбаясь, профессор. — Я сюда вылил вчера литр азотной кислоты, ведро мазута и всыпал мешок асбестовой крошки.

— Зачем? — удивился Грубин. — Ведь вы же сами всегда расстраивались, что природа в опасности.

— Расстраивался — не то слово, — ответил Минц. — Для меня это трагедия.

— Тогда не понимаю.

— Поймете,— сказал Минц. Он извлек из кармана пакет, от которого исходил отвратительный гнилостный запах.

— С большим трудом достал,— сообщил он Грубину.— Не хотели давать...

— Это еще что?

— Ах, пустяки,— сказал Минц и кинул содержимое пакета в прудик.

И в то же мгновение вода в нем вскипела, словно Минц ткнул в нее раскаленным стержнем. Среднего размера рыбины, само существование которых в таком пруду было немыслимым, отчаянно дрались за несъедобную пищу. Грубин отступил на шаг.

— Давайте ведро! — крикнул Минц, подбегая с земли сачок.— Держите крепче.

Он принялся подхватывать рыб сачком и кидать их в ведро. Через три минуты ведра были полны. В них толклись, пуча глаза, молодые осетры.

— Несколько штук оставим здесь,— сказал Минц, когда операция была закончена.— Для контроля и очистки.

Пока друзья шли от прудика к реке Гусь, Лев Христофорович поделился с Грубиным сутью смелого эксперимента.

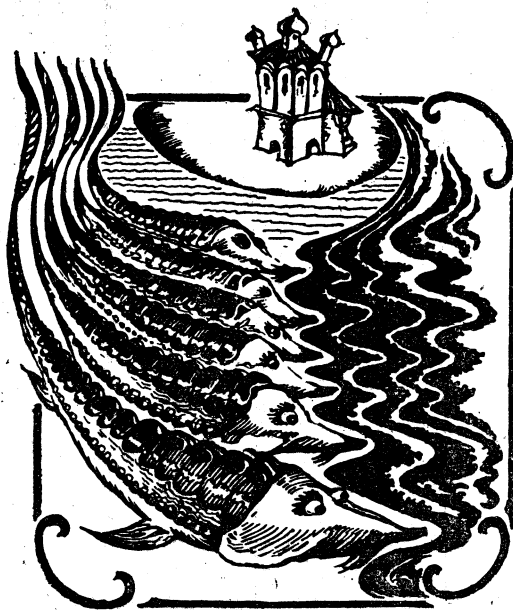
— Я жевал эту синтетическую черную икру,— рассказывал он,— и думал: до чего стандартно мыслят наши Аполлоны. Есть икра дорогая и вкусная. Они создали икру подешевле и похуже. В результате — никакого прогресса. Прогресс возможен только при парадоксальности, смелости мышления. Что свойственно мне, провинциальному Марсию. Если есть синтетическая осетровая икра, как насчет синтетических осетров?

— Бессмысленно,— сказал Грубин.

— Правильно. Бессмысленно. Если не заглядывать в ведра, которые мы с вами несем... Ладно, подумал я. Может, при моем исключительном таланте я смогу вывести из синтетической икры синтетических рыб. Но зачем?.. И тут я понял — для дела!

— Для какого? Пруды губить?

— Мысль твоя, Грубин, движется правильно, но скудно,— ответил профессор.— Не губить, а спасать! Если я выведу синтетического осетра, то он будет нуждаться именно в синтетической пище. То есть в том, что ни прудам, ни речкам, ни настоящим рыбам не нужно. Основа синтетической икры — отходы нефти. Чего-чего, а этого добра, к сожалению, в наших водоемах уже достаточно. Значит, коллега, если получится синтетический осетр, он будет жрать отходы нефти и прочее безобразие, которые мы в реки спускаем... После этой гениальной догадки все стало на свои места. Осталось подтвердить мое открытие на практике. И все, скажу тебе, подтвердилось! Я не только вывел из икринок мальков, но и вырастил их, они не только с удовольствием жрут мазут и кислоту, но я приучил их к



самой отвратительной органике и неорганике, которую можно встретить в водоемах. Да, я погубил временно прудик у церкви. Но через месяц вода в нем станет хрустальной. Как хрустальной станет наша река...

Они вышли на берег. Неподалеку от мебельной фабрики и шелкоткацкого предприятия, от которых к реке тянулись полосы нечистой воды, сливаясь с редкими пятнами радужного цвета, попавшими сюда с автобазы, Грубин, потрясенный гениальностью профессора, снял ботинки, зашел в воду по колено и выпростал ведро с осетрами.

— Эй! — кричали мальчишки с моста.— Рыбаки наоборот! Кто так делает?

Грубин принял из рук Минца второе ведро и также выпустил в воду подрастающих монстров. И видно было, как проголодавшиеся рыбы бросились к мазутным пятнам, поплыли к грязным струйкам...

Когда друзья шли обратно, Грубин спросил:

— А есть-то осетров этих можно?

— Ни в коем случае! — сказал профессор.— Вот когда очистим наши реки, появятся там в изобилии настоящие осетры, тогда и наедемся с тобой вволю настоящей черной икры.

— Надо бы поделиться опытом, сообщить в Москву.

— Не поверят,— отрезал профессор.— Мне редко верят. Пускай сначала наши осетры себя покажут.

Грубин, как человек куда более практичный, чем профессор, все-таки сходил на следующий день в редакцию газеты «Гуслярское знамя» и побеседовал со своим приятелем Мишей Стендалем. Тот посетил заметно очистившийся за сутки прудик у Параскевы-Пятницы, поглядел, как мо-

лодые осетры жрут дизельное топливо, которое Грубин капал в воду у берега, пришел в восторг и добился у редактора, пока суд да дело, разрешения опубликовать заметку-предупреждение:

«Вниманию рыболовов-любителей!

В порядке эксперимента в реку Гусь выпущены специальные устройства для очистки воды от нефтяных и прочих отходов. Этим устройствам в практических целях придан вид осетровых рыб, которые в естественном виде в наших краях не водятся. При попадании подобного устройства в сеть или на удочку просим немедленно отпустить их обратно в воду. Употребление устройств в пищу ведет к тяжелому отравлению. Характерный признак устройств, помимо их внешнего вида,— стойкий кислотно-бензиновый запах.»

Когда профессор прочел эту заметку, он сказал только:

— Наивный! Чтобы мой осетр пошел на удочку? Для него червяк — отравал!

Вскоре жители Гусляра привыкли видеть у фабрики или автобазы выросших за лето могучих рыб. Осетрам, которые остались в прудике, пришлось тоже перекочевать в реку — уж очень накладно стало их кормить. Да и прудик давно стал им тесен.

К осени приехала из области комиссия по проверке эффективности очистки водоемов с помощью осетров. Комиссия была настроена скептически. Минц, ожидавший этого, выпилил из камышины простую свирель и, вызывая недоуменные улыбки коллег, пошел к реке, насвистывая незатейливую мелодию. Лишь Грубин догадался, что профессор изображает несчастного Марсия.

Река Гусь текла между зеленых берегов, поражая хрустальной чистотой воды. Тому способствовали не только осетры. Уже месяц, как руководители гуслярских предприятий, пораженные сказочными результатами эксперимента, перестали сбрасывать в реку нечистую воду и прочие отходы.

Директор автобазы, ранее главный враг чистоты, а ныне почетный председатель общества охраны природы, встретил комиссию у реки. Он на глазах у всех зачерпнул стаканом воды и поднял к солнцу. Искры засверкали в стакане.

— На пять процентов чище, чем в Байкале,— сказал директор автобазы.— Можете проверить лабораторно.

— Хорошо,— сказал председатель комиссии.— Отлично. А где же ваши так называемые осетры?

На лице директора отразилась растерянность, но он был правдивым человеком, поэтому честно ответил:

— Осетры вас не дождалось. Уплыли.

Профессор Минц грустно засвистел на свирели.

— Значит, раньше были, а теперь уплыли? — сказал председатель комиссии.

— Позавчера последнего видели,— сказал директор автобазы.— Понятное дело.

— Непонятное.

— Им же жрать нечего! Чего им тут делать? Скоро настоящих запустим.

— Так,— сказал председатель комиссии, глядя в голубую даль.— Были и нет...

— Их надо теперь в Северной Двине искать,— сказал директор автобазы.— Мы туда уже предупреждение послали, чтобы не вылавливали.

— А с Марсия содрали шкуру,— непонятно для всех, кроме Грубина, сказал профессор Минц.

— Значит, мы ехали, теряли время...— в голосе председателя комиссии послышалась угроза.— И что увидели?

— Результаты успешного эксперимента,— сказал Минц.— Настолько успешного, что кажется, будто его и не было...

— Но вода-то чистая! — воскликнул директор автобазы.

— За это вам спасибо!

Наступила пауза. Все поняли, что надо прощаться... Что тут докажешь?

И в этот момент послышался приближающийся грохот лодочного мотора. Директор автобазы нахмурился. В Великом Гусляре недавно было принято постановление о недопустимости пользования моторами на чистой реке.

С моторки увидели людей на берегу, и лодка круто завернула к ним. Нос ее уперся в берег.

— Доктора! — закричал с лодки приезжий турист в панаме и джинсах.— Мой друг отравился!

— Чем отравился? — спросил Минц.

— Мы вчера рыбку поймали. С утра поджарили...

— Большую рыбку? — спросил Минц у туриста.

— Да так... небольшую... На удочку.

— Осетра?

— А вы откуда знаете? — турист вдруг оробел и двинулся к носу лодки, намереваясь, видно, оттолкнуться от берега.

— Длина полтора метра? — спросил сообразительный директор автобазы.— Динамитом глушили?

— Ах, разве дело в частности! Человеку плохо!

— Чтобы не почувствовать бензино-кислотного запаха,— задумчиво сказал Минц,— следовало принять значительное количество алкоголя.

— Да мы немного...

— Так вот, уважаемая комиссия,— сказал тогда директор автобазы.— Я приглашаю вас совершить путешествие к месту стоянки этих браконьеров и ознакомиться на месте с образцом

синтетического осетра, который, к сожалению, не успел далеко отплыть от родных мест. По дороге мы захватим доктора и милиционера...

— Там только голова осталась,— в растерянности пролепетал турист.— Мы ее в землю закопали.

— Головы достаточно,— оборвал его директор автобазы.

Члены комиссии колебались.

Марсий спокойно играл на свирели.

— Не надо туда всем ехать,— сказал Саша Грубин.— Не надо.

Он показал пальцем на расплывшееся бензиновое пятно за кормой лодки.

И тут все увидели, как огромная рыбина с длинным, чуть курносым рылом, широко раскрывая рот, забирает с воды бензин. Радужное пятно уменьшалось на глазах...

— Ну что?— спросил Грубин, зайдя вечером к профессору.— Не содрали шкуру?

— В следующий раз снимут,— философски ответил Минц.



ДВА ВИДА ТЕЛЕПОРТАЦИИ

Духовой оркестр — слабость Льва Христофоровича Минца. Духовой оркестр в Великом Гусляре отличный, он получил диплом на конкурсе в Вологде.

По субботам, когда оркестр выступает на открытой эстраде в парке, профессор Минц откладывает все дела, идет в парк и слушает музыку, которая напоминает ему времена молодости. Порой к нему присоединяется Саша Грубин или старик Ложкин, тоже поклонники солидных вальсов и танго об утомленном солнце.

В ту субботу Минцу с Грубиным не повезло. В городе была небольшая эпидемия гриппа, из-за чего оркестр временно лишился барабанщика и кларнетиста. Этих специалистов пришлось позаимствовать в джазовом ансамбле, игравшем обычно в ресторане «Великий Гусляр». Молодые люди, вторгшиеся в оркестр, нарушили консервативную традицию, они спешили, сбивали с толку тубу и литавры, отчего вальс «На сопках Маньчжурии» приобрел оттенок синкопированного легкомыслия.

Разочарованные ценители отошли от эстрады и присели на голубую скамейку неподалеку от пивного ларька. Высокие столики для пивохлебов, как неуважительно называл их старик Ложкин, отделялись от скамейки кустами сирени.

Минц и Грубин молчали, думали о науке, о смысле жизни и других проблемах, когда за кустами послышались голоса.

Басовитый, значительный голос произнес:

— Ты пей, Тюпкин, не стесняйся. Сегодня у меня большой день.

— А что, Эдуард, мысль есть или удача пришла?

— Мысль.

За кустами помолчали. Видно, тянули пиво.

— И какая?— раздалось через полминуты. Голос у Тюпкина был негромок и деликатен.

— Радикальная,— ответил Эдуард.— Задумал я переправлять материю на расстояние. Скажем, в Саратов.

— Ого,— тихо произнес Грубин.

— Я вас всегда уважал, Эдуард,— сказал Тюпкин,— но такие мысли почти невероятны.

— Нет преград для смелого полета ума,— ответил скромно Эдуард.

— И собираетесь внедрять?— спросил Тюпкин.

— Дай мне месяц,— ответил Эдуард.— Через месяц я эту проблему расколю, как грецкий орех. А пока— никому ни слова. Сам понимаешь, вокруг завистники, недоброжелатели.

— Разумеется, Эдуард, разумеется,— согласился Тюпкин.

Звякнули кружки о столик. Раздались шаги, и уже издали донесся вопрос Тюпкина:

— А как я узнаю об успехе вашей идеи?

— Через месяц, на этом же месте,— ответил Эдуард.— В это же время. И я скажу— удалось или ошибка.

Некоторое время профессор Минц и Грубин сидели в полной растерянности. Первым пришел в себя Грубин.

— Нет,— сказал он.— Для нашего маленького городка напор гениев невероятен. Нарушение статистики. И я его не знаю.

— Я тоже не знаю,— сказал Минц.— Не слышал раньше такого голоса. Но дело не в напоре гениев. Дело в том, что передача материи на расстояние невозможна.

— Почему? — спросил Грубин.

— Потому что в ином случае я давно бы это изобрел.

Это был аргумент, спорить с которым Грубину было нелегко. Да и не хотел он спорить. Он глубоко уважал профессора Минца как человека и как мыслителя.

— Но если...— начал он неуверенно.

— Если это возможно, то я изобрету. Хотя бы для того, чтобы доказать самому себе, что как профессионал в науке я сильнее любого дилетанта. Я владею методом...

— Но допустим, у него, у Эдуарда, талант?

— Допускаю,— сдержанно сказал профессор и поспешил к дому.

В последующие дни Лев Христофорович буквально пропал. Выбежит утром в магазин за кефиром и на почту, куда на его имя поступали из Москвы редкие приборы и транзисторы, и сразу обратно, в кабинет-лабораторию. Если пройти по коридору, то услышите, как он ворчит, беседует сам с собой и с невидимыми соперниками.

Так прошло двадцать четыре дня. Все жильцы дома № 16 по улице Пушкинской давно уже знали о причине затворничества профессора — Грубин рассказал. Все с нетерпением ждали исхода заочной борьбы двух титанов — неведомого Эдуарда и любимого Льва Христофоровича. Несколько раз Грубин с Удаловым ходили к пивному ларьку в парке, проводили там вечера, но никого, схожего с Тюпкиным или Эдуардом, там не встретили. Предположили, что Эдуард тоже не покидает своей лаборатории.

На двадцать пятый день профессор вышел из кабинета, спустился во двор, где его соседи играли в домино в лучах заходящего солнца. Игроки замерли при виде Льва Христофоровича, взглядываясь в его умное усталое лицо.

— Ну и как? — нарушил тишину Удалов.

— Передача предметов на расстояние возможна,— сказал Минц.— Теоретически возможна.

— А практически?

Профессор вздохнул. Он был самолюбив.

— Еще придется поработать? — спросил Грубин.

— Придется,— сказал профессор.— Пошли ко мне.

Непонятного вида установка стояла посреди комнаты. По обе стороны вертикальной стойки, опутанной приборами и начерно прикрепленными печатными схемами, располагались две небольшие платформы.

— Вот,— сказал профессор.— Вот то максимальное расстояние, на которое я могу передать материю. На сегодняшний день...

Он взял со стола бутылку кефира, поставил на одну платформу, включил ток, нажал несколько кнопок. Раздалось низкое жужжание, и бутылка исчезла с платформы, тут же возникнув на другой.

Раздались аплодисменты. Грубин и Удалов горячо поздравили профессора с принципиальным открытием.

— Сегодня метр,— сказал Удалов.— Завтра — на Луну.

— Конечно, так,— согласился Минц.— Но до Саратова нам далеко. Вы, друзья, не представляете, сколько нужно для этого энергии.

— Значит, и у Эдуарда не получится,— сказал Грубин.— Ведь в данной ситуации вы, Лев Христофорович, как Аполлон.

— А он Марсий? — Лев Христофорович кинул взгляд на пыльную свирель, лежавшую на подоконнике.— Нет, я никогда не буду снимать шкуру с человека, посвятившего себя науке. Даже если он ошибается, даже если он переоценил свои силы. Пускай дерзает и дальше.

— Я попробую? — спросил Удалов.

— Можно,— сказал профессор.— Вот этот рычаг до нулевой отметки, эту клавишу не до конца. Ясно?

Удалов подошел к телепортирующей установке, но не удержался, перевел рычаг за нулевую отметку, а клавишу выжал до отказа.

Бутылка исчезла, но на другую платформочку не выскочила. Вместо этого послышался глухой удар и возмущенный крик со двора.

Там, облитый кефиром, стоял старик Ложкин и был разгневан.

Пришлось просить прощения, а потом разрешить ему телепортировать свои часы.

— Сделаем рычаг побольше,— сказал Удалов,— уже завтра добьемся ста метров.

Он не был удивлен и не чувствовал себя виноватым. Он был участником. А добрый Саша Грубин между тем сбежал за кефиром, чтобы Минцу было что пить утром.

Напряжение росло. Приближался день, когда к пивному ларьку придет соперник. Как у него? Саратов или не Саратов? А может, провал?

С одной стороны, хотелось провала, потому что человек слаб, и патриоты из дома № 16 хотели приоритета для своего профессора. С другой стороны, врожденное чувство справедливости желало успеха неизвестному самоучке и славы городу в целом.

Ровно через месяц после того, как случайно был подслушан разговор в парке, Удалов, Грубин и Минц пошли туда вечером. Играл духовой оркестр, играл хорошо, солидно, барабан и кларнет вышли с бюллетеня. Вечер был теплым, славным, за пивом стояла очередь. Соседи подо-

шли к крайнему столику. Возле него нашли не-
большого, сутулого человечка, который в оди-
нчестве пил пиво.

— Тюпкин? — спросил Удалов.

— Я — Тюпкин, — сказал тот испуганно. — Но я
ни при чем.

— Эдуард придет?

Тюпкин захлопал глазами, но ничего не от-
ветил.

— Не беспокойтесь, — сказал Грубин. — Мы к
вам претензий не имеем. Нам нужен Эдуард.
И не столько он, сколько его открытие.

— Не знаю, — пискнул Тюпкин. — Не в курсе.

— Неправда, — сказал Удалов. — Вы ждете
Эдуарда, потому что он назначил вам здесь сви-
дание по поводу его мысли о передаче материи
на расстояние. В частности, в Саратов. А нам
любопытно узнать, удалось ли...

И вдруг маленький Тюпкин пригнулся и бро-
сился кустами к эстраде.

Вообще-то не к лицу серьезным людям го-
няться по парку за всяким Тюпкиным, но на этот
раз речь шла об открытии мирового значения.
Поэтому пришлось догонять.

Тюпкина настигли на берегу реки, где он пы-
тался спрятаться под скамейку.

— Зря ты так, — сказал Удалов, извлекая че-
ловечка. — Ты сознайся и иди себе на здоровье.
Мы зла не имеем.

— Имеете, — возразил Тюпкин, дрожа, слов-
но выкупался в проруби. — Только я ни при чем.
Я так с ним разговаривал. Я вообще его почти
не знаю...

— Не так, не так... — поморщился Грубин. —
Все по порядку.

— По порядку в милиции спрашивайте, —
сказал Тюпкин. — Взяли его сегодня. Сразу после
обеда!

— Как? Такого ученого? — Профессора Мин-
ца охватили гнев и жалость к коллеге. — Где его
содержат? Это ошибка! Мы сейчас же освободим!

— Не освободить, — сказал Тюпкин. — Его с
поличным взяли. Он как раз со своего склада
материю в Саратов отправлял.

— Со склада... — Удалов нахмурился, потому
что начал догадываться о том, что произошла
трагикомическая ошибка.

— Откуда же еще, — сказал Тюпкин. — Он
складом заведовал, материю воровал и на сто-
рону сбывал! Плохой человек, недостойный, но
с размахом.

Когда соседи возвращались к дому, ожив-
ленно обсуждая события, Грубин сказал:

— Если с этого Марсия снимут шкуру, я не
возражаю. Но свою положительную роль в нау-
ке он сыграл.

— Это точно, — согласился Удалов. — Без
подсказки Льву Христофоровичу на эксперимент
не пойти бы.

— Почему? — вдруг обиделся профессор. —
Идея витала в воздухе. Из воздуха я ее изъясил и
материализовал. Если бы подсознательно не ду-
мал о телепортации, сразу бы понял, что жули-
ки разговаривают.

В этот момент с неба на мостовую упал ко-
тенок, мяукнул и бросился бежать.

— Немедленно домой! — крикнул Удалов. —
Подросток Гаврилов забрался к вам в кабинет.
Если его не остановить, он перетелепортирует
все, что есть в комнате!

И соседи побежали домой.

ДАР ДАНАЙЦА

Часов в пять вечера, в пятницу, в середине
сентября, пошел дождь. Похолодало. Удалов
возвращался домой с работы и жалел, что не
взял зонтика. Но дождь был таким занудным,
мелким, осенним, что переждать его не было
никакого смысла — лучше было потерпеть и до-
бежать поскорее до Пушкинской улицы.

Когда Удалов перебежал площадь, то услы-
шал над головой какой-то гул, поднял голову и
таким образом стал первым гусярцем, который
увидел, как на город опускается Конструкция.

Космического корабля за облаками не было
видно. Так и осталось неизвестным, приближал-
ся он к Великому Гусляру или обронил Конст-
рукцию из космоса.

Удалов еле успел метнуться в сторону, к зда-
нию музея, а Конструкция тяжело ухнула на ас-
фальт, продавив его. В стороны побежали узкие
трещины.

Удалов перевел дух и пригляделся к Конст-
рукции.

Вид ее был неприятен. Под острыми углами
из центрального столба вырастали оси и стерж-
ни, частично снабженные колесами и шариками,
которые, как только Конструкция как следует
встала, начали вращаться с различными скоро-
стями. Господствующий цвет Конструкции был
черным, кое-где поблескивал металл. Высотой
она достигала метров пяти и производила чуть
заметный, но неприятный скрежущий звук.

Удалов, забыв о дожде, раздумывал, чем бы
могла оказаться Конструкция и насколько она
опасна для населения, но ничего придумать не
мог, потому что ничего подобного еще не видел.

Из задумчивости его вывели удивленные го-
лоса горожан, сбегавшихся на площадь. Вскоре
народу накопилось немало, и пришедший стар-
шина милиции Перепелкин с помощью пожарни-
ков обнес центр площади канатом на столбиках,
чтобы никто не приближался к Конструкции до
приезда ученых.

Ученые прилетели на вертолетах тем же

вечером, а к утру подоспели другие, менее оперативные, на автобусах и служебных машинах. С этого дня площадь кипела толпой специалистов самых различных областей знания, к тому же приходилось как-то защищать Конструкцию от туристов и зевак. Но, несмотря на суровую охрану и принятые меры, к утру третьего дня на металле Конструкции появились две надписи. Одна говорила о личных отношениях какой-то Любы и какого-то Пети, а вторая была еще лаконичнее: «Были: Коля, Ира, Шляпиков из Сызрани». Так как ни одно сверло, ни один бур не смогли оставить на Конструкции ни единой царапины, осталось тайной, каким образом Шляпиков с друзьями и Петя запечатлели себя. Поиски Шляпикова продолжаются.

Пока ученые осматривали, обмеряли и зарисовывали Конструкцию, в доме № 16 по Пушкинской улице шли горячие дебаты, зачем и почему из космоса забросили Конструкцию и чем это грозит Земле в целом и Великому Гусляру в частности.

Романтически настроенный Удалов энергично мерял короткими шагами захламленный кабинет профессора Минца и рассуждал:

— Основное чувство в космосе — сотрудничество, дружба. Мне приходилось с некоторыми встречаться, редко кто настроен к нам отрицательно.

— Это еще не значит, — возразил известный скептик старик Ложкин.

— Должна быть цель... — задумчиво произнес профессор Минц, рассматривая фотографию Конструкции. Наяву ее уже нельзя было увидеть, потому что, спасая от туристов, ученые прикрыли ее брезентовым куполом, который раньше употреблялся для цирка шапито.

— Зачем они бросают на Землю эту отвратительную, на наш непосвященный взгляд, Конструкцию? — продолжал Удалов. — С одной только целью. Приобщить.

— Приобщить? — спросил Грубин. — Если приобщить, то к чему?

— К космическому прогрессу.

— Чепуха, — сказал профессор Минц. — Когда я приобщаю кого-то, я прилагаю к прибору объяснительную записку. На понятном языке. На что нам приобщение, если мы не знаем, к чему нас приобщают?

— Вот! — воскликнул Удалов радостно. — Именно так! Казалось бы, чепуха, а на самом деле все продумано! Представьте себе, сидят сейчас на своей планете наши продвинутые братья по разуму. И думают: доросла ли Земля до уровня космических цивилизаций? Можно ли принять ее в галактическое содружество? Ну, как им решить этот вопрос?

— Приехать и спросить, — сказал Ложкин.

— Тебя спросишь, — возразил Удалов, — а ты необъективный. Всю картину исказишь.

— Я не лжец!

— Ты путаник. Любой из нас путаник. И неосведомленный. Я вот, например, не в курсе последних успехов теоретической механики. Может, только Лев Христофорович все науки знает. Да и то... Попробуй-ка найди объективного.

— Ага, — сказал Минц. — Найти нелегко.

— И вот присылают они нам Конструкцию. Такой мы раньше не видали. И эту Конструкцию нам надо расшифровать и пустить в дело. Не знаю уж, чем она должна заниматься — может, сады сажать, может, землю копать, следят за нами и думают — справимся или не справимся? Справимся — получим все блага экономической и научной помощи и прогресса. Не справимся — антракт еще на сто лет.

Все задумались. Идея Удалова звучала соблазнительно. Был в ней смысл. Только упрямый Ложкин возразил:

— Так зачем они к нам ее спустили? Тогда бы в Москву или в Париж. Там специалисты, там общечеловечности больше.

— А вот ты и не прав, Ложкин, — сказал Удалов. — Выбирали они по жребию. Самый обыкновенный город, самых обыкновенных людей. От того, что не в Москве, — что изменилось. Ты погляди, вся гостиница забита академиками, по три человека на койке спят.

— Я знаю, — тихо сказал профессор Минц. — Я все понял.

Он поднялся, подошел к окну, взял с подоконника самодельную свирель, сунул ее в верхний карман замшевого пиджака, обвел задумчивым взглядом соседей и разъяснил:

— Конструкцию опустили именно сюда, потому что там знают, что в этом городке живу я. И задача эта — лично для меня. Для скромного Марсия. К сожалению, все сбегавшиеся сюда Аполлоны — бессильны.

С этими словами профессор покинул комнату, а Удалов спросил:

— Кто этот Марсий?

— Бог войны, — сказал Ложкин. — Только он себя переоценивает. Они ведь академики, а он простой профессор.

— Марсий был всего-навсего сатиром и играл на свирели, — сказал Грубин. — Аполлон содрал с него за это шкуру.

— Так плохо? — расстроился Удалов. — Неужели так плохо?

Академики обмерили, освоили, исследовали Конструкцию еще несколько раз и не смогли прийти к единому мнению. Минц с ними почти не общался, хотя со многими учился на одном курсе в университете. Он думал.

Конструкция мирно поскрипывала на площадке под брезентовым куполом, старик Ложкин обходил площадь стороной, потому что не верил данайцам, а Лев Христофорович незаметно для окружающих построил двадцать разного разме-



ра моделей Конструкции и бессонными ночами вертел их в руках, размышляя, куда бы их можно было определить.

И вот, когда через месяц, узнав о Конструкции, все, что было возможно, и не сделав никаких практических выводов, кроме того, что Конструкция является предметом неизвестного происхождения и назначения, академики собрались на последнее заседание под куполом шашито, туда вошел профессор Минц с большим чемоданом в руке. Пока академики обменивались заключительными мнениями, он сидел в сторо-

не и крутил в пальцах свирель. Потом попросил слова.

— Уважаемые коллеги,— сказал он.— Отдавая дань вашей эрудиции и упорству, я хочу обратить ваше внимание на методологический просчет, который вы коллективно допустили. Вы априори признали Конструкцию неведомой, загадочной и не подлежащей утилизации. Я же решил, что Конструкция — не более не менее как испытание нашему интеллекту, нашей изобретательности, нашему разуму. Раз она сброшена к нам не случайно, следовательно, мы должны

выдержать испытание. Вы уклонились от этого. Пришлось всю тяжесть мышления мне взять на себя.

После этого профессор Минц открыл чемодан, а академики сдержанно выразили свое недовольство слишком самонадеянным тоном и манерами своего провинциального коллеги.

Из чемодана Лев Христофорович извлек множество Конструкций, от трех сантиметров до полуметра размером, и разложил их на асфальте рядом с их громадным прототипом.

— Коллеги,— продолжал он.— Мне удалось обнаружить, что наши космические испытатели оказались даже хитрее, чем я подозревал с самого начала. Конструкция имеет не одно утилитарное решение, а по крайней мере двадцать.

Профессор поднял самую маленькую модель, ловко вытащил из кармана нитку с иголкой, вставил в модель и на глазах изумленных академиков в мгновение ока заштопал с помощью этого устройства разорванный занавес, у которого когда-то выстраивались униформисты.

— Это,— сказал он,— революция в швейном деле. Благодарите не меня. Благодарите наших друзей из космоса.

С этими словами он поднял другую модель.

— Показываю вам,— произнес он,— прогрессивные ножницы для стрижки овец.

Он быстро подошел к одному из академиков, обладавшему буйной шевелюрой, и провел моделью Конструкции над головой коллеги. Коллега оказался наголо обрит, чем весьма возмутился.

— Далее,— сказал Минц, отбрасывая вторую и берясь за третью модель,— мы видим машинку для прокладывания подземных трасс для трубопроводов.

Лев Христофорович опустил модель на пол, нажал на нее, и она тут же вгрызлась в асфальт, пропала из глаз, чтобы через пятнадцать секунд вынырнуть на поверхность в трех метрах от Минца.

— Далее...— сказал Минц, подхватывая четвертую модель.

Академики замолкли перед таким невероятным напором изобретательской мысли. Тишина под куполом стояла гробовая. И все слышали, как сверху приближается утробный рев. Минц замер. Академики вскочили на ноги. Старшина милиции Перепелкин вбежал под купол и закрычал:

— Космический корабль неизвестной конструкции!

— Все ясно!— голос Минца перекрыл рев гравитонных двигателей.— Они увидели, как я раскусил эту загадку. Нас примут сейчас в галактическое содружество.

Все высыпали наружу, глядя, как схожий с волчком, ярко расписанный космический корабль осторожно опускается на площадь.

Минц вышел вперед. Никто не посмел остановить его в час галактического торжества. Загадочно улыбаясь, профессор крутил в пальцах простенькую свирель.

Открылся люк. Из корабля вышел инопланетянин, одетый небрежно, притом босой. Он вежливо кивнул собравшимся, огляделся и спросил:

— Где?

— Там,— сказал Минц, указывая на купол шапito.

— Ах, да!— сказал пришелец и совершил короткое движение указательным пальцем, отчего купол мгновенно испарился и возник вновь в сложенном состоянии метрах в ста от Конструкции.— Лишнее это,— продолжал пришелец.— Она не боится дождя и холода. Вечная вещь. Но в любом случае спасибо.

Пришелец наклонил голову, разглядывая Конструкцию. Потом взгляд его упал на профессора Минца, который вытащил из кармана маленькую модель Конструкции, что должна была совершить переворот в швейном деле.

— Ах, молодец,— сказал пришелец, улыбаясь.— Похоже, похоже... Копиист?

— Нет,— улыбнулся в ответ Минц.— Своего рода рационализатор.

— Ну-ну,— сказала пришелец.— Я-то думал, что заберу ее у вас. Ошибка вышла, везли на Сперлекиду, а почтари сбросили в другом секторе. Ну, думаю, заберу и поставлю где надо. А вам, оказывается, понравилась. Копии делаете, на площади под брезентом держите. Ну, спасибо!

— Мы же понимаем,— сказал Минц.

— Понимание искусства— великий дар Космоса,— согласился пришелец.— Я отдал созданию этой скульптуры два года жизни!

Минц незаметно спрятал в карман маленькую модель Конструкции. Кто-то из академиков хмыкнул. Инопланетный скульптор обвел глазами площадь и сказал:

— Правда, мыслить категориями большого пейзажа вы не научились. Это мы исправим.

Движением пальца он перенес на другой берег реки Гусь церковь Параскевы-Пятницы, другим— отодвинул с площади старинное здание музея, третьим убрал гостинный двор. Теперь ничто не мешало гусярцам со всех концов города видеть жуткую черную Конструкцию.

И улетел.

А Конструкция стоит на площади и по сей день. Мало кто любит ее в городе, но неловко как-то выбрасывать космический дар.

Зато профессор Минц выкинул в речку свою самодельную свирель.



● В книге «Дипкурьеры», изданной в Москве, академик И. М. Майский пишет:

«...В феврале 1922 года я был назначен заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел. Советское правительство поддерживало тогда официальные отношения с одиннадцатью государствами... Расширялись международные связи, соответственно увеличивалось число дипломатических курьеров. Складывалась совершенно особая группа советских дипломатических работников, главным достоинством которых являлись беспредельная преданность делу революции, смелость, находчивость, бдительность».

Сын великого пролетарского писателя А. М. Горького — Максим Пешков в двадцатые годы тоже выполнял функции дипломатического курьера, ездил по разным странам и иногда выполнял специальные поручения Владимира Ильича Ленина.

...Передо мной редкая фотография, сделанная в 1929 году во время поездки А. М. Горького в Соловецкий монастырь. В этом монастыре размещалась тогда детская воспитательная колония.

На фотографии слева в кожанке — личный секретарь Горького Крючков, рядом с ним — московские чекисты А. П. Ногтев и Г. И. Бокий. В центре А. М. Горький; рядом с ним чекист М. С. Погребинский. В данном случае для нас особый интерес представляет Погребинский, ибо он позднее работал в Уфе начальником ГПУ, и связь его с Горьким не прерывалась. Далее мы видим Максима Алексеевича Пешкова. На ступеньке, прикрыв ладонью глаза от солнца, сидит его жена — Надежда Алексеевна Пешкова.

Эта фотография объясняет, в частности, как Максим Алексеевич Пешков получил возможность побывать в столице Башкирии городе Уфе.

...Июнь 1932 года. В кабинете Погребинского раздается продолжительный телефонный звонок. Дежурная телефонистка Мария Никитична Чубукова известила: «Внимание, на

...БЫЛ КРАСНЫМ ДИПКУРЬЕРОМ

**Владимир
ДЕДЕНКО**

линии Москва. Максим Горький вызывает Уфу, Погребинского».

В семье М. Горького случилась беда — серьезно заболел его сын. Врачи настоятельно рекомендовали ему лечение целебным башкирским кумысом. Горький сообщил по телефону Погребинскому, что сам хотел бы с большим удовольствием приехать к нему, поближе познакомиться с Башкирией, ее людьми и природой. Но занятость держит его в Москве. А вот сына советуют послать в Уфу...

Через неделю Максим Алексеевич был уже под Уфой, на даче Погребинского. Здесь днем его часто можно было видеть в тенистых липовых аллеях или же на полянках в окружении дачной детворы. Сын Погребинского, Нинел Матвеевич, вспоминал:

«Мы полюбили его, всюду следовали за нашим Максом — так звали мы Максима...»

По утрам, после завтрака, все мы, дачная детвора, на лужайке поджидали своего взрослого друга — Макса. Увидев нас, он улыбался, здоровался с нами и спрашивал:

— Ну-с, куда мы с вами сегодня пойдем?

— Конечно, на Белую! — дружно отвечали мы.

По крутому откосу мы спускались, сам наш Макс брал себе под мышки слева и справа мою сестренку Майю и Майю Тагирову. На берегу Белой наше веселье не знало удержу. Многие из нас купались, но наш Макс поднимал свою большую руку вверх и строго предупреждал нас: «Купайтесь только вдоль берега!» Улыбаясь, радуясь за нас, внимательно следил за нами...»

А вечерами Максима Пешкова можно было видеть на даче в окружении взрослых, друзей Горького, прибывших из Москвы, и местных товарищей. На даче они совмещали отдых с работой. Здесь были Александр Фадеев, Леопольд Авербах, Владимир Луговской, башкирский писатель Афзал Тагиров и его друг Хабиби. Они частенько у вечернего костра на поляне вели оживленные разговоры между собой. Обращались к Фадееву — как движется работа над «По-

следним из удэге»? Не давали покоя и Максиму Пешкову:

— Ну-ка, расскажи, в каких странах ты был? Особенно, когда пришлось тебе быть дипломатическим курьером. Это сложно?

— Не только сложно, но временами было очень опасно, — отвечал Максим Пешков. — Вы представьте себе хотя бы на мгновение, что вы за границей не в качестве туриста, а дипломатического курьера, везете почту для нашего советского посольства. За нами тогда шла охота тех, кто стремился похитить ее.

Эти встречи, беседы, споры на даче вечером прерывались приглашением на ужин. В конце ужина подавали по большой кружке башкирского кумыса.

Незаметно для Максима Пешкова прошло более полутора месяцев его отдыха в Башкирии. Незадолго до отъезда в Москву он попросил автомобиль у Погребинского и, посадив в него детей, совершил поездку по Уфе. Сам управлял машиной.

Накануне отъезда из Уфы Максима Пешкова пригласила на прощальный обед семья Афзала Тагирова. Об этом вспоминает их няня Дарья Терентьевна Лемасова:

«Помню, жили мы тогда на Алексеевской даче, или, как ее тогда называли, даче Погребинского. Хлопот тогда было много в доме Тагировых — сам Афзал и его жена Гульсум приготовили восточные блюда — плов и шашлык. За большим столом собрались почетные гости — сын Горького Максим, писатель Фадеев, наши соседи по даче и был, конечно, сам Матвей Самойлович Погребинский, его жена Анастасия Борисовна с семьей. Этот вечер прошел очень интересно, весело. Все шутили, смеялись и много задавалось вопросов «виновнику» вечера Максиму Алексеевичу Пешкову».

После отъезда из Уфы М. Пешков прожил лишь два года. В 1934 году великого писателя постигло большое горе: его сын умер...



Чтоб опостылела земля?

Едва ли!

Глубок и вечен пашен плотский
дух.

...Слова, каких любимым
не шептали,
Спокон веков ей говорили вслух.

Среди полей,
на лоскутках прогалин
Так верили ей телом и душой,
Что даже было —

раны посыпали
Заместо всяких снадобий

землей.
Так в битвах берегли родные дали
И так оберегать желали впродь,

Что, даже погибая, горевали,
Что невозможно дважды умереть.
Лесная,

полевая,

луговая,

Земля цветами смотрит в лица нам.
Кто-кто, а уж оно-то крепко знает:

По зернам — всходы,
дети — по отцам.

Олег

ПОСКРЕБЫШЕВ

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!

Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

Николай
РУБЦОВ

Зачем льну туманы?

Погоня с фотоаппаратом

Этот зверь живет только в России

Деревья убивают микробов

Кто такие?

Кто такой?

Озеро под облаками

Не приручайте орлов

Судьба пригородного леса

Нужны ли болота?

Материалы под рубрикой «Человек и природа» оформили художники Е. Стерлигова, Е. Крутских, Н. Лазарева.



ДИТЯ И ЦАРЬ ЗЕМЛИ

Фанис
ГИСМАТОВ

Серьезны изменения в природе, которые вызываются деятельностью человека. Об этом теперь много пишут. Однако мы как бы забыли о том, что и природа действует на человека. Влияние природы на жизнь людей раньше преувеличивалось, а ныне недооценивается.

Уже в глубокой древности люди понимали, что природа оказывает на них существенное воздействие. Древнегреческий философ Аристотель и отец медицины Гиппократ пытались ставить в зависимость образ жизни, род занятий и психический склад народов от особенностей климата и ландшафта стран.

Природные факторы оказывают влияние на все стороны жизни общества: на материальное производство, на духовную культуру, а также на физическое развитие людей. Недаром К. Маркс называл внешнюю природу «неорганическим телом человека».

Природные условия оказывали решающее воздействие на формирование человека как особого биологического вида. Возникали общества только при благоприятных природных условиях. Древнейшие цивилизации появились в теплых районах земли, а не на Крайнем Севере. По мнению антропологов, и первые люди появились «в тепле» — в Восточной Африке.

В становлении человека большое значение имело также разнообразие рельефа и изменчивость природной обстановки. Гораобразовательные и вулканические процессы, богатое разнообразие животного и растительного мира имели немаловажное значение в формировании человека как биологического вида. Темпы развития народов во многом были обусловлены также разнообразием природных условий.

Правда, иногда древние цивилизации вырастали в сравнительно однообразной природе. В этих случаях расцвету древних культур способствовали крупные реки. Без Нила не было бы Древнего Египта.

Возникали и гибли древние цивилизации в Азии и Африке. В дальнейшем более быстро развивалась Европа. Потому что многообразна ее природа. Разноликость земной поверхности, извилистость морских берегов, различия в климате ускорили развитие европейских народов. Не удивительно, что капитализм утвердился впервые здесь. К. Маркс придавал большое значение разнообразию природных условий для возникновения капитализма. В «Капитале» он писал: «Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, способов и средств труда».

Влияние природы на развитие общества зависит и от того, а какое оно само общество. Когда-то моря и большие реки разъединяли людей. А при развитом судостроении они стали средством сближения народов. Полезные ископаемые для первобытного человека не представляли никакого интереса. А при могучих производительных силах нефть, уголь стали важнейшим фактором прогресса народов.





Географическая среда и в наши дни влияет на отрасли хозяйства. Чем богаче и разнообразнее природные условия, тем лучше для производства. В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти отмечал, что в нашей стране есть все возможности для строительства социализма благодаря богатым запасам природных ресурсов. Нет такой страны в мире, где бы имелось столько природных богатств, как у нас. Экономика тесно связана с географией.

В зависимости от того, в каком природном окружении жили люди, у них складывались те или иные представления о природе. Народы, живущие около морей и в районах с интенсивными осадками, приходили к выводу о неисчерпаемости водных ресурсов. Для жителей же пустынь нет ничего ценнее воды. Вот какой эпизод описывает известный французский писатель А. де Сент-Экзюпери в своей книге «Земля людей». Когда вожди племен из Сахары попали во Францию, их больше всего поразила не шумная городская цивилизация, а водопад в Альпах. Они смотрели и ждали, когда же иссякнет мощный поток воды. Жителям пустыни никак не верилось, как алпс мог допустить подобное расточительство.

Как известно, человек может акклиматизироваться в любой части света. Европейцы освоили Южную Америку и Австралию. Однако отсюда нельзя делать вывод о полной независимости биологического развития человека от природы. Написано много книг о значении тех или иных природных условий на формирование рас и отдельных антропологических признаков. У африканских негров, например, преобладает высокая и узкая форма черепной коробки, которая выгодна с энергетической точки зрения. Курчавые волосы африканцев образуют вокруг головы воздушную прослойку слабой теплопроводности, предохраняющую от перегрева. А толстые губы людей тропиков увеличивают испаряющую поверхность, что также предохраняет от перегрева.

Более сглаженные черты лица и особенности строения глаз у монголоидов обычно объясняют сухостью и континентальностью климата. Эти особенности строения лица монголоидов помогают им легче переносить холодные и пыльные ветры Азии.

Жители пустынь обладают длинными конечностями и высоким ростом. У горцев меньше рост. В умеренном и влажном климате люди выше, нежели в холодном и суровом. В нашей стране, например, высокий рост характерен для народов прибалтийских республик, самый низкий — у коренного населения Якутии.

Низкорослы пигмеи тропических лесов Центральной Африки и Юго-Восточной Азии, где средний рост — 150 см. Такое малое телосложение также является реакцией организма на недостаток света и питания в джунглях тропических лесов.

Следует, однако, отметить, что на рост и вес человека оказывают влияние не только среда, но и качество пищи. Так, 15-летние японцы и китайцы, живущие в США и на Гавайских островах, в среднем на десять сантиметров выше сверстников в Китае и Японии, у них больше и вес, что объясняется лучшим питанием. Кстати, излишек веса американцев представляет серьезную проблему для медицины США; общая биомасса населения этой страны превышает оптимальную цифру более чем на 250 млн. кг...

Прямое воздействие оказывают природные факторы на состояние здоровья людей. Поэтому врачи нередко рекомендуют больным менять местожительство, так как одни болезни легче переносятся на севере, другие — в средних и южных широтах. В условиях арктического климата наступает улучшение, иногда даже излечение, например, гипертонии или катаря желудка. Легче протекают на севере ревматизм и туберкулез. В пустынях людям не грозит ревматизм.

Нельзя также полностью отрицать влияние природных условий на характер народов. Хотя особенности психического склада и характера индивида формируются в социальной среде, однако и природа в некоторой степени способна оказать воздействие на характер людей. Известно, например, что жители гор и юга бывают более темпераментными по сравнению с жителями севера и равнин. Соответственно, более спокойная и плавная музыка рождается в равнинных средних широтах (вальс возник в Центральной Европе, мазурка — в Польше). Темпераментная музыка, как правило, имеет южное происхождение, таковы итальянская тарантелла, мексиканская румба, кавказская лезгинка.

Таким образом, окружающая природа является главным условием существования человечества и она оказывает несомненное влияние на самые различные стороны жизни общества. Да, теперь человек начинает оказывать все возрастающее влияние на окружающую его природу. Однако это не означает, что человек превратился во властелина природы, способного существовать независимо от нее. Чем глубже и всесторонне будем мы знать природу, тем меньше совершим ошибок при ее изменении и преобразовании.



Фото Владимира ХОЛОСТЫХ



Фото Надежды МЕДВЕДЕВОЙ



Фото Валерия БЕРДЮГИНА



Фото Олега КАПОРЕЙКО



Фото Сергея МЕЛЬНИКОВА

ВЕРНУТЬ ТУМАНЫ И РУЧЬИ

Петр
ДУДОЧКИН



«Голубоглазый красавец лишь при седых старцах хорош!»

Мне, помнится, и раньше не раз приходилось слышать на тверской земле это выражение, и вот теперь народную мудрость высказал при встрече очень уважаемый в Старицком районе учитель из села Глебово Дмитрий Иванович Смирнов, который в двадцать шестой раз — да, да, я не оговорился — в двадцать шестой раз избран секретарем здешней партийной организации. А сказал он так, когда речь зашла о том, как могло случиться, что в Калининской области гаснет слава знаменитого тверского льна. За один только 1978 год недодано государству почти тридцать тысяч тонн льняного волокна. Такого не было даже в годы военного лихолетья.

Не скрою, мне, давнишнему здешнему жителю, почитающему поговорку «Каждый кулик свое болото хвалит», не хотелось бы говорить о неутешительных фактах родного края. А что поделаешь? В интересах дела приходится.

Но давайте внимем в смысл слов, что молвлены глебовским старожилом о голубоглазом красавце и седых старцах. Голубоглазый красавец — это, по образному выражению народа, лен, который, когда в цвету, выглядит так, будто чистое, ясное небо обрызгало его своей голубизной. А седые старцы — это с густыми туманами болота и низинные луга, леса и перелески, что окрест льняных полей.

Чего греха таить, толкуя — притом иной раз чересчур своевольно — о болотах и лесах, о ручьях и разных особенностях ландшафта, мы, как ни прискорбно признаться, чаще

всего не утруждаем себя думами о том, в какой взаимосвязи все это с окружающими лугами и полями.

Общезвестно, лучший в мире лен рождается именно в средней полосе России на ее нечерноземных землях. Он — исконный король полей тверских, псковских, новгородских, ярославских, костромских, смоленских, ивановских, вологодских, вятских. Еще в прошлом веке на международных рынках славилось русское чудо-волокно марки БККУ, имя которого составлено из первых букв названий Бежецкого, Кашинского, Краснохолмского, Угличского районов. Из этого волокна вырабатывается «золотая пряжа». Самые роскошные батисты, самые прочнейшие ткани испокон веков ткались из среднерусского льна. Он и поныне удивляет мир, наш серебристый лен, годный и незаменимый при выработке редких товаров.

Несмотря на технический прогресс, на умение человека заменять одно вещество другим, все же никакими искусственными волокнами не удастся, и вряд ли удастся, полностью заменить и лен, и хлопок, как нельзя заменить севрюжкой икру искусственной...

У льна все больше и больше поклонников. И не только среди тех, кто потомственно, с любовью растит его, но и среди руководящих товарищей из планирующих органов. «Перелески раскорчует, болота осушим, лоскутных полей не будет, льняной клин расширим до предела, а зерновые, кормовые — вон с поля, на осушенные земли. Льняную прибавку дадим такую — дух захватит!» — признался мне один деятель областного масштаба, любящий, не задумываясь, категорически указывать, как и где переделывать природу, не говоря уже о севообо-

ротах, чтобы ту или иную «дать прибавку».

Рискованная опрометчивость! Не лучше ли быть в дружбе с рачительным раздумьем? Не случайно же рачительность и опрометчивость никогда не уживаются. Не следует ли, к примеру, поглубже задуматься над простым, как может показаться на первый взгляд, вопросом: «Почему именно в Нечерноземной зоне средней России самый отменный лен?»

В самом деле, почему?

Глубже вникаешь в льноводство и в науки, близкие и далекие от этой отрасли, — явственнее видишь многие (многие, но далеко не все) факторы — экономика, уклад жизни и обычай крестьянства и т. д. и т. п. Но — кто осмелится возразить? — делала же свое дело и сама природа! Это она по своим разгаданным и неразгаданным законам подсказывала землеробам, где какой культуре быть.

Так почему же мы, с поучительным пристрастием рассуждающие об обработке почвы и удобрениях, о сортах семян и сроках работ, да мало ли еще о чем! — совершенно порой забываем, что не будь в средней России таких лесных с болотами ландшафтов, какие есть, прозванных в народе за благодатные туманы седыми старцами, может быть, и льноводной зоны тут не было бы. Особенный режим весны с майским поспеванием почвы и с целебной влагой для семян льна, потом волглый понадземный воздух, настоенный на июньской теплыни, когда набирает силу льняная стебель, потом августовские росы при туманном дыхании болот, ручьев и перелесков, — разве сочтешь все факторы здешнего рельефа, без которых немислим хороший лен!

Нет, нет, это не случайно, что

самые урожайные льны — на полях, окруженных болотами и лесами, речными поймами и перелесками. Кто может поручиться, что эти факторы не изменятся при необдуманном осушении болот, при поспешных раскорчевках перелесков? Существует же местный режим влаги в атмосфере. Испарения своих лесных болот редко уходят за сто километров. Не может ли мелиоративная работа обернуться мнимой выгодой? Микропросчет — при ошибках на территории одного колхоза. А при ошибках во многих районах и областях? Это уже макропросчеты! К тому же болот, намеченных к осушению, во много раз меньше запущенных и заброшенных перелогов, которые ждут не дождутся пахарей (в одной Калининской области такой забытой целины сотни тысяч гектаров).

Значит, оберегание полезных особенностей местности в льноводной зоне — не пустяк, ибо ландшафт с лесами и болотами, тоже, разрешите так выразиться, живой организм. Исчезают леса, родники, болота, ручьи, реки, озера, без которых тоже беднеет природа, грубеет планета, скудеет человеческая жизнь, они ждут не дождутся своего места в «Красных книгах», на что имеют полное право. Но вот беда — таких книг в их честь пока еще нет. В бассейне Верхней Волги взывают о помощи некогда чистоструйные лесные ручьи, клюквенные болота — кладовые льняных туманов, и число их надобно писать двухзначными цифрами.

В экологической политике нет мелочей. К сожалению, порой это забывается. Свежий пример. Ныне для снабжения столицы чистой водой река Вазуза в верховьях Волги перекрыта плотиной тридцатипятиметровой высоты, в новом водохранилище больше пятисот миллионов кубометров янтарной воды. Заказчик — Моссовет, исполнитель — трест «Гидроэнергоканалстрой», Вазузское море уже разлилось на десятки километров в Смоленской, Московской и Калининской областях. Но пока ничего не сделано, чтобы упорядочить лесное хозяйство по новым берегам, нет еще и расчетов, где что сажать, будто этого и не надо. Де-

сятки деревень переселены, но никакая санитарная обработка этих мест, где были жилые дома, животноводческие фермы, так и не проводилась. Природа, разумеется, сама хороший санитар, но в таких случаях и ей надо бы помогать. Разве не поучительны биологические способы борьбы с вредителями культурных растений? Вспомните трагедию лесов Нигера. Чуть было не сгнули они от жучка-весовщика. Но вот из Ирана завезены божьи коровки, они-то и очистили леса от, казалось бы, непобедимого вредителя.

В последние годы в Нечерноземной зоне широко распространены заготовки березовых веников на корм овцам и приготовление так называемых хвойно-витаминных кормов. Обрубленные от макушек до первых суков, деревья засыхают. В бассейне Верхней Волги, неподалеку от истоков реки Медведицы, в колхозе «Новый мир» Лихославльского района не только обрубают молодые березки, а валят их подряд и обрубают на веники все ветки. Бригады в деревнях Пантелиха, Удворино, Стан, Павлово, Шульгино, Парфеново ежегодно после сноса запасают таким варварским образом тысячи связок веников, а весь колхоз десятки тысяч веников. В Пантелихинских и Становских лесах и рощах год от году все больше пустырей. В этом деле под видом помощи колхозам участвуют даже школьные коллективы; ребята со вздохом вспоминают некресовские стихи: «Плакала Саша, как лес вырубали».

Забывая взаимосвязь всех звеньев в единой цепи экологической политики, мы часто обманываем себя сами же. Порой получается точь-в-точь, как в басне про историю на пасеке. Помните, беспечный пчеловод не видел, как медведь лакомился медом, зато в опустошенном улье заметил мышонка, на него и свалил все грехи. Несчастный был казнен на месте, пасечник отвел душу, думая, что справедливость восторжествовала. Эта басня мне всегда вспоминается, когда заходит разговор о том, что леса уменьшаются там, где должны сохраняться, в реках становится меньше рыбы, в лесах поубавилось птиц и зверья, и

всю вину за это принято в первую очередь сваливать на браконьеров. Они, мол, пият елки под Новый год, из березовых веток плетут венки, острой опустили реки и перебили из ружья лесных обитателей. При этом ни слова о главных виновниках бед. Ни о леспромпхозах, нарушающих правила лесопользования, ни о чересчур усердных, неразборчивых мелиораторах, ни о предприятиях, спускающих в водоемы ядовитые отходы производства, ни о тех рыболовных хозяйствах, которые ловят рыбу снастями с мелкими ячеями, вычерпывая всю молодь, всех сеголеток, ни о неумелых химизаторах, которые, опрыскивая леса и поля, губят вместе с сорной растительностью и вредителями все живое. Конечно, никто не станет спорить, и мышонки виноваты, этакий проныра! И все же давайте не будем кривить душой: улей-то опустошил медведь. Леса и вообще природа страдают не только от браконьеров и не следует сваливать только на них вину.

Как должен проявить себя технический прогресс, чтобы не было вреда лесам, вреда природе? Вот важнейший вопрос эпохи. Конечно, сейчас у человечества разговор с природой во много-много крат сложнее, чем был у наших предков. При этом редко кто задумывается над тем, как могло случиться, что, будучи сам частицей — да, да, всего лишь частицей! — природы, применяя в жизни средства этой же самой природы, находящейся в подчинении ее вековых законов, человек иногда не только чересчур высокомерно отделяет себя от своей единственной матери, от природы, но осмеливается разделять природу на две части: на саму природу и, разрешите так выразиться, неприроду. При этом многие люди, честность и благородство которых безукоризненны, относят к неприроде все, что связано с техникой. Думается, это вне логики. Любое изобретение, любой взлет технической мысли, в какой бы самой современной лаборатории мира это не происходило, — всего лишь деловое подражание природе, творческое заимствование ее патентов, к совершенству и целесообразности которых извечно стремят-

ся человеческий гений. В том-то и заключается один из «неминуемых» грехов нашей эпохи, что техника при всей ее сказочности еще весьма далека от апробированных природой образцов.

Но и это еще не все. Творцы научно-технического прогресса порой учитывают лишь одну сторону дела — все для блага человека. Да, это в программе нашей партии, в законах государства. Это одна из насущнейших задач века и целей гуманизма. Но, разрешая эту проблему, партия и Советское государство одновременно проводят и другую, не менее, если не более, судьбоносную линию: любая техническая мысль в конечном итоге должна быть столь же выгодна природе, сколь выгодна и человеку. Обольщаться мнимой, а подчас ложной самостоятельностью технического прогресса — это вне советских традиций; все взаимосвязано, все заключено в единую цепь экологической политики, а болота, ручьи, реки, леса — такие звенья в этой цепи, без которых жизнь на земле немислима.

По правде сказать, и делается много для наведения порядка. Есть реки, которые стали чище, рыба сызнава вернулась туда, где несколько лет назад ей было невмоготу от промышленных нечистот. В моем родном городе, в Калининне, не только детвора, но и завзятые рыболовы-удильщики уже не всегда выезжают, как бывало, в Иванищенские и Шошинские излучины, за сорок километров, а прямо в областном центре, и в Волге, и в Тверце, и в Тьмаке — находят подходящую рыбалку.

Продолжая раздумья о значении ландшафтов средней России в льноводстве, я спросил Дмитрия Ивановича Смирнова, что больше всего тревожит его в судьбах малых речных пойм Верхневолжья.

— Одна цифра — вот что больше всего тревожит, — ответил он. Слова прозвучали тихо, мечтательно и от этого, что ли, неясность их стала еще более загадочной.

— Что за цифра?

— Ноль целых одна десятитысячная процента. — И после минутной задумчивости: — Это доля реч-

ной воды в водных запасах планеты. Казалось бы, несчетное множество ручейков и рек на земном шаре, а воды-то в них — даже не процент, даже не десятая, не сотая, не тысячная, а десятитысячная доля процента. Это всеобщего-навсего двенадцать тысяч кубических километров. На всю планету, на все человечество! А вы знаете, что она значит — речка в нашем сельсовете?

— Давненько знаком с красавицей Жидоховкой, — признался я. — И где начинается — знаю: в Старицком лесном болотце. И куда впадает — знаю: в Волгу-матушку.

— А не задумывались ли над значением Жидоховки? — И не дожидаясь ответа, продолжал: — Вот мы с вами, конечно же, обдумываем свою работу. И любой человек думает о себе — и колхозник, и рабочий, и ученый, и министр. Всяк может в нужную минуту защитить себя. А Жидоховка? Может она защищаться? Как мы ее защищаем?

Дмитрий Иванович стал рассказывать, что делается и как много надобно еще сделать, чтобы в этот маленький волжский приток не стекали нечистоты ни от автомобилей и тракторов, ни от ферм.

— Представляете, ноль целых одна десятитысячная! — повторил учитель.

Было лето. Вблизи плескалась о берег волжская волна, шелестели травы и, казалось, они что-то на своем языке шептали о своих судьбах, шептали именно ему, учителю, партийному вожаку, и он очень хорошо понимал язык природы.

Было очень радостно сознавать, что вот живет простой советский человек в маленьком среднерусском селе Глеbove, колесит в экскурсиях с учениками на каникулах по хожемым и нехожемым местам своего родного края, края льна, хлопчат вместе с односельчанами и думает о судьбах всей планеты...



В СССР более ста тысяч рек. Волга — самая большая река Европы, она протянулась почти на 3 700 километров. Самая многоводная река мира — Амазонка (ее длина 5 500 километров).

Каждый год на сушу выпадает столько влаги, что она могла бы покрыть, например, самый большой штат США Техас слоем высотой почти сто пятьдесят метров.

Во время одного урагана над городом Пуэрто-Рико за несколько часов выпали миллионы тонн дождя.

Современному человеку требуется в сутки 300—500 литров воды.

Среди растений чемпион водопотребления — сахарный тростник, ему требуется на гектар девятнадцать тысяч литров воды.

Тополь поглощает в засушливый период за сутки около семидесяти литров воды.

Новые способы применения воды: заводнение нефтяных скважин для выжимания нефти из пластов.

Первые небольшие водохранилища появились в России 250 лет назад, и теперь в СССР насчитывается не менее полутора тысяч водохранилищ и прудов, наиболее крупных искусственных водоемов — 200.

Дальность влияния больших водохранилищ — сотни километров. Это отражается на сельском хозяйстве.

Наверное, самое туманное место на Земле — это Столовая гора близ Кейптауна (Южная Африка), где в год бывает до 60 туманных дней.





В наших лесах встречается 568 видов деревьев и 1053 вида кустарников.

В лесах нашей страны — четверть мировых запасов древесины.

Годичный прирост древесины в лесах СССР вдвое больше заготовок и составляет 800 миллионов кубометров.

Еще в 15 веке в Венецианской республике были изданы законы, ограничивающие рубку лесов.

Если сделать парус из листьев деревьев, растущих на одном гектаре, то его площадь равнялась бы 150 тысячам квадратных метров.

Воскресный выпуск газеты «Нью-Йорк таймс» — это две тысячи срубленных деревьев.

В Греции около девяти миллионов человек населения и почти столько же коз, которые нанесли колоссальный урон флоре этой страны.

Могли ли предки каменными топорами свести леса? Датские исследователи решили проверить эту догадку на практике. Ископаемым каменным топором, оказалось, за полчаса можно срубить дуб в 30 сантиметров толщиной.

Площадь кедровников нашей страны — 40 млн. гектаров.

В Западной Сибири выявлены большие запасы кедровых орехов. Там можно собирать в год до 700 тысяч тонн.

Древесина служит сейчас источником получения тридцати тысяч видов продукции.



Вильям САВЕЛЬЗОН

Помните, как поется:

У нас в каждой песне березка,
Березка под каждым окном.

Но как бы удивились предки, узнай они, что у обычая сажать березку под окном есть медицинское обоснование: листья березы выделяют фитонциды — вещества, оказывающие губительное воздействие на бактерии, грибки.

Сажая в палисаднике березку, человек, зачастую неграмотный, не знающий мудреного слова фитонциды, создавал перед домом живой барьер болезням.

Человек, открывший фитонциды, — это советский ученый Борис Петрович Токин, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда. Занятую историю, связанную с появлением теории фитонцидов, он описал в книге «Губители микробов — фитонциды».

«Весной 1932 года я был послан в Ташкент и Самарканд для чтения лекций. Один из моих новых знакомых, молодой узбекский ученый, будучи, как и все узбеки, радушным и гостеприимным, пригласил меня в воскресенье в старый Ташкент и решил обязательно угостить особыми пирожками. Дело это давнее, Ташкент, как и многие другие советские города, стал краше, чище, неузнаваемым. Никто из граждан современного Ташкента не посетует на меня за эти мои воспоминания.

Я был удивлен духотой, пылью и грязью тогдашнего воскресного базара. Здесь же на открытом воздухе в далеком белоснежном халате и, надо думать, далеко не стерильными руками веселый повар приготавливал пирожки. То ли необычная обстановка, то ли плохое состояние здоровья заставили меня робко просить разрешения не есть пирожков, но, в конце концов, боясь обидеть своего нового друга, я их съел. Эти пирожки оказались историческими в моей жизни. Когда я стал их жевать, мне показалось, что я обжигаясь. К мясному фаршу более, чем щедро, были добавлены пряные растения. У меня мелькнула мысль: а может быть, открытые мною летучие вещества пищевых растений

(лука, горчицы, перца и других) убивают самых страшных для людей бактерий? Может быть, подобные пирожки не только не опасны для людей, но и помогают убивать вредных микробов?»

Доценты Оренбургского медицинского института Б. Дабкин и А. Думова начали разрабатывать идеи Б. П. Токина, заниматься фитонцидами еще в 50-х годах. Их интересовал механизм действия и химическая природа фитонцидов. Одно дело самому поставить несложный опыт: посадить в пробирку муху и положить туда растертый черемуховый лист — и через несколько минут муха погибнет. Другое дело разгадать загадку той же черемухи — что и как убивает муху, бактерии, грибки, инфузории, амёбы?

И оренбургские ученые ставили многочисленные опыты. Они наносили на поверхность листьев герани, березы, тополя, туи, черемухи и липы капли жидкости с миллионами бактерий золотистого стафилококка — возбудителя многих серьезных заболеваний.

Листья герани и туи оказались бактерицидными, но рекорд побил тополь и береза: уже через три часа большинство бактерий погибло от каких-то выделений березы. И другие, еще более точными способами искали Дабкин и Думова механизм действия на бактерии листьев растений. Для этого они взяли стеклянный ящик-бюкс. Поместили туда питательную среду, в которую осаждалась из воздуха бактерии. Там они быстро размножились. Затем в бюкс помещали горшки с растениями — геранью, хризантемой, бегонией, туей. И что же? Ни одно из этих растений своими летучими веществами полностью не убило всех микробов в воздухе бюкса, но через сутки туя снизила количество микробов на две трети, как и хризантема, а герань и бегония — почти наполювину. Значит, цветы на наших подоконниках не только украшение, они — борцы за чистоту воздуха жилища.

Но, может быть, дело не в бактерицидных свойствах летучих веществ растений, а в том, что бак...

ПАЛИСАДНИКЕ

ри просто оседают на листья растений и там погибают? Раз возникло сомнение, ставятся новые опыты. Оренбургские исследователи создали специальную камеру для изучения фитонцидного действия живых листьев. На стеклянные пластинки нанесли капли жидкости с микробами золотистого стафилококка. Капли эти свешивались над листьями тополя и березы. И через несколько часов «облучения» фитонцидами оказалось, что микробы уничтожены. Значит, листья выделяют вещества, убивающие бактерии на расстоянии! Это — первая линия обороны растения. Но если враг добрался до растения и повредил лист? Тут вступает в действие вторая линия обороны — нелетучие фитонциды, содержащиеся в соке растения.

Практически все растения наделены этим мощным оружием для борьбы с бактериями, грибами, простейшими животными. Фитонциды одних растений — летучие, других — малолетучие, словом, фитонциды разных растений обладают разной мощностью, различен и их химический состав.

Если у вас дома есть микроскоп, вы сами можете поставить убедительный опыт. Разотрите в кашицу зубок чеснока — короля фитонцидов. На некотором расстоянии поместите каплю с простейшими животными — туфельками. И вы увидите, как беспорядочное движение туфелек замедлится, остановится, и они распадутся без всякой видимой причины. Но вы-то уже знаете, что их убили фитонциды.

Есть среди растений фитонцидные рекордсмены. Для того, чтобы убить одноклеточный организм — протозою, березе требуется 20—25 минут, горчице белой — около получаса, столько же — томату, а вот луку репчатому — всего 2 минуты, чесноку — 3 минуты, дубу — 5—6 минут.

Итак, уже почти полвека прошло со дня открытия фитонцидов. Умолкли скептические высказывания,

неизбежные при возникновении новой теории. Учение о фитонцидах находит применение в медицине, ветеринарии, растениеводстве, животноводстве и в пищевой промышленности.

Но в чем механизм действия фитонцидов?

Оренбургским ученым Б. Драбкину и А. Думовой удалось во многом разрешить эту загадку. Они взяли для опытов черемуху. Ее лист выделяет малолетучие фитонциды, содержащиеся в соке. И как тут не вспомнить: ведь черемуху на Руси с древних времен именно ломали! При повреждении листа черемухи как раз и «выстреливаются» сильнодействующие фитонциды, глюкозиды. Это — соединение глюкозы с синильной кислотой и бензойным альдегидом. Когда эти три составные находятся в комплексе, вместе — они не действуют. Но вот клетка травмирована, начинается под действием ферментов ее распад. И вот тогда-то и отщепляются бензойный альдегид и синильная кислота. Синильная кислота — каждый, наверно, знает — сильный яд. Оренбургские ученые установили, что и бензойный альдегид тоже губительно действует, особенно на грибки.

Раскрываются тайны черемухи, березы и других растений, которые защищаются сами и нас защищают от врагов из микромира.



Люди появились на Мадагаскаре сравнительно недавно — две тысячи лет назад. За это время большая часть тропических лесов на острове исчезла.

В Италии на каждые три посаженных дерева приходится десять уничтоженных. Надолго ли хватит итальянцам лесов!

Москва — одна из самых зеленых столиц мира. За последние десять лет в городе создано двадцать парков и садов и триста скверов, на каждого москвича приходится 18 квадратных метров зеленых насаждений.

В Токио плотность населения составляет 15 тысяч человек на квадратный километр, а зеленых насаждений здесь на душу населения приходится полтора квадратных метра.

Всего лишь два века назад на месте Нижнеднепровских песков рос лес. Теперь здесь волею человека вновь появляется лес.

Царь Соломон послал в горные районы Ливана 80 тысяч дровосеков. Так были уничтожены там кедровые леса. Ныне самая крупная роща в Ливане — около 400 деревьев.

С 1954 по 1963 год в США выгорело 2,5 миллиона гектаров лесов.

Крупнейшее дерево мира — секвойя «Генерал Шерман». Ее высота — 91 метр и диаметр ствола — 20 м. Весит секвойя свыше 2 тысяч тонн.

В Сочи растет дерево, к которому привито около сорока видов и сортов цитрусовых.

Не будь почвенных микробов, лес бы задохнулся от палых листьев. В одном кубическом сантиметре грунта несколько миллиардов бактерий.



Краса Камы

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

Рассвело. Теплоход на подводных крыльях отваливает от дебаркадера сарапульской пристани и, направляясь вверх по течению, на север, выходит на фарватер Камы.

Я сижу по левому борту в салоне, как в самолете. Стекло иллюминатора лижут брызги пенистых волн, и отсюда, снизу, особенно ощутима ширь камской воды и мощь ее потока.

Берега далеко-далеко. По мою сторону — правый, кряжистый, высокий, по другую — левый, равнинный, низкий.

Плывут навстречу и бегут назад.

Кама сужается. С обоих берегов уже хвойный лес.

Слева появляется купол Докши, самой высокой горы на этом берегу.

Река круто забирает к востоку. Впереди Воткинское море...

Так началось мое путешествие за памятниками природы Удмуртии.

Своеобразие природы удмуртского края идет от географического положения: соединительного звена между Волгой и Уралом.

Удмуртская автономная республика относится

к уральскому географическому региону,

а по рельефу тяготеет к Восточно-Европейской [великой Русской] равнине.

По речной же сети — к Волго-Вятскому району.

Вдоль ее северной границы проходит граница оледенения.

Ледник не заходил на ее земли.

Не сотрясали их и вулканы. Ее рельеф создавался медленными колебаниями земной коры и текучими водами.

По Удмуртии на широте Ижевска проходит граница зоны южной тайги.

Ниже — полоса смешанных лесов, а на юго-востоке — участки лесостепи.

Отсюда и многообразие ее ландшафтов.

За последние десятилетия ландшафты Удмуртии претерпели перемены далеко не в лучшую сторону.

И тогда ударили в набат.

В 1968 году Удмуртский республиканский совет

Всероссийского общества охраны природы создал секцию охраны памятников природы и охраняемых природных территорий.

Ее руководителем стал доцент Удмуртского государственного университета, зоолог Юрий Константинович Попов.

Началась работа по выявлению и учету уникальных уголков природы, которые надо было сохранить для потомков, уберечь от гибели и объявить памятниками.

К 1978 году решениями Совета Министров республики и исполкомов городских и районных Советов

26 объектов были признаны памятниками природы, подлежащими государственной охране.

Рассказ о них лучше начать с памятника,

сотворенного не природой, а союзом человека и природы.

Кедры

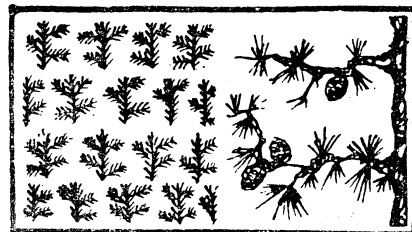
В ладонях

Кедр не растет в Удмуртии. Граница его естественного ареала проходит восточнее. В последние же годы площадь лесонасаждений с присутствием кедра перевалила за 500 гектаров. А началось так.

Почти в середине республики на плоскогорье красуется поселок и железнодорожная станция Игра, центр района. В 22 километрах от Игры к востоку по древнему Сибирскому тракту расположено село Зура, окруженное елово-пихтовыми лесами.

Учитель зуринской школы Алексей Алексеевич Смирнов еще до революции получил от своего друга из Ново-Николаевска (ныне Новосибирск) небольшую посылку с кедровыми орехами и решил попытаться вырастить кедровые деревца возле дома. К его удивлению и радости, орешки дали всходы. В 1920 году, когда сеянцы поднялись, Алексея Алексеевича назначили учителем в деревню Заякино в десятке километров от Зуры. Переехал туда, а потом, деревце за деревцем, перенес на свой приусадебный участок кедры. И, словно ощутив заботу человека, капризные растеньица прижились на новом месте.

В 1935—1936 годах кедры зацвели, а потом появились первые плоды. В сорок пятом году Алексей Алексеевич и его приемная дочь Лидия Николаевна Чуватина, тоже учительница, высадили еще несколько десятков кедров. В 1949 году А. А. Смирнов скончался. Роща осталась на попечении Лидии Никола-



евны. Присматривала за взрослыми деревьями, выращивала новые.

К 1966 году шестьдесят восемь полувековых кедров подняли свои кроны на двадцатиметровую высоту. Но состарилась и Лидия Николаевна. И передала рошу лесхозу. Лесоводы пополнили ее новыми посадками и организовали в ней опытно-производственный участок. Его площадь семь гектаров.

Не забывают рошу и ученики зуринских школ. Помогают лесхозу выращивать саженцы и ухаживать за деревьями. Заякинская кедровая роша известна лесоводам далеко за пределами Удмуртии.

Ему

ПЯТЬСОТ ЛЕТ

Прикамье славилось дубравами. Трудовой человек увековечил эту славу в названиях селений: Дуброво, Дуброва, Дубровка, Дубровск, Дубовая. Ныне узкие ленты дубрав сохранились лишь в пойме Камы да на юго-западе республики. Здесь среди молодых насаждений встречаются и старые дубы. Самый древний из них пятисотлетний великан в двадцать втором квартале Кизнеровского лесничества вблизи поселка и железнодорожной станции Кизнер.



Его ствол похож на тумбу. В перечнике у земли полтора метра. В три обхвата на высоте груди. Нижние боковые ветви, сами толщиной с хорошее дерево, так далеко откинулись в стороны, что под собственной тяжестью согнулись дугой, уперлись в землю и, проросли, пустив корни. От этих корней тянутся вверх новые дубки, внуки патриарха. Они уже выше роста человеческого. Вот так и живет эта семья под одной крышей-кроной, став живую памятью былого здешних лесов.

Беречь истоки

Северную часть Удмуртии занимает обширная Верхнекамская возвышенность, на сорок метров пре-



вышающая известную Среднерусскую возвышенность. Здесь на высоте 331 метра над уровнем моря начинается река Кама, самый крупный и многоводный приток Волги.

В 35 километрах к северу от железнодорожной станции поселка Кез на линии Пермь — Киров вытянулось вдоль тракта село Кулига. В километре к северо-западу — деревня Карпушата. За ее избами, на бугорке обнесены палисадником береза с раздвоенным стволом и колодезный сруб. Из колодезя выбивается ключиками родник, в котором жители берут воду. По деревянному желобу вода бежит в колоду, а из нее по склону в лог. На склоне еще два родничка. Три струйки сливаются в ручей, который по дну лога, заросшего рябиной и черемухой, направляется к северо-западу. Соединившись с речкой Быструшкой, Якуниной Камой и другими речушками, ручей превращается уже в реку Каму. Выписав гигантскую дугу, точнее, может быть, сказать — петлю, через 2 030 километров Кама сливается с Волгой.

Камский исток еще ждет своих исследователей. Одним из первых изучал его уроженец этих мест, профессор Казанского университета Петр Иванович Кротов, ученый, путешественник, педагог. В 1901 году журнал «Живописная Россия» поместил на своих страницах его статью «Истоки Камы».

В 70 километрах к западу от Карпушат на той же возвышенности, у разъезда Перелом с болота Перелом берет начало река Вятка, приток Камы. Истоки рек Камы, Вятки, Ижа, Вотки (на ней стоит г. Воткинск) и реки Валы занесены в список памятников природы.

Взгляд

В древность

Еще в начальной школе учитель водил нас к оврагу и показывал строение почвы, так называемый почвенный разрез: дерн, перегной (гумус), подстилочный слой, материнская порода. А можно ли уви-

деть в природе разрез земной коры? Оказывается, кое-где можно.

Русская равнина лежит на Русской платформе, одним из жестких участков земной коры. Платформа состоит из двух этажей: нижнего — гранитно-гнейсового фундамента и верхнего — морских и континентальных (сухопутных) осадков толщиной в тысячи метров.

Так вот, обнажения горы Докши, Старцевой горы и всего правого берега Камы и есть разрез верхнего этажа земной коры. Как говорят геологи, осадочные толщи выходят здесь на дневную поверхность, открыты глазу человека. Они сложены в пермский период палеозойской (древней) эры и составляют средний, казанский, ярус отложений Перми.

С друзьями-мальчишками вглядывался я в струю родника под Старцевой горой, разминал пальцами загадочные красные, черные, голубые глины и серый песчаник и даже представить не мог, что им ни много ни мало, а 230—260 миллионов лет.



О Старцевой горе ходят легенды, связанные с пребыванием здесь отрядов войск Пугачева.

Гора Докша и Старцева гора на Каме, горы Каланча и Байгурезь на реке Чепца у села Дебессы, восточнее Зуры, отнесены к геологическим памятникам природы. Байгурезь по-удмуртски — гора бая, то есть высота, господствующая над окрестностями, за свою красоту и величие воспета в поэзии удмуртского народа.

Прабабушка

Камы

Сколько лет Каме? Пока не подсчитано. Биографии ее долгой жизни еще нет.

Глубоко в земле ученые обнаружили остатки русла старой Камы, которую они условно назвали Пра-Камой, а еще глубже — русла древней Камы, Палео-Камы. Она была гигантом: глубиной 110—120 метров, шириной по дну 700, поверху от 1 650 до 3 500 метров. Берега возвышались над водой на 200—850 метров. У Сарапула Палео-Кама текла

восточнее и параллельно нынешней Каме.

Пра-Кама вырыла себе другое русло. Произошло это от десяти до трех миллионов лет назад. Случилось так, что при опускании земной коры сильно понизился уровень Каспийского моря, а Волга и Кама остались на прежней высоте. И, падая в море, начали они углублять свои русла. Произошло, как выражаются геологи, исключительное по амплитуде врезание рек в грунт, до 400—450 метров. Врезание, то есть углубление долин, протянулось вверх по Каме до Сарпула, захватив все ее малые и большие притоки.

Позже долина Пра-Камы, как и долина Палео-Камы, оказались погребенными. Их заполнили и покрыли сверху морские, озерные и континентальные осадки, а Кама, уже в последледниковое время, от одного миллиона до 70 тысяч лет назад, принялась за устройство современной долины.

Но Пра-Кама оставила нам подарок, сюрприз. Отдельные участки ее долины (террасы) выклинились из-под осадочных толщ на дневную поверхность под Старцевой горой и прямо в центре Сарпула. Терраса под Старцевой горой исчезла уже на моих глазах, ее срыли. Не позаботимся мы о второй, не будет и ее: в городе много копают, строят. А эта терраса — редкий памятник природы.

Уступ в закамском лесу, который виден со Старцевой горы, действительно был берегом Камы уже после ледника. Оттуда Кама сместилась к западу, уперлась в Сарпульскую возвышенность и обнажила ее склоны. Сейчас она движется обратно. Уже в мою бытность подошла к избушке поселка Симониха, стоявших метрах в тридцати — сорока от берега. А склоны Старцевой горы, от которых она отошла, осыпались, стали положе и зарастают травой.

Сказочные

лога

Дугою огибает Сарпул с запада хвойный лес площадью до тысячи гектаров. В документах Сарпульского лесхоза он числится за Пригородным лесничеством, включен в зеленую зону и именуется пригородным лесом. Прежде в лесных описаниях он значился пригородными дачами: Верхней и Нижней Дубравами. Действительно, к нему примыкали дубравы. Дубы-одиночки можно увидеть и ныне.

Этот единственный в Прикамье живописный участок лесного ландшафта с интересным сочетанием пород и не менее интересным рельефом сохранился с доледниковых эпох чуть ли не в первозданном виде. Уникальный памятник природы, еще не объявленный памятником...

Дом, в котором наша семья жила в Сарпуле, стоял в логу, по дну которого бежала в Каму речка-ручеек. На склонах — огороды, лопухи, бузина да отдельные пихты и сосны — последние из древних могикан, остатки былого здесь леса. А сам лес (городской) начинался вверх по ручью от следующей улицы. Иссиня-зелеными стенами с золотыми подтеками подступал он с двух сторон и нависал чуть над логом. Высокие склоны задернованы. На плоском травянистом дне родник — начало нашей речушки.

Лог разветвляется и уходит в лес отрогами. Склоны сближаются и становятся круче и выше, лог глубже. Сказочными мостами перекинулись от берега к берегу толстые стволы елей и пихт, поваленные бурей, под ними пропасть, а над ними сводами фантастической пещеры сомкнулись кроны.

Внизу темно и душно. Кое-где косыми лучами падает солнце на густые заросли трав. Папоротник в рост человека, плаун-заячьи вожжи, аконит-волкобойник, вороний глаз.

На склонах — местами почти у дна и наверху стоят прямые, словно колонны, двухсотлетние сосны, тридцати — сорокаметровой высоты. Рядом, корень в корень, такие же огромные ели. Тут же пихты раскинули широко лапы с мягкой хвоей. Под пологом густой сосново-елово-пихтовой подрост. Подлесок — не продерешься: волчье лыко, бересклет — волчьи серги, можжевельник, вереск, малина, шиповник, лещина-орешник. Изогнулись дугами тонкоствольные липки, березки, рябина.

Длинными бородами свисают с еловых ветвей сизые лишайники. Зеленые мхи плотно облепили трухлявые пни и упавшие стволы. Картина дикого, ископаемого леса.

Выберешься из такого лога — попадаешь в другой. Никто не знает — сколько их тут. Нет и карты. Овраг растет по 1,5—2 метра в год. Длина лога от устья до дальней вершины 1 500—2 000 метров. Минимум тысячу лет потрудилась вода над этим изумительным творением. Для геологии — это мгновения. И все же впечатляет.

В Сарпул из Игры я возвращался автобусом. Сто шестьдесят километров новой автомобильной дорогой с севера на юг по увалам Сарпульской возвышенности. До Ижевска вдоль тракта еще тянулись худенькие еловые леса, перемежаю-

щиеся березняками на старых вырубках. После него на шестидесятикилометровом пространстве все увалы вплоть до склонов лоцин распаханы. Сохранился хвойный лес у села Старые Кены, в котором есть лиственничная роща, объявленная памятником природы, да лес у Сарпула, и — все.

На возвышенности у контрольного пункта ГАИ автобус остановился. Широким прораном уходила к Каме долина, по которой извивается Сарпулка. Далеко-далеко впереди сверкала полоска камской воды, ближе теснились дома Сарпула, а слева темнел пригородный лес. Оставшиеся шесть километров решил пройти лесом, чтобы еще раз взглянуть на него изнутри. Как под крышу, попал под сомкнутые кроны елей и пихт. Ель, как мачта. Закинул голову, прикидывая высоту, — кепка упала. Не менее полусотни метров. Обхватить ствол не смог, по окружности больше двух метров. Рядом такая же сосна, пихта и такой же высоты... береза. Раскатывался «бом» зяблик. Вдали слышался голоса кукушки, горлицы, иволги. Молча пролетела сойка, которую за ее визг мы звали дикой кошкой. Тропа то падала круто в лога, то взбегала вверх. Все тот же молчаливый, старый лес. И не тот: измят, испанхан гусеницами тракторцов, колесами самосвалов. По огромной трубе текут прямо с бровки в падь нечистоты. Автопокрышки, строительный хлам поползли по склону вниз. Везде пеньки только что спиленных гигантов. Кто, зачем их валил в зеленой зоне?

«Этот своеобразный, хорошо сохранившийся уголок лесного Прикамья является замечательной естественной достопримечательностью Удмуртии, подлежащей охране и изучению», — таково мнение удмуртских ученых. Лес и лога ждут паспорта заповедного урочища. Тогда можно быть спокойным за их судьбу. Успеет ли мы выдать его?





ОРЛИНОЕ ПЛЕМЯ

**Иван
ПРОКОПЕНКО**

Весной во владениях егеря Вениамина Григорьевича Большакова, в охотхозяйстве Луговом, питомцев прибавилось — на небольшом деревце построили гнездо орлы. Массивное, похожее на небольшую копну, оно виднелось издали.

А постоянно парящие в небе орлы как бы напоминали о богатствах охотничьего хозяйства, которое они принялись охранять добровольно.

И в самом деле, на участке орла вряд ли осмелится пиратствовать



Голубей впервые приручили в Древнем Египте. Чингисхан использовал их в качестве почтальонов.

Некоторые зоологи полагают, что на планете живет не меньше ста видов еще не известных нам птиц.

В тундре и лесотундре обитает 20—25 миллионов только водоплавающих птиц. Более всего среди них уток-морянок.

Фергана — поистине птичий город. Однажды здесь насчитали до 60 крылатых жителей на гектар городской площади.

Птицы разлетаются осенью с территории нашей страны в пятьдесят стран мира.

За полвека советские биологи окольцевали 3,5 миллиона птиц, а вернулось с кольцами 50 тысяч птиц.

Через Казахстан десять лет назад пролетало каждый год 25 млн. птиц. Теперь — в два раза меньше.

На Каспии, Иссык-Куле, на водохранилищах Средней Азии и Казахстана зимует 2 млн. птиц.

Двести лет назад численность фазанов в СССР исчислялась миллионами. Ныне их несколько сот тысяч, отстреливается ежегодно несколько десятков тысяч.

Американские селекционеры вывели породу кур без перьев. Время рассудит, приживутся ли голые, как огурцы, куры.



лисица, не появится и пернатый хищник. А сами орлы только пользу приносят — ловят вредных грызунов, полевок, насекомых.

Вначале Вениамин Григорьевич не мог понять: степной орел — и поселился на дереве? Степные орлы строят гнезда на земле, складывая копну из стеблей растений, бросают в него тряпки, навоз и даже куски газет и целлофана.

У этих орлов в гнезде было больше порядка: плотнее уложены ветки, и орлы не собирали всякой строительной шелухи. И еще одна особенность пернатых поселенцев удивляла — они постоянно держались в леске у реки Урал.

Повадки птиц и помогли определить их вид. Это были большие подорлики. Им как раз подходит степь с лесом. В мае орлица занялась домохозяйством — надо было подогреть своим телом кладку яиц, а орел высматривал добычу и, насытившись сам, добывал ее супруге.

Вскоре в гнезде появились три пушистых орленка. Уже через день они показывали орлиный характер. В миг опасности переворачивались на спину и оборонялись когтями и клювом. К тому же и парящие в воздухе родители могли защитить малышей от хищника. И все же... Как-то, объезжая уголье, Вениамин Григорьевич заметил: орлиного гнезда не стало, лишь обвисали с дерева остатки жилища пернатых. Не кружили в небе орлы, а на земле валялись беспомощные орлята... Нет, разрушено не волком и не лисой — орел наносит чувствительные удары клыкастым хищникам, и они обходят его участок стороной. Не смог бы развалить гнездо и пернатый хищник. Дом орлов разрушил недобрый человек. Возможно, он же убил и орлов.

Егерь подобрал осиротевших орлят и принес на кордон. Под небольшим навесом соорудил им обиталище. Когда подходил, орлята клевались, кололи выброшенными вперед когтями.

Но голод их смягчил. К вечеру они разделявали сусликов. В засушливом Приуралье сусликов превеликое множество, и поэтому у орлят пища была всегда. Птенцы вскоре привыкли к людям.

Орлята растут по-разному. Сильный братец поедает все родительские приношения. В гнезде, построенном егерем, каждый орленок получал свою порцию, и орлы росли одинаково. Нельзя было их различить, когда они, оперившись, прогуливались по земле.

К середине лета орлята мало чем отличались от родителей. Но попросайками остались. Ковыляли за егерем до тех пор, пока он не давал им завтрак. Насытившись, орлы охорашивались, а затем учились летать. Вначале маханье на месте, это что-то вроде физической зарядки, затем пробежка с размахом крыльев. И перелеты. Кстати, этому помогали и непредвиденные обстоятельства. Как только орлы усаживались клевать приношение хозяина, их окружала стая ворон. Воронки подсакивали и вырывали куски мяса. Орлы бросались в погоню и незаметно для себя при этом подлетывали.

Наконец, орлы начали подниматься высоко над домом и парить. Но, увидев хозяина с добычей, пикировали. При этом демонстрировалась настоящая орлиная хватка — раскрывались когти и клюв, как при настоящей охоте. Иногда орлы бросались с деревьев, на которых им нравилось сидеть, и ловили кто кузнечика, кто лягушку, а одному как-то удалось даже хомяка поймать. И все же, увидев егеря, орлы выпрашивали подачку.

К осени орлы все больше летали в выси. Держались все вместе. В воздухе, на обеде и на отдыхе. Усядутся где-нибудь повыше и осматривают окрестность. Им надо господствовать над простором.

В холода орлы преобразились. Меньше выпрашивали еды, как бы о чем-то задумывались. Оперение окрепло, появился пух — птицы готовились к зиме. Несколько дней они подолгу парили над егерским кордоном. А однажды подул сильный ветер, полетели снежинки, и орлы улетели в теплые края. Вернутся ли весной?



Последний дронт (непугливая птица, похожая на индейку) был убит в 1681 году на острове Маврикий.

Пресса сообщает о том, что в южном Техасе якобы обитает серая птица с размахом крыльев около семи метров и туловищем длиной примерно два метра.

Только в крупных городах ФРГ обитает более миллиона сизокрылых голубей. Медики утверждают, что большинство птиц — переносчики опасных для человека заболеваний. «Голуби в воздухе — то же, что крысы на земле», — говорят они. Голубей ждет уничтожение!

В Центральной Европе полное вымирание в ближайшее время грозит 58 видам птиц. В этом веке в Италии исчезли 32 вида птиц, в ФРГ — 17 и в Бельгии — 6. Причины: наступление цивилизации, загрязнение окружающей среды.





Сорока — умное око

Иван
ЗАЯЧКОВСКИЙ

доктор биологических наук

Однажды апрельским утром в парке имени Якутова в центре города Уфы я заметил необычное строительство... На небольшом дереве, недалеко от асфальтированной дорожки, рядом с линией детской железной дороги, строили гнездо сороки. Бегали трусцой и рысцой мужчины и женщины, сгоняющие лишний вес, шумели мальчишки, вылавливавшие из озера последних раков, а птицы не пугались. Они собирали прутики, сухие травинки, какие-то клочки и летели к облюбованному клену.

После первой демонстрации я снова пошел в парк. Гнездо было уже совсем большое, но ни одной сороки не увидел. Не бросили ли птицы беспокойное место? На следующий день я опять пошел в парк. В стороне от гнезда, на высоком дереве стрекотала сорока. Всюду ходили и разговаривали люди. Вот один прохожий остановился и рассматривает гнездо. Оттуда вылетела другая сорока.

Заметив меня, любознательный гражданин заявил:

— А сороки гнезда других птиц разоряют, да и цыплят воруют!

Опасаясь, как бы он не разорил сорочье гнездо, я тут же рассказал ему, что у сорок есть и немалые заслуги. Мне очень хотелось, чтобы гнездо в парке уцелело. Ведь это довольно редкий случай, когда сороки селятся в таком беспокойном месте.

Через неделю я снова пришел в парк. Гнезда на дереве не было... На земле валялись прутики, которые так заботливо собирали сороки. Какой-то сороконенавистник разорил-таки гнездо...

Сорока — птица довольно известная и приметная. Голова, шея, верхняя часть груди, спина, надхвостье, крылья и хвост у нее черные, с металлическим блеском, а грудь, брюшко, широкие полосы на плечах и на крыльях — белые. Сороки — представители отряда воробьиных птиц, только относятся к самостоятельному семейству врановых. Кро-

ме них в эту «черную» семью входят крупные черные вороны, серые вороны, грачи, сойки, кукушки, клушицы, кедровки. Сороки — вездесущи. Мне довелось видеть этих красивых длиннохвостых птиц в различных областях страны. И повсюду они ведут оседлый образ жизни.

Осторожная и чуткая птица, сорока и видит хорошо, и слышит неплохо. Усевшись на вершину дерева — такая уж у нее манера, — она первой заметит пришельца, хоть человека, хоть собаку или дикое зверя, и оповестит об этом других лесных жителей. А другие птицы и звери уже давно усвоили: раз сорока подает сигнал, тревожно стрекочет, значит, кого-то заметила, надо прятаться. За это и охотники порой обижаются на сорок и начинают гоняться за ними с ружьями.

Чуткость сорок принесла им славу пророчиц. Помните у Пушкина:

Стрекотунья белобочка,

Под калиткою моей

Скачет пестрая сорока

И пророчит мне гостей.

Конечно же, сорока никакая не пророчица. Секрет тут совсем простой. Находясь возле людского жилья, сорока издали замечает приближающегося человека и реагирует на это криком.

И получается — гостя напророчила.

Вот погоду сороки иногда могут предсказывать. Если они под стреху лезут — будет выюга. В синоптических способностях сорок я лишний раз убедился однажды осенью. Шел как-то в сентябре по одной из центральных улиц Уфы. Услышал стрекотание сороки, доносившееся с вершины большого тополя. Подошел к дереву. Тотчас с него спорхнули три сороки, полетели вдоль крыши дома, явно высматривая ниши и отверстия, в которых обычно ночуют галки и голуби. Это меня несколько удивило, хотя признаюсь, особого значения такому поведению сорок я не придал. Вечером пошел снег, а ночью разгулялся сильный ветер, завывала выюга. Под

тяжестью снега, обильно осевшего на непоавших листьях, в городе и в пригородных лесах поломалось много деревьев... Выходит, сороки чувствовали приближение непогоды и заранее искали надежные укрытия.

О сороке идет давняя худая слава. Она, мол, и вороватая, и вредная — чужие гнезда разоряет, и к тому же «болтливая». Действительно некоторые грехи за сороками водятся. В весенний период они иногда разоряют гнезда лесных птиц, таскают их яйца, а то и птенцов. При случае сорока может утащить и цыпленка. Бывает, и скворечники «ревизует», особенно если они построены неправильно.

Разбой легче удается сороке при налетах на гнезда птиц, живущих в одиночку. А вот в колонии дроздов одной сороке делать нечего — дружные птицы прогоняют ее. Но когда две сороки объединяются в охотничий союз, то успех сопутствует воровкам и там. Иногда сороки сообща нападают на кобчиков, сгоняют их с гнезда и расклеивают яйца.

В некоторых охотничье-промысловых хозяйствах, при большой численности сорок и серых ворон, они порой наносят ощутимый ущерб другим гнездящимся там птицам. Это ведет к уменьшению количества охотничье-промысловых и певчих птиц. И егеря и охотники весной вынуждены вести борьбу с воронами и сороками. Разумеется, все это делается по согласованию с госохотинспекцией и только на территории охотничье-промысловых хозяйств. В других местах сороки подлежат охране.

В южных районах на сорок кое-где жалуются бахчеводы: эти птицы вытаскивают из почвы посеянные семена арбузов и дынь.

Воровские привычки сорок приводили иногда к драматическим ситуациям, как это показано в опере итальянского композитора Джоаккино Россини «Сорока-воровка». В гнездах сорок находили самые различные предметы, вплоть до карманного зеркала и наручных часов.

В Азербайджане одна сорока в дупле устроила настоящий музей. В нем оказалось свыше 300 «экспонатов»: пуговицы, разноцветные стекляшки, обломки цветных карандашей и даже чайные ложки.

В Башкирии на озере Архимандритском сороки обворовали как-то одного любителя подледного лова рыбы. Он оставлял пойманных головлей на льду и, пробурывая новые лунки, уходил за лесистый поворот берега. Этим воспользовались сороки. У некоторых лунок они начисто подобрали оставленную рыбу, а возле других украли самых лучших головлей. А потом еще и сердились на рыбака, когда он собрал и понес домой жалкие остатки своего улова.

Одна школьница из Петропавловска-Камчатского была свидетельницей забавной сценки... Около магазина часто продавали кедровые шишки — женщины приносили их в больших корзинах. Девочка купила себе шишку и увидела сороку. Птица важно расхаживала около корзины и заглядывала в нее. А в корзине сверху лежали две конфеты в золотистых обертках. В это время к магазину подошел мужчина и обронил монету. Сорока тут же подскочила, схватила монету и взлетела. Но монета выпала у нее из клюва прямо в корзину с шишками и конфетами. Сорока сделала круг, подлетела к корзине, схватила конфету и улетела. Выходит, сорока конфету не просто украдала, а купила.

Так кто же такая сорока: друг или враг, полезная или вредная птица? Ответ — в пользу сорок. Хотя они и разбойничают по чужим гнездам, но это бывает не везде и лишь в короткий весенний период, пока там есть яйца или птенцы. Зато целый год сороки приносят пользу, истребляя вредных насекомых, грызунов. Длиннохвостые стрекотухи — всеядные. Но основным кормом им служат насекомые — жуки, особенно хрущи, долгоносики, щелкуны, оленки, песчаные медляки, проволочники, а также клопы-черепашки. Летом сороки собирают на деревьях гусениц дубовой листовёртки, пядениц. Сорока — враг березового пилильщика. Летом сороки собирают на ветвях личинок (ложногусениц) пилильщика. Осенью, собираясь стайками в лесах и рощах, сороки роются в лесной подстилке, извлекают коконы пилильщика и расклеивают их. Этим они приносят большую пользу лесам, лесопосадкам, лесополосам. Осенью они залетают в сады, очищая их от вредителей.

Занимаются сороки еще и такой агропрофилактикой. В малоснежные зимы они рылчат подстилку на опушках лесов и в лесополосах, достают залегающего на зимовку клопа-черепашку, повреждающего пшеницу, сахарную свеклу, клевер, а

также деревья. До 110 клопов-черепашек находили в желудке одной сороки.

Сороки выбирают также ушедших на зиму в подстилку гусениц. В одном лесу проверили, насколько аккуратно работали сороки. На не тронутых птицами участках обнаруживали до 70 гусениц на одном квадратном метре, а там, где были сороки, гусениц не нашли вовсе.

Сороки истребляют не только великое множество насекомых, но не отказываются и от мышевидных грызунов. Пойманных осенью мышей и полевок сороки нередко прячут под листья или в мох. Зимой, когда сорока не может достать мышью из-под глубокого снега, она, бывает, пользуется и плодами чужого труда. В Восточно-Казахстанской области один охотник наблюдал, как сорока обворовывала лисицу. Та мышквала, но была сыта, и не съедала всех пойманных мышей, а оставляла их про запас. А следом за кумушкой летала сорока, вытаскивала из снега задушенных грызунов, улетала с ними в соседний черемушник и перепрыгивала легко добытые трофеи среди кустов.

В трудные зимы, когда под толстым слоем снега нельзя достать насекомых или грызунов, сороки появляются на окраинах сел и городов, где им легче найти пропитание. Часто их можно видеть возле животноводческих ферм — там всегда найдется пожива. В городах сороки осенью ревизуют подстилку из опавших листьев в садах и парках. В зимние месяцы сороки постоянные гости на разных мусоросборниках и помойках, где они подбирают всякие отбросы и тем самым выполняют санитарную службу.

В некоторых местах сороки и вороны стали посещать железнодорожные станции, где местные жители выносили к поезду рыбу. Птицы уже знали, что пассажиры выбрасывают рыбы головы и другие отходы, и подбирали их. Сороки посещали станции точно по расписанию. Когда однажды поезд опоздал, они заволновались, стали глядеть в ту сторону, откуда он должен был появиться. А когда поезд, наконец, подошел, они от радости подняли невообразимый шум.

В пользу сорок можно привести и такой факт: оставленные ими старые гнезда охотно используют другие птицы, в частности, некоторые совы и мелкие соколки, враги мышевидных грызунов. Выходит, что сороки помогают людям привлекать в леса и лесные полосы и других полезных птиц.

Свои гнезда сороки устраивают в густых ветвях куста или в развилке дерева на небольшой высоте. На первый взгляд, сорочье гнездо кажется беспорядочно набросанной кучей прутьев. А разобраться, оно

довольно сложное сооружение. Наружная часть такого гнезда устроена из более толстых сучьев, внутренняя — из тонких веток. Все скреплено сухими травинками и глиной. Внутреннее углубление — лоток гнезда — обмазано глиной. Сверху над ним набросаны сучья, образующие крышу. Она защищает яйца сороки от хищников. Лоток выстилается мягкой травой, мхом, шерстью. Вход — сбоку. Гнездо строят и самец и самка. Яйца насиживает одна самка. Самец обычно находится неподалеку, караулит гнездо и предупреждает самку об опасности. В первые дни после появления птенцов самка остается на гнезде, а самец приносит корм.

Как и другие птицы из семейства врановых, сороки хорошо приучаются, особенно смолоду. Выкормить их нетрудно. Много лет назад мы жили на Южном Урале. Там-то одним летом мой сынишка притащил домой сорочонка-слетка. Ребята постарше нашли его в лесу возле Золотой Сопки под городом Троицком и подарили Юре. Сорочонок едва оперился. Хвостика почти не было (обычно у взрослых сорок хвост несколько длиннее тела), трепетал крылышками и кричал, требуя еды. Даже червяка глотал с каким-то захлебывающимся криком, вроде от удовольствия или, скорее, от жадности. Но как только насытится, сразу умолкает, тут же поворачивается к кормильцу хвостиком и выпускает большую, покрытый слизью, пузырек помета.

«Почему он так делает?» — удивлялись ребята, кормившие сорочонка. Голодные птенцы криком требуют от родителей пищу. Когда птенец насытился и повернулся хвостиком к родителю, тот ловко подхватывает в клюв пузырек с пометом и выбрасывает его далеко от гнезда. И сразу летит за кормом для других птенцов.

Когда наш сорочонок подрос, он, наевшись, тотчас пятился к краю гнезда, поднимал хвост и — раз! — большая клякса выбрасывалась далеко вниз. Это тоже рефлекс. Поэтому у птиц в гнезде чисто.

Прошло еще немного дней, и у нашего сорочонка стали вырабатываться новые привычки, связанные с кормлением. Увидит в руках блестящую чайную ложку, из которой кормили и поили его, кричит, просит пищи или воды. А потом сорока стала реагировать на протянутую руку: с этим раздражителем она всегда получала пищу. И стала кричать, как только увидит руку или вытянутый палец, даже если в пальцах и корма нет.

Скажите в лесу сороке: «Сорока, где ты?» — она не ответит, улетит. А наша сорока откликнулась на эти слова. Забрел, бывало, в огород или в соседний двор, и нет ее.

Выйду на крыльцо и громко спрашиваю: «Сорока, где ты?» И тотчас же откуда-нибудь раздается громкое, отрывистое «Э-ке-кек!» и сорока во всю прыть скачет ко мне. Эти слова — «Сорока, где ты?» (мы ей клички так и не дали) — обычно всегда предшествовали кормлению и стали для птицы условным сигналом — звуковым раздражителем.

Сорока хорошо знала, когда ее будут угощать лакомым кормом. Увидит, бывало, в моих руках или в руках ребят лопату и банку — сразу же скачет следом (когда еще не умела летать) в угол двора, где всегда для нее копали червей. И сама выхватывала червяков из рук, а потом и из разрыхленной земли. К сожалению, сорока жила у нас недолго. Во то же лето ее не стало. В соседском дворе был очень злой большой пес. И когда доверчивая сорока залетала в тот двор, он задушил ее.

Примеров приручения сорок много. Большой проказницей была ручная сорока Пика, жившая у ленинградских биологов Э. Н. Головановой и Ю. Б. Пукинского. Она постоянно вертелась возле собак — лайки и курцхаара, — стараясь выдернуть у них клочок шерсти, дернуть за ухо, потянуть за хвост. Любимым занятием ее было таскать по комнате кусочек мяса и без конца прятать и перепрыгивать его в различных местах. Иногда она прятала его под лапу лежавшего на полу пса.

Сороки — мастера звукоподражания. И живущие на воле, и прирученные, они умеют копировать даже лай собак. В Целиноградской области в одном селе вырастили беспризорную сороку Варьку. Когда ее выпустили из клетки, она не захотела улетать от людей и поселилась в сарае с курами. Подружилась с собакой Тузиком, чистила клювом его шубу. Более того, Варька научилась лаять. Подойдет к дому чужой человек, а сорока первая начинает: «Ур-рр, гав-гав!»

В Пермской области школьники оказались свидетелями весьма забавной сценки. Собаки, задрав морды, лаяли на дерево, а сверху кто-то отвечал им таким же лаем, только чуть хрипловатым. Когда ребята подошли поближе, то увидели, что на ветке сидит сорока и лает на собак. Передразнивает. Увидев ребят, падаистка улетела.

О том, что сороки могут имитировать голоса других животных и даже произносить слова, было известно в глубокой древности. Об этом писали еще Плутарх и Плиний. Плутарх рассказывает об одной весьма говорливой сороке, умевшей подражать голосам коров, различных птиц и произносить слова. В ее репертуаре были и звуки траурной музыки, трубачей, которую она услышала один раз во время прохож-

дения траурной процессии возле дома хозяина.

Из говорящих сорок большой популярностью пользовался Яшка, воспитанный симферопольским птицелюбом П. Г. Болтоусовым. Хозяин начал учить Яшку, когда тот был еще маленьким сорочонком. Он старался, чтобы Яшка запоминал не только отдельные слова, но и целые фразы, как бы ответы на вопросы. Кроме того, Яшка научился реагировать на отдельные сигналы, и тоже словами. Слух у Яшки был очень хороший, и он первым узнавал, если кто-нибудь приходил к хозяину. Услышав шум у калитки, сразу же спрашивал:

— Кто там? Кто такой? Чего тебе?

Когда хозяин знакомил своих гостей с Яшкой, птица вела себя более деликатно и общительно. Отвечая на вопросы хозяина, сорока говорила, что ее зовут Яшка, что он хороший, что он из Симферополя, хочет есть, и приглашал посетителя приходиться еще в гости. Яшка разговаривал с хозяином его же голосом, с той же интонацией, только более слабым и чем-то похожим на магнитофонную запись.

Яшку не раз экспонировали на выставках. В 1966 году в Киеве проходила международная выставка птиц. В большой вольере там находились сотни птиц разных видов из различных стран. Был там и Яшка. Он сразу завоевал симпатии посетителей тем, как умело представлялся им:

— Яшка хороший! Яшка из Симферополя!

В городе Кемерово ученица восьмого класса школы Заводского района, подобрала беспомощного сорочонка, выпавшего из гнезда. У него было сломано крыло. Девочка вылечила и выходила приемыша и даже обучила его разговаривать. Верный, так называли сороку, мог произносить кличку дворового пса. Летом сорока часто сопровождала девочку в огород и бойко прыгала по грядкам. «Верный, пойдем!» — звала девочка птицу. — «Пойдем», — отвечала сорока, преданно глядя на свою воспитательницу.

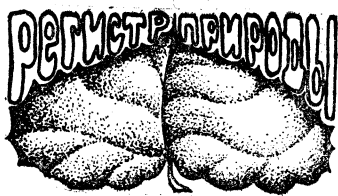
Девочка научила сороку работать. Она втыкала в землю палочку и командовала: «Верный, работай!» И сорока старательно вытаскивала палочку из земли клювом. Этот производственный опыт сорока использовала во вред хозяевам. Однажды Верный с любопытством наблюдал, как мать девочки сажает лук. А потом взял да и повыдергивал его. И аккуратно сложил в кучку. Ребята со всей улицы любили Верного и часто забавлялись его проказами. На восторженный смех детворы сорока дружелюбно отвечала таким же смехом. Верный снимался в кинофильме «Яшка».

Совсем недавно, в начале 1979 года, в газете «Макеевский рабочий» рассказывали о ручной говорящей сороке Гале, воспитанной машинистом шахты «Холодная балка» Григорием Барским. Сорока хозяина зовут Гриша, хозяйку — Юля, соседке говорит «Здравствуй, Рая». Не забывает отрекомендоваться незнакомым и знакомым: «Я — Галя! Ха-ха-ха!» Однако, когда она однажды хотела подружиться с грачами и сказала им свое: «Я — Галя!», они задали ей добрую трепку. Дома Галя находится в дружеских отношениях с собакой и котом, которого то и дело пытается схватить за хвост. Галя смело летает по шахтерскому поселку, как бы зная, что ни один разумный человек не сделает ей зла.

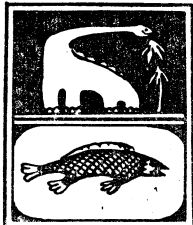
Когда, с какого возраста можно брать галок или сорок для приручения? Специально из гнезда не нужно брать ни галок, ни сорок, ни грачей, ни каких-либо других птиц. В тех случаях, когда птенец по неосторожности или пробуя свои силы выбрался из гнезда и упал на землю, еще не умея летать, его нужно подобрать и постараться вернуть в гнездо, где родители закончат его воспитание и выкармливание. Если же этого сделать нельзя, то такого осиротевшего птенца можно и даже нужно взять домой и попытаться выкормить и воспитать. Иначе он может погибнуть: птицы обычно кормят лишь тех детей, которые до определенного срока находятся в гнезде. Позже, когда птенцы покидают гнездо и могут уже летать, заботливые родители в первые дни все еще опекают их и подкармливают. Я не раз видел, как это делают скворцы и грачи, а также вездесущие воробьи. Поэтому нельзя ловить и таких птенцов-слетков: вполне возможно, что это не сироты, а просто еще не вышедшие из-под родительской опеки малыши, еще не научившиеся хорошо летать.

Подведем итоги сказанному о сороках. Сорока, как мы видели, птица красивая, умная, интересная. И несмотря на некоторые ее грехи, птица полезная. Нельзя оправдать тех, кто гоняется за ней с ружьем...





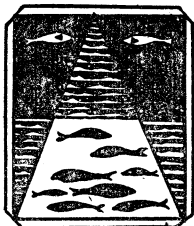
Рыбы появились почти 400 миллионов лет назад.



На Земле 20 тысяч видов рыб.

Мелкую рыбку — тюльку — ловят на Каспии не сетью, а насосами, привлекая рыб светом.

Уловы рыб во внутренних водоемах СССР превышают 2 млн. центнеров.



Карп на единицу кормов дает в два раза больший прирост, чем крупный рогатый скот.



За последние двадцать лет рыбные запасы Средиземного моря уменьшились на 80 процентов. Каждый год в море попадает более 300 тысяч тонн нефти.



Русская хохуля

Иван
ТЕРЕШКИН

Рисунок
Ю. Штарева

Шел я однажды (давненько это было) поймой реки Мокши. Был мартовский день, но ветер с колючей поземкой посвистывал над уплотненным снегом, словно сметал признаки наступившей весны. Тут я и увидел вдали темный живой комочек, как-то странно катившийся в мою сторону. Я поспешил навстречу. Зверек выглядел действительно странно: плотное, с серебристым брюшком и темной спиной тело, подвижный хоботок, плавательные перепонки на задних лапах, массивный, округло утолщенный у основания и плоский на конце хвост-руль. мех плотный, короткий, шелковистый, особенно на брюшке. Многие уже, наверное, догадались, что была это выхухоль. (Некоторые относят слово выхухоль к мужскому роду. Другое, весьма распространенное название зверька — хохуля).

Я спрятал упруго упирившийся лапками живой комочек за пазуху и, отложив все дела, поспешил домой. К тому времени мне было известно многое из того, что знали о выхухоли биологи, в частности, и то, что все насекомоядные, куда относится и выхухоль, отличаются завидным аппетитом, или, точнее говоря, прожорливости. И не от жадности. Без пищи они быстро погибают.

Придя в свою лабораторию, я предложил моей путешественнице живого выюна. Ну и возня началась в ту же секунду! Так в течение двух недель я с большим трудом кормил ненасытное существо, а потом, выбрав подходящий водоем, выпустил выхухоль в ее родную стихию.

Что же заставило путешествовать зверька, плохо приспособленного к передвижению по земле и по снегу, да еще и с оголенными, не защищенными от холода лапками, хвостом и хоботком?

Попробуем, однако, отыскать выхухоль летом... Небольшое мелководное озеро. На мелководье — заросли стрелолиста, ежеголовки, листья-монетки водокраса, или лягушатника. Намного глубже — плавающие листья кубышек, рдестов. Всплескивают мелкие рыбешки. По-вечернему тихо и уютно. Но вот качнулся, приподнялся лист кубышки. Что-то захрустело под ним, как кусочек сахара на зубах. Это она, выхухоль, хотя ее и не видно. Прихватила мелкого моллюска или жука. В нору с такой мелкой добычей плыть не стоит. Съела на месте, всплыв на поверхность. А мелкие пузырьки на поверхности воды цепочкой бегут вдоль берега дальше, указывая подводный путь зверька.

Чаще всего мы видим на поверхности воды лишь маленькую головку с хоботком. Но иногда выхухоль всплывает, словно подводная лодочка. Пробыв на поверхности воды несколько секунд, она одним резким движением скрывается под водой. Кстати, зрение у выхухоли весьма и весьма слабое, но попробуйте сделать резкое движение, когда она всплыла, останутся лишь расходящиеся круги. Это не трусость, а осторожность во взаимоотношениях, например, с пернатыми хищниками.

Но всегда ли выхухоль может всплыть, чтобы набрать воздух?

Разумеется, нет. Скажем, зимой. Для этого и существует у выхухолевой семьи несколько нор, гнездовая камера которых находится выше уровня воды, а вход — подводный. Норами выхухоли очень и очень часто пользуются в любое время года, за исключением весеннего паводка, когда они скрываются в любом подходящем убежище или роют временные норы. Значит, зверек путешествует зимой потому, что промерз водоем.

Давно замечено, много воды в пойме — много выхухоли. В Мордовии этот зверек обитает на двух реках: Мокше и Суре. Активное хозяйственное освоение поймы этих рек, а оно начинается с осушения болот — основных аккумуляторов воды, привело к дефициту воды. Обмелели старицы. Особенно обмеление идет зимой, когда прекращается поступление воды с дождями. Лед опускается на дно. Выхухоль борется, удлиняет подводные траншеи (углубления в грунте, подводящие к входу в нору). И вот воды нет. Нет пищи. Нет крова. Хотя норы и сохранились, они уже слишком прохладны, так как не подогреваются водой. Остается или замерзнуть под ледяным панцирем, или, найдя выход наружу, отправиться в зимнее путешествие. Однако и непромерзающие водоемы не являются обителью для выхухоли. Ведь ей даже для посредственного благополучия нужна не только вода, а животный и растительный мир той зоны водоема, которая также накрывается льдом или же обнажается (пересыхает) еще до ледостава.

Особенно неблагоприятия в жизни выхухоли стали заметны после суровой зимы 1968—1969 годов. Да потом еще и засушливые годы. В 1975 году мы обошли по чистому прозрачному льду (норы выхухоли прекрасно видны) многие водоемы поймы Мокши. Выхухоли нигде нет!

К счастью, выхухоль все-таки сохранилась — в карьерах, оставшихся от торфоразработок. Здесь уровень воды более постоянен. А потом прошли дождливые годы. И угроза пока миновала.

А что же нужно еще к воде? Чтобы берега не вытаптывались скотом и не прокашивались человеком, нужен режим рыболовства, нужны характерные зоны зарастания прибрежной части водоема... Всех факторов не перечислить!

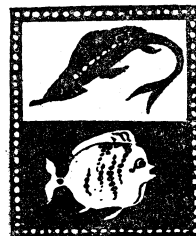
Современник мамонта, живое ископаемое, реликт канувших в прошлое эпох, эндемик русской природы... Каких только определений не существует у этого маленького зверька. И все определения верны. Русская выхухоль занесена в «Красную книгу» как исчезающий вид. Опасения обоснованы.

Ареал этого вида превратился в маленькие кружки по рекам бассейнов Волги, Дона, Днепра и Урала. И это — все. На нашей планете выхухоль больше нигде не живет.

Наше существование не зависит от того, сохраним мы выхухоль или нет. Но ее возможное исчезновение не может не тревожить.



Наши деды потребляли в год 6 килограммов рыбы, мы — 16. Рыба голомянка водится только в Байкале. Треть ее веса состоит из жира. Через эту рыбу можно видеть буквы газеты — так она прозрачна.



В 1965 году в Японии построили первый подводный рыболовецкий завод. Построены комбинаты на глубине 30 и даже 50 метров.



В Японии морские фермы уже дают десятую часть общего улова рыбы. К концу века «одомашненной» рыбы будет в пять раз больше.



Мировая добыча морских продуктов превышает 60 млн. тонн, пять шестых — это рыба.

БОЛОТО — ДОМ

**Андрей
ДУНЯШИН**

Случалось ли вам когда-нибудь набрести в жаркий летний день на маленькое озерко в непроходимой чаще лесного царства? Издалека видны заросшие осокой берега, кочки, на которых шумит зеленый камыш...

Подойдите поближе, раздвиньте руками толстые стебли, и вы увидите загадочный и удивительный мир! На свободных от ряски оконцах воды снуют туда и сюда воздушные непоседы — водомерки. Одно неосторожное движение — и они уже скрылись за островком прошлогоднего сухого камыша.

Солнечные лучи пробиваются сквозь мутную воду до самого дна. Там, на дне, лежат ракушки, чехлики личинок ручейника, сплетенные из песка, травинок, кусочков ила, пробиваются в поисках добычи широкая шестиглазая улитковая пиявка. Коснитесь ее рукой — она мгновенно свернется тугим кольцом.

Среди лепестков рдеста блестит крупный шарик воздуха. А вот на поверхности и хозяин — паук-серебрянка. Вообще-то он черного цвета, но когда плывет под водой с частыми взмахами воздуха, чтобы достроить свой воздушный колокол, то кажется серебряным.

Пойдемте дальше. Этот маленький водоем обещает нам еще много интересных открытий!

По камням журчит вода. Лесной ручеек впадает в болото. Вдруг у самого берега в иле кто-то зашевелился. Мы спугнули водяного скорпиона. И он недовольно убрался со своего места. Водяной скорпион любит лежать в медленно текущей воде, зарывшись в ил и выставив конец дыхательной трубки.

Рядом с ним в темном иле копошится какой-то непонятный бесформенный клубок. Сразу и не разберешь, что это такое. И лишь приглядевшись, поймешь, что это ищет

еду колония трубочника, маленького красного червячка. Аквариумисты знают его как хороший корм для рыбок.

Поймать такого червячка трудно. Почувствовав опасность, он мгновенно прячется в ил. Острый кончик его тела, как игла, вбуравливается в дно.

В середине болота среди зарослей тины, собирая мельчайшие водоросли, ползают прудовики, пузырчатки, роговые катушки. Они неповоротливы, медлительны. Если приглядеться, то можно рассмотреть у них чуть пониже маленьких рожек две черные точки — глаза.

Улитки — неприхотливые создания. Они живут в лужицах, где и воды-то почти нет, и в больших озерах с ледяной водой от ключей.

Вот один прудовик выбрался на поверхность по стебельку стрелолиста, набрал воздух в полость между ногой и мантией и надолго скрылся в зарослях растений.

А вот и родственница прудовика — живородящая лужанка. С собой она всегда носит крышечку, которой закрывает вход в раковину, если наступает тяжелое для нее время: засуха или холодная зима.

Название свое — живородящая лужанка — она получила потому, что свое потомство, носит внутри раковины, пока оно не подрастет. Как-то весной в полости раковины одной лужанки я нашел двадцать маленьких луженят.

А теперь зачерпните пригоршню зеленоватой болотной воды. Сколько маленьких загадочных существ барахтаются в ней! Циклопы и дафнии, листоногие и ветвистоусые рачки, эстерия, щитень Апус, круглая и прозрачная водяная блоха, многоногий водяной ослик. Они совсем маленькие, еле-еле различимые глазом.

В воде у них много врагов, на

каждом шагу их подстерегает опасность.

Подводные жители в страхе шахраются, когда появляется черная, похожая на каракатицу личинка жука-плавунца. Ее длинное, рассеченное на сегменты тело наводит панический ужас на тех, кто окажется с нею рядом. Один резкий бросок — и ее челюсти впилась в жертву. Через глубокие каналы в челюстях она впрыскивает яд, который парализует какого-нибудь зазевавшегося рачка.

Среди корней водных растений прячется еще один хищник — личинка стрекозы дедки, мохнатая, похожая на паука, только с шестью ногами вместо восьми. Зарывшись в ил, она всегда наблюдает за тем, что делается вокруг. Из-за темной окраски ее трудно заметить.

Она медленно дышит, втягивая и выпуская из себя струю воды. Периодически сзади, за личинкой, поднимаются песчинки: это взбаламутила их выброшенная вода.

Заметив рядом что-нибудь съедобное, она выдвигает нижнюю челюсть и хватает добычу, потом подтягивает ее к себе и постепенно пожирает.

Два года проводит в воде личинка, пока из нее не появится настоящая стрекоза.

Мы многое уже видели, но где же хозяйка здешних вод — озерная лягушка? Она, наверное, забралась сейчас в дальний уголок болота, скрытый от чужого взгляда.

А здесь, рядом, плавают комочки водорослей. Вот ровный шарик, сплетенный из зеленых нитей. Это эгагропила Саутери. В озерах и крупных водоемах она больше, а в болоте достигает всего сантиметра в диаметре.

В воде между кочек показался прозрачный студенеобразный шар зеленого цвета. Возьмите его в руки,

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

АГРОБИОЦЕНОЗ — вторичные, измененные человеком, искусственные экосистемы. Например, пашня, сад, огород, пастбище.

АНТРОПОГЕН — период в истории Земли, в течение которого живет человек.

АНТРОПОГЕННЫЙ ЛАНДШАФТ — образовавшийся под воздействием человека.

АРЕАЛ — область распространения тех или иных организмов.

ГЕНОТИП — совокупность генов организма, локализованных в хромосомах.

ГЕРБИЦИДЫ — вещества для уничтожения «нежелательной» растительности.

БИОСФЕРА — тонкая пленка жизни на нашей планете. Термин ввел в науку в 1875 году австрийский геолог Э. Зюсс.

БИОГЕОЦЕНОЗ (понятие ввел в биологию академик В. Н. Сукачев) — однотипное растительное сообщество с животными, с микроорганизмами, включая почву, воду, воздух, — все пространство над данным участком земли.

БИОМЫ — ландшафтно-географические зоны: тундра, тайга, пустыня, лиственные леса.

БИОТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ — взаимодействия организмов (действие хищников, паразитов, взаимоотношения животных и растений).

ВИДООБРАЗОВАНИЕ — эволюционный процесс, в ходе которого сформировалось видовое разнообразие животных.

ЗАКАЗНИК — место, где несколько лет или постоянно, в определенные сезоны или весь год охраняются отдельные виды растений, животных или части природного комплекса. Хозяйственное использование других ресурсов разрешается в таких пределах, чтобы не нанести вреда охраняемому объекту.

ЗАПОВЕДНИК — полностью изъятая из хозяйственного оборота земля с целью сохранить и изучить природные объекты и процессы. Поэтому заповедники называют лабораторией в природе.

ИНСЕКТИЦИДЫ — вещества для уничтожения вредных насекомых.

ИНТРОДУКЦИЯ — преднамеренный или случайный ввоз растений и животных в новые районы, где они ранее не обитали.

МОРФОЛОГИЯ — наука о форме, внутренней структуре и развитии животных и растений.

КОНВЕРГЕНЦИЯ — схождение признаков в ходе эволюции неродственных организмов, живущих в сходных условиях.

«КРАСНАЯ КНИГА» — список исчезающих животных и растений.

Он будет перекачиваться на ладони, как шарик ртути. Такое растение — носток сливовидный — редкость в наших водоемах.

Что это? Кто-то возится в зарослях тины. Приглядитесь. Да это водяной жук гладыш напал на круглую дафнию. Гладыш — хищник. Он очень хорошо плавает. Ловит добычу, вонзая острый хоботочек в тело жертвы и впрыскивая яд. Жертва парализована, теперь ею можно полакомиться. Жук может проколоть кожу человека, и рана, нанесенная им, долго не будет заживать.

Плавает гладыш вниз спинкой, удерживая на брюшке пузырьки воздуха, что делает его подвижным и неуязвимым, и загребая воду длинными задними ногами.

Вообще болото — настоящее царство водяных жуков. Здесь можно увидеть полоскуна и плавунца, во-

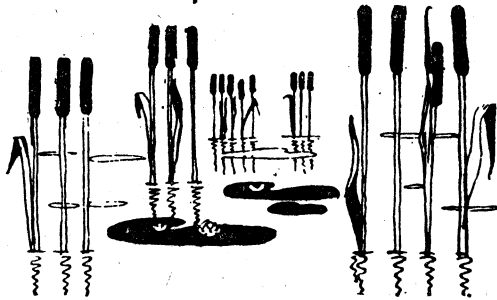
долюба и болотника. И хотя все они живут в одном болоте, в поведении каждого из них есть что-то свое.

Плавунец, например, быстро плавает, он снует по воде, не зная покоя, и проделывает за день огромный путь; водолюб, наоборот, медленно передвигается по листьям растений, ближе к поверхности воды. Это и понятно. Плавунец — хищник, ему надо догнать свою вертикальную добычу, водолюб же питается мягкими листьями водорослей.

Над болотом повисла длинная тень стрекозы. Ее крылья заблестели на солнце.

Откуда-то с края болота поднялся кулик-сорока и, громко хлопая крыльями, полетел вдаль. Может быть, это я спугнул его.

...В воде текла обычная жизнь, таившая столько загадок, столько необыкновенного...



КУЛИК

Под сереньким небом неброским
Гудит комариная рать.

Запутались в кочках березки,
Да так и остались стоять.
Но любит те кочки за что-то,
А может быть, просто привык,
И хвалит свое болото
Кулик,

кулик,

кулик.

А рядом в погоне за счастьем
Летят поезда напрямик.
С каким-то тревожным участием
Кричит им вдогонку кулик:
— Куда ж вы торопитесь, люди,
Ведь счастье не в той стороне?!
А здесь хорошо вам будет...
Ко мне,

ко мне,

ко мне!

Но вот надвигается осень,
И падают листья с берез.
Лишь южные ветры приносят
Нездешние запахи роз.
Кулик то бежит, то взлетает...
В глазах беспокойная грусть.
Он каждой кочке кивает:

— Вернись,

вернись,

вернись!

И после всю зиму печально
Глядит он на знойный уют —
Растут здесь роскошные пальмы,
Красивые птицы поют...
Свои у мартышек заботы...
И мир бесконечно велик!
Но хвалит свое болото
Кулик,

кулик,

кулик.

Игорь
ТАРАБУКИН

НООСФЕРА — биосфера, управляемая человеком, или гармоничное сосуществование человека и природы. Термин впервые ввел в обиход Е. Ле-Руа в 1927 году под влиянием идей В. И. Вернадского. В труде «Научная мысль как планетное явление» великий русский ученый писал: «Эволюционный процесс получает... особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу — научную мысль социального человечества. Мы как раз переживаем ее яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние, в ноосферу».

ПОПУЛЯЦИЯ — совокупность особей одного вида, ее характеризует общность местобитания и приспособления к данным условиям среды.

ПОРОДА — популяция организмов, созданная человеком и имеющая наследственные особенности.

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ — охраняемые природные объекты большого научного, исторического и культурного значения. Это может быть древнее дерево, водопад, пещера.

ЭКОЛОГИЯ — наука об отношениях организмов к окружающей среде.

ЭКОСИСТЕМА — более общее понятие, чем биогеоценоз. Говорят об экосистеме целого моря и капельки воды.

ЭКЗОБИОЛОГИЯ — отрасль биологии, изучающая жизнь вне Земли.

СЕЛЕКЦИЯ — теория создания пород животных и растений, а также штаммов микроорганизмов.

СУКЦЕССИЯ — закономерности смены биоценозов. Например, на месте сгоревшего сосняка сначала обязательно будет расти березы.

ФЕНОТИП — совокупность свойств и признаков организма, которые формируются в результате взаимодействия генотипа особи и окружающей среды.

ФИТОЦЕНОЗ — сообщество растений, входящих в биогеоценоз.

ФИТОФАГИ — животные, питающиеся растениями.

ХРОМОСОМЫ — основные структуры ядра, которые составляют материнскую основу наследственности и обеспечивают преемственность между поколениями.

Едем в саванну

**Василий
ЖИВАГО**

Каждый год советские океанологи уходят в Мировой океан. Из этих путешествий они привозят не только новые научные сведения, но и впечатления об интереснейших уголках планеты. Автору во время экспедиции в Индийский океан на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» посчастливилось побывать также в Кении и совершить увлекательную поездку в мир диких животных африканской саванны.

На утреннем причале порта Момбасса нас встретили люди туристической фирмы «Сафари» и специальные микроавтобусы, раскрашенные белыми и черными полосами, «под зебру». Не успели мы расстаться по местам, как машины дружно рванулись и, скрипя тормозами на поворотах, понеслись.

Шофер автобуса, кений Филиппо, оказался веселым и разговорчивым. Он почти не смотрел на дорогу, весь путь до заповедника, сидя к нам в полуоборота, оживленно рассказывал о себе, а заодно и о предстоящей экскурсии. Как нам тогда казалось, в этот предрассветный час от неминуемой аварии нас спасало только отсутствие встречных машин, ибо стрелка спидометра за полтора часа гонки редко опускалась ниже 100 км/час.

Смирившись с опасной ездой, мы стали рассматривать пейзажи. Светила полная луна и в ее голубоватом свете проплывали спящие поселки, роши раскидистых деревьев и покрытые дымкой тумана пологие зеленые холмы, воспетые Хемингуэем. На восходе солнца, свернув с автостреды Момбасса — Найроби на грунтовую дорогу, подъехали к большим воротам, сложенным из коричневых камней. Ни заборов, ни запретных знаков. Одни только ворота посреди огромного пространства. Но все равно мы чувствовали, что именно за ними начинается удивительная и таинственная саванна.

И вот ворота открылись; мы въехали на территорию национального заповедника Цаво, о чем свидетель-

ствовала табличка, укрепленная на груде камней. В полной кино-фотоготовности мы медленно двигались по дороге, беспокойно озираясь и вглядываясь вдаль. Прошло минут пятнадцать напряженного ожидания. Вокруг — выжженная солнцем коричневая земля, поросшая кое-где колючими кустарниками и жесткой травой. Изредка красными глыбами высились термитники. В голубом мареве виднелись горы. Зверей не было!

Филиппо почувствовал наше уныние и с удвоенной энергией стал крутить головой и даже высунулся из кабины. Неожиданно он издал восторженный вопль, и автобус резко остановился. Когда пыль рассеялась, Филиппо ткнул пальцем в сторону жидкой рошицы деревьев и прошептал: «Страус!..» Как он его почувствовал, мы так и не узнали, даже в мощные телеобъективы разглядеть птицу мы смогли с большим трудом. Это был настоящий страус!

Выходить из автобуса запрещено. И нас очень обрадовало, когда Филиппо, нажав рычаг, сдвинул назад крышу машины. Мы тотчас вылезли наружу почти по пояс. Сделав из вежливости два-три снимка, мы приготовились двигаться дальше, но Филиппо стал осматриваться. И вдруг хлопнул в ладоши, и машина рванулась, а мы попадали на сиденья. «Элефант, элефант!» — бормotal шофер, нажимая на акселератор. Его уверенность постепенно передавалась и нам. Семь пар глаз напряженно осматривали каждую точку на горизонте.

Слоны появились все-таки неожиданно. Филиппо подкрался к ним с подветренной стороны, и они заметили нас, когда расстояние между нами не превышало ста метров. Насладившись достигнутым эффектом, Филиппо милостиво разрешил нам снимать. Треск кинокамер заглушил все звуки саванны. Слоны, видя, что мы перестали приближаться, вновь занялись обглаживанием молодых



деревьев и даже подошли немного ближе. Кто-то неосторожно спросил Филиппо: «А нельзя ли подыхать к ним еще чуть-чуть?» — «А не боитесь?» Уже в следующую секунду мы дружно стукались плечами и головами о кузов. Автобус мчался, не разбирая дороги, прямо на слонов. Животные спохватились и бросились удирать. Но куда там! Могучие слоновьи тела уже не входили в объективы самых широкоугольных камер. Следующей нашей «жертвой» стали милые и грациозные антилопы, спокойно жевавшие траву в тени деревьев. Присутствие людей их мало смутило, и мы вдоволь «нащелкали» общих и крупных планов.

Аппетит разгорался. Боевой клич «Даешь носорога!» увлек нас в густые заросли кустарников. Нормальная машина на этой дороге развалилась бы, но специальный автобус упорно прыгал на рывках и солончаках. Мы успели порядочно намять бока и набить шишек, прежде чем самый зоркий из нас заметил на горизонте предмет наших воледеланий. Осторожно мы подъезжали к носорогу, спокойно пасшемуся в траве. С замирающим сердцем, конечно, только с подветренной стороны, удалось приблизиться к нему метров на пятьдесят. Носороги плохо видят и, вероятно, поэтому, неожиданно заметив нас, он вдруг опустил голову и с поразительной скоростью бросился к автобусу, чтобы проверить, кто это мешает ему спокойно жить. Момент был действительно напряженный. Еще до поездки мы часто обсуждали возможные встречи с дикими животными. Опасная ситуация разворачивалась с кинематографической скоростью, а мы были ее участниками. Все замерли. Шофер судорожно дергал рычаг переключения скоростей, пытаясь дать задний ход...

Носорог, наконец, резко остановился. Мы схватились за фотоаппараты. Хорошо были видны его ма-

ленькие без ресниц глаза и два рога: один большой, с шерстинками, следами былых боев, а другой поменьше и не такой острый. На спине носорога сидели две маленькие птички и деловито выклевывали из его шкуры мелких паразитов. Полминуты спустя, удостоверившись, что мы не враги, носорог важно повернулся и, виляя хвостиком, трусцой направился в заросли. Еще несколько секунд мы сидели молча, а потом началось бурное излияние чувств.

Далее все закружилось. Знакомые с детства животные предстали перед нами в своей родной стихии. Пугливые зебры с храпом и топотом уносились прочь при нашем приближении. Страусы с облезлыми головами, с высоты своего роста, с не меньшим удивлением рассматривали нас. Дикие африканские кабаны бородавочки мчались с визгом и хрюканьем наперегонки с автобусом, подняв вертикально свои тонкие и длинные хвосты, подобно антеннам на машинах такси.

Совершенно поразили нас движения жирафов. Гиганты, весящие более тонны, чрезвычайно плавно и грациозно бегают, отрывая от земли сразу все ноги и перебирая ими в воздухе.

В поисках льва мы более двух часов носились по руслам высохших рек, пробирались по диким зарослям и буксовали в болотах. Филиппо таинственно подмигивал, прихвывая и время от времени доверительно сообщал: «Пахнет львом!» К сожалению, львов мы не нашли, зато получили полное представление о водительском мастерстве нашего гида. В довершение всего Филиппо тихонько подвез нас к поляне, где, по достоверным сведениям, якобы вчера вечером пировал царь зверей... Мы сначала поверили ему и, внутренне содрогаясь, приготовились увидеть кровавые останки, но потом долго хохотали, когда рассмотрели под деревом аккуратно

свернутую, выделанную и перевязанную веревкой шкуру жирафа. Лев, даже самый образованный, на такие штуки явно не способен!

Расстроенный Филиппо, чтобы как-то компенсировать отсутствие львов, повез нас скорее обедать. Еще издали, на склоне высокого холма мы увидели живописно расположенные отель и ресторан. Они построены в современной манере, но с большим вкусом стилизованы под африканские постройки. Обед для нас уже был приготовлен и, по общему мнению, впечатления от экзотических фруктов и блюд совершенно равноправно встали в ряд с основными событиями этого дня.

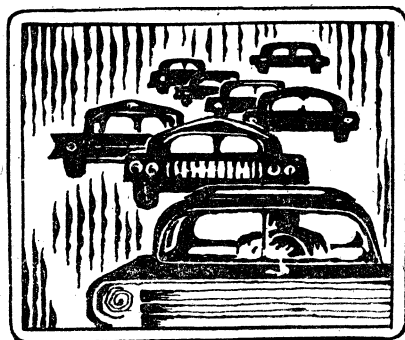
В порт мы возвращались в сумерках. Красно-фиолетовый закат и неповторимые ароматы растений создавали спокойное и приятное настроение, очень подходившее нам после пережитого. Все устали. Хотелось скорее забраться под душ и смыть красную пыль несравненной саванны...



ПЕРВЫЙ ПРОДУКТ

Воздух — первый продукт. В самом прямом смысле слова — первый. Человек может пять недель прожить без воды и лишь пять минут без воздуха. Пищи и воды в сутки нам нужно два-три килограмма, а воздуха — двадцать пять килограммов. Общая площадь легких среднестатистического человека равна ста квадратным метрам, а для дыхания, для жизни одному человеку требуется пять-десять квадратных метров леса. Много над нами воздуха... Растения суши и океана ежегодно выделяют не менее четырехсот миллиардов тонн кислорода. Дыши, землянин, от всей души! Воздуха, кажется, так много, и утечка его в космос ничтожно мала, надо ли беспокоиться за нашу великую атмосферу?

Надо беспокоиться! Некоторые ученые пророчат, что на всей Земле может стать душно, как в Токио, ведь количество кислорода на планете уменьшается ежегодно на несколько миллиардов тонн. В нашем веке просто-таки неистово расходовался кислород, его использовано за семьдесят пять лет столько же, сколько за миллион лет. Уж очень большой «костер» мы развели: каждый год во всем мире сжигается более двух миллиардов тонн угля. А если бы сразу сжечь весь уголь,



нефть и газ Земли, понадобилось бы десять земных атмосфер. Остро необходимо искать, и человечество находит новые, неогненные способы добычи энергии — например, на атомных электростанциях или с помощью солнечных батарей. Пока же беда: количество углекислого газа в атмосфере поднялось с начала века более, чем на десять процентов. Один легковой автомобиль образует в сутки до одного килограмма вредных газов. Вообще, автомо-



биль — главный губитель воздуха, и таковым он перестанет быть лишь тогда, когда обретет электрический мотор.

Еще факты, как люди не берегут воздух... Мощнейшая электростанция в американском штате Нью-Мексико ежедневно извергает в небо четыреста тонн механических частиц и триста тонн окислов серы. А в самых грязных местах Японии в кубическом километре воздуха летает несколько тонн пыли — это уже страна не восходящего, а заходящего солнца. Во всей земной атмосфере постоянно находится не менее девяти миллионов тонн твердых частиц. А частицы в поперечнике один микрон падают с высоты пять километров несколько недель. Пыль до



небес поднять легче легкого, а вот ловить ее люди еще только учатся...

В небе теперь летают и металлы. К примеру, свинец. В моря Северного полушария ежегодно выпадают тысячи тонн свинца. Это выдох автомобильизированной Европы. Миллионы тонн пыли, угарного газа, сернистого ангидрида и окислов азота висят каждый год над ФРГ. В пыли и газах, которые исторгает мировая промышленность, медики насчитывают около двухсот вредных веществ. Вся таблица Менделеева в небе! Из-за грязного воздуха стацию Свободы в Нью-Йорке приходится регулярно чистить... В нашей стране гигиеническое нормирование распространяется на сто шестьдесят вредных веществ, загрязняющих атмосферу. Первые автоматические станции, контролирующие воздух, установлены в Ленинграде, в Запорожье, в Киеве, в Москве, в Кемерово.

Чистота стоит немалых денег, хотя, конечно, нет ничего дороже здоровья людей...

...Поищите пословицу, поговорку, прибаутку ли о воздухе — не скоро найдете. Чист был воздух во все времена, значит, его как бы не замечали люди, как не замечаются здоровые легкие...



Сколько же воды на планете? Некоторые ученые благодушно полагают, что ее достаточно, по крайней мере, на двадцать миллиардов человек. Только озер в нашей стране более двухсот тысяч, а рек на всей Земле около четырех миллионов. Да еще твердая вода. Льды — это почти семьдесят процентов всех земных пресных вод. Бывают куски льда едва ли не больше, чем сами страны, испытывающие жажду. Самый большой айсберг, увиденный в Антарктиде, имел размеры 180 на 180 километров. Лыдина побольше Бельгии! Это вода, что у всех на виду, на поверхности планеты. Но и внутри земного шара, до глубины восьмисот метров, ее так много, что все реки должны были бы течь сто лет, чтобы заполнить этот объем. Только под Казахстаном разведанные запасы воды равны многим объемам озера Балхаш. Сколько же в нашей стране проваливается под землю воды в одну секунду? 30 тысяч кубических метров. Это величина так называемого подземного стока вод СССР.

Где еще можно испить водицы? Водохранилища... Их общая площадь в стране уже составляет десять процентов площади всех естественных водоемов, это около ста тысяч квадратных километров. Еще где есть вода? В живых организмах ее более миллиона кубических километров. Разговор о запасах пресной воды, может быть, стоит завершить скромной цифрой — всего-то ее, питьевой водицы, меньше полпроцента объема водной оболочки Земли. Как ее надо беречь!

Один ученый сказал, что историю человечества нельзя понять, не учтя меняющегося отношения людей к воде. Много ли ныне мы трагит воды?

Общемировое потребление ее грандиозно. Безвозвратно расходуются около процента устойчивых ре-



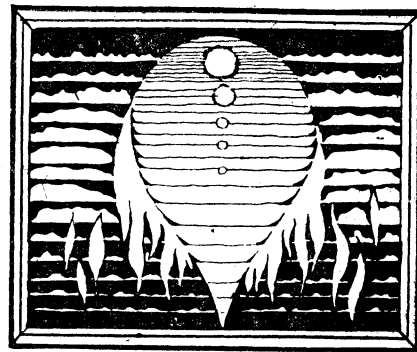
КАПЕЛЬКА ВСЕЛЕННОЙ

сурсов пресных вод. В таком случае ненадолго же нам хватит «аш два о». За годы Советской власти в стране расход воды на одного жителя увеличился в 13 раз — ныне это в среднем 160 литров в сутки. К концу века эта цифра удвоится или утроится. Промышленность, хоть и учится гонять воду по технологическому кольцу много раз, а значит, умеряет свое водопотребление, но все же в будущем заводы будут потреблять гораздо больше воды. Причина проста: число заводов увеличится. Два примера современного водопотребления. Для изготовления кружки пива необходимо пять литров воды, а чтобы получить тонну искусственного шелка, надо «пролить» 940 тонн воды. Сельское хозяйство — тоже могучий водохлеб. Гектар кукурузы «выпивает» миллион литров влаги, гектар капусты — 8, а гектар риса — 20 миллионов литров.

Среднегодовой сток уральских рек составляет 127 кубических километров, 11 таких «кубиков» идет на нужды народного хозяйства. Население тратит один «кубик». Воды на Урале немало, но ее не хватает. Реки текут «неудобно», не там, где крупные города и предприятия. Поэтому решено построить в наших краях более пятидесяти водохранилищ.

Теперь не о том, сколько в наш век тратится воды, а как она тратится. Есть такая цифра: 200 миллионов человек в мире лишены чистой питьевой воды. Да, трудно вернуть воде, побывавшей в городе, первозданную чистоту. А испортить воду легче легкого — литр нефти исключает из питья миллион литров воды. Ежегодно у побережья США регистрируется около десяти тысяч случаев утечки нефти. Реки становятся огнеопасными... Уже горели, например, река Куяхога и Хьюстонский канал.

На Земле ежегодно образуется полмиллиона кубических километров сточной воды. За этой цифрой рой печальных фактов... Так куда ж не-



сет нас рок событий? А, может, никакого рока и нет. Лишь в 1973 году в нашей стране введено в действие 1700 комплексов очистных сооружений, которые перерабатывают в сутки 13 миллионов кубометров воды. Уже с десяток лет назад впервые в мировой практике на заводе «Красное Сормово» был применен метод охлаждения кристаллизатора установки непрерывной разлики стали испарением. Расход воды сократился в 60 раз. Это пример технологии, щадящей природу. Возможен и четкий контроль за состоянием рек и озер. В Канаде 700 автоматических станций сообщают по радио о состоянии озер. Сведения принимаются в центре внутренних вод и записываются там на магнитную пленку, а затем переносятся на карточки. Из банка информации любая карточка может быть извлечена в любое время. Этот центр слежения за качеством воды — один из лучших в мире по технической оснащенности. Система приборов уже следит и за чистотой Москвы-реки.



СЕВЕРКА И ЕЕ ПРИМЕТЫ

**Борис
РЯБИНИН**

Станция Северка... Это полчаса езды на электричке от Свердловска в сторону Перми. Толпы горожан — мужчины, женщины с ребятишками, молодежь с рюкзаками и гитарами — вываливаются из вагонов и, растянувшись длинной вереницей, веселой шумной гурьбой шагают через поселок — туда, к озеру Песчаному...

Северка и ее окрестности — излюбленное место активного отдыха свердловчан. Еще с вечера в пятницу начинают прибывать жаждущие на время отрешиться от городского шума и толчеи, в субботнее утро прилив достигает своего апогея, а к вечеру в воскресенье начинается отлив...

А места и вправду дивные.

Прямо над станцией нависает причудливый гребень — Северские каменные палатки. Они начинаются сразу за пристанционной улицей, их можно видеть уже из окна вагона. Как обычно, это сочетание серых округлых глыб с бронзовостольными стройными сосенками, уходящими вершинами в небо; кажется, верхушки их касаются облаков. А внизу по склону избегают домики северских старожилов, не хотят отстать от сосен. К сожалению, у многих сосенок усыхают вершины, окружающий лес имеет угнетенный вид — сказывается посещение туристов, нагрузка превосходит возможности природы.

Северские палатки тоже в списке охраняемых объектов, хотя на деле никто их не охраняет. Говоря ученым

языком, это геоморфологический памятник природы, сложенный грано-диоритами, каменной разновидностью, близкой к граниту, но содержащей больше полевых шпатов и слюды, отчего эта горная порода больше подвергается разрушению, образуя не «матрацы», а округлые глыбы. Если приглядеться внимательнее, то многие глыбы покрыты мелкими и большими впадинами-ячейками. Это «котлы выдувания», следы ветровой эрозии. Высота скал от поверхности земли от 15 до 30 метров. Но мы не задерживаемся здесь. Вместе с толпой туристов и отдыхающих проследуем мимо поставленных в одну линию домов лесхоза и дендрологического парка УЛТИ — Уральского лесотехнического института, кстати говоря, также входящего в список примечательных объектов Северки. На территории парка собрано много лесных культур, редких, в том числе и вымирающих, растений. Пять километров живописной дороги вперегонки с тихоходами (впрочем, таких мало, все торопятся поскорее преодолеть это расстояние), и в проеме за деревьями сверкнула чистая водная гладь — Песчаное, гидрологический памятник природы, а попросту, очаровательный уголок Урала.

Озеро невелико — 40 гектаров, но густо обстроено базами отдыха, пионерскими и студенческими лагерями, из коих самый большой и благоустроенный спортивно-оздоровительный лагерь УПИ (Уральского политехнического института имени С. М. Кирова).

Озеро лежит, как в чаше, среди невысоких гор, поросших сосняком вперемежку с березником; с севера над ним круто вздыбилась гора Пшеничная, с других сторон теснят Липовка и Безымянная; только на западе — низина, там наступает болото. В том краю в разгаре лета целые поля белых лилий (к сожалению, с ними беспощадно обращаются отдыхающие, нарвут громадные пучки, а потом тут же на берегу выбросят: сорванная лилия — пора бы знать! — быстро вянет и умирает). Осенью на болото тянутся за клюквой. В озере много сапропеля, а вода содержит родон, поэтому здешнее купание связывают с лечебными процедурами. Озеро проточное, ручей Темный и речка Березовка — вон она, журчит весело, вытекая из озера! — словно промывают его, и потому вода чистая, ничем не загрязненная. Дно — мелкий шелковистый песочек (потому и назвали — Песчаное), только кой-где илистое, но и там ил взметнется, если тронуть его, и уляжется, и снова солнечные лучи просвечивают толщу воды до дна. Озеро неглубокое, води в воду, не бойся — понижение постепенное; самая большая глубина 3,5 метра.

В озере водится рыба, потому всегда много рыбаков. Высота над уровнем моря — 300 метров. У Песчаного — заказник, всякая охота воспрещена.

Не хочется покидать озеро...

От Песчаного дорога поворачивает резко вправо. Пересекаем линии ЛЭП. Кордон Мотаиха. Здесь живут студенты, построены жилой корпус, столовая. Студенты УЛТИ проходят

практику по таксации. А кроме них никого. Не встретишь живой души. Уваловское лесничество, ни одного населенного пункта.

Начался подъем. Машина с шофером осталась внизу, а мы, время от времени останавливаясь, чтоб перевести дух, по склону, поросшему редким сосняком, взбираемся к **Чертову Городищу** (см. «Уральский следопыт» № 10 за 1979 г.). Склон каменист, обломки камней катятся из-под ног. Уф, вот и вершина! Но это еще не конец. Еще осталась лестница, ведущая на смотровую площадку на самой высокой из скал. Штурмуем ее. Какая высота, ширь, кружится голова. Видны озера Мелкое, Исетское, Верх-Исетский пруд — светлые пятна среди моря зелени, Свердловск — молодой Юго-Западный район с его девятиэтажными зданиями; взгляд скользит по горизонту... А вон гора Мотаиха, поселок Исеть, горы Пшеничная, Хрустальная; просматривается главный Уральский хребет — граница Европы и Азии, синеватая с мягкими очертаниями, чуть подернутая дымкой, линия, то вздымающаяся вверх, то падающая вниз... Однако надо спуститься на северную сторону Городища, чтоб полностью прочувствовать необычайность и величину этого сооружения природы. Грандиозное сооружение!

Напоминает развалины средневекового замка, с башнями, бойницами. Сыро, холодно, солнце никогда не заглядывает сюда. Камни застыт небо. Отвесная каменная стена кажется делом рук человеческих или, быть может, какой-нибудь волшебной силы. Жертвенное место эпохи железного века, геолого-археологический памятник...

Укрепленное городище, право, наверное, здесь укрывались в час опасности древние предшественники наши, жившие в разбросанных во круг горы и по склонам ее селищах. По стене не взберется без веревки и опытный альпинист-скалолаз.

Обычно на Чертово Городище ходят со станции Исеть, этот путь короче. Раньше сюда ходили из Коптяков, старого кержацкого селения. О скалах знали, когда еще не было железной дороги. Однако, как

пишет исследователь И. А. Машанов, «...редкий человек до них добирался благополучно; или совсем не найдет их, или проплутает целый день». Оттого старики и говорили, что тут «нечистая сила больно играет» и «сбивает православных с пути-дороги».

Стоянка древнего человека отличается от современной тем, что там были кости, а здесь — банки и бутылки. Надоедливая деталь цивилизации и неопрятности туристов. Да еще надписи, визитные карточки «посетителей», свидетельство их неразумия и дурного воспитания. Обидно видеть все это рядом с такой красотой. А ведь геологический и археологический памятник этот также подлежит заботливой охране, и порча его карается по закону.

Теперь наш путь к скалам Петра Гронского. От станции Исеть — 3 километра. Вроде бы совсем недалеко, а добирались дольше.

Исеть — чистый новый поселок. Завод шебеночный и завод мостовых железобетонных конструкций. Цивилизация вторгается повсеместно, цивилизация наступает, значит, как же важно сохранить эти рукотворные памятники и приметы.

Скалы Петра Гронского на территории Верх-Исетского лесничества, дальше — торфяник Аятского торфопредприятия, дальше — поселок Сагра и — Аять. Надписей меньше, как ни странно, меньше ощущается воздействие человека. Ох, эти надписи... оборотная сторона всеобщей грамотности! Высота чуть меньше Чертова Городища, однако шофер Володя думал-думал и взобрался по нашим следам на своем четырехколесном вездеходе (известно: шоферы пешком ходить не любят) почти до самого подножия скал... тоже примета нашего века: сидя в автомашине — на скалы!?

Места сказочные. Возвращаясь, на половине спуска специально задержались и вышли из машины, чтоб полюбоваться, поглядеть.

Гора Котел — вот она, можно обозреть всю. Рыжанков лог... севернее Котла, уже на восточном склоне; оттуда начинается Черная речка. Атаман Рыжанков — легендарная

личность, защитник простого народа. Где-то в этих же краях могила инокка Макария. На берегу Черной речки жил в землянке, гласит молва. Жил с 1711-го по 1828 год. Век славный — больше ста лет. Говорят, могила сохранилась до наших дней. Кто-то раскопал, видели: здоровый мужик.

А откуда название — скалы Петра Гронского?

Был на Верх-Исетском заводе рабочий Петр Гронский, герой, участник гражданской войны. Теперь уж тоже стало преданием: у скал в потаенных местах революционеры-рабочие прятали оружие, здесь они готовились к выступлению против ненавистного царского режима. К слову, скалы Петра Гронского почему-то отсутствуют в списке памятников, утвержденном Свердловским облисполкомом. Надо их внести туда.

Самый отдаленный — Соколиный Камень, он в другую сторону от Северки. Утверждают, что по форме Камень напоминает птицу: если найти такую точку обзора, то похоже на сокола, готовящегося к взлету. Отсюда и название. Здесь тоже выходы матрацевидных гранитов, но более острых и не сплошной стеной. Рядом шумит речка Северка, Соколиный Камень на левом берегу.

Здесь мы и закончим наше путешествие по приметам Северки.





Степные вепри

Приуралье чарует бескрайними степными просторами. В пойме реки Урала есть и лес, где живут теперь прикочевавшие с севера лоси и косули. У степных озер прижился кабан. Этих хитрых, увертливых зверей с каждым годом становится все больше. В Уральской области ныне существует три заказника, два охотхозяйства и двадцать семь спортивно-охотничьих хозяйств, где только и разрешается охота.

На снимках: стадо кабанов у озера Жалтыркуль; спасенный в день пожара поросенок привык к егерю Николаю Агафонову и к ночи подходит на кордон подкормиться...

Фото и текст
Ивана ПРОКОПЕНКО



АЛТАЙ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ...

**Владимир
ЯКОВЛЕВ**

«Это музыка природы!» Такими восторженными словами отзывался об Алтае в прошлом веке художник Е. Мейер — воспитанник Петербургской Академии художеств. Алтай и в наши дни не утратил своей прелести. Здесь расположен один из самых крупных в стране заповедников. Его площадь — 8 639 квадратных километров. Горные цепи Шапшальского и Абаканского хребтов ограничивают его с востока. На западе границу «провела» река Чулышман, которая, по словам того же Мейера, «...страшно клокоча, летит огромным змеем, блестя серебряной чешуею» и соединяет озера Джулукуль и Телецкое. Чулышман собирает воды многочисленных притоков — Каракем, Шавла, Чульча, Башкауз, Кайра. Характерные для горных рек пороги, бурные перекаты, каскады водопадов вызывают особое впечатление во время таяния снега на гольцах. Много на Алтае озер. В тайге, в горах и в высокогорной тундре. Эта тундра занимает в заповеднике более половины его площади, примерно треть территории покрыта лесами и сравнительно немного остается на долю высокогорных лугов, а также степных и полупустынных участков.

Северная часть заповедника — самый теплый район Западной Сибири. На прилегающих к Телецкому озеру террасах высажен опытный сад заповедника, который ежегодно приносит богатые урожаи яблок, груш, слив, черноплодной рябины. Кстати, самое холодное место в Западной Сибири также находится на Алтае, а именно — в Чуйской котловине.

Тайга — главное богатство заповедника. Характер ее меняется по мере продвижения с севера на юг. Строгие пихты вытесняются лохма-

тыми кедром, которые, в свою очередь, заменяются лиственницей. Лесные поляны зарастают высокотравьем, с головой скрывающим и пешего, и конного. Высокогорные же луга поражают пестротой. Яркие цветы в самом начале лета на фоне снега выглядят эффектно.

Животный мир заповедника очень разнообразен. Здесь встречается 70 видов млекопитающих, около 300 видов птиц, 5 видов рептилий, 2 вида амфибий. В Телецком озере живет 13 видов рыб. Из млекопитающих наиболее многочисленны марал, кабарга, соболь, медведь. Широко распространены лось, лисица, росомаха, белка, заяц-беляк. Иногда из Тувы заходит кабан. В высокогорьях Шапшальского и Абаканского хребтов на скалистых участках держится сибирский горный козел — бун. У Телецкого озера и по его притокам встречается выдра и акклиматизированная здесь в начале 30-х годов американская норка. В любой части заповедника можно увидеть ласку, горностая.

Разнообразен мир птиц. Это и огромный глухарь, и миниатюрный королек, красавец тетерев и невзрачный воробей. Многочисленные дрозды будят летом утреннюю тишину, а вечером, как маленький истребитель, пикирует над горами азиатский бекас. Выше лесного пояса в зарослях карликовой березки можно встретить белую куропатку, которая с криком, напоминающим старушечье ворчание, вдруг вылетит из-под ног, а на первом встреченном озере здесь можно увидеть крякву, гоголя, чернеть, турпана. На одном из крупнейших озер заповедника Джулукуле существует единственный на Алтае птичий базар. Здесь гнездятся чайки

живет большой баклан. Самый многочисленный отряд птиц в заповеднике — воробьиный. Их у нас 130 видов и распространены они в горах от подножия до вершин.

Небогато по видовому составу население водоемов. С бурным течением горных рек может справиться только хариус. Лишь он проникает до самых верховий. Ближе к устью появляются щука, окунь, ленок. Особого внимания заслуживают рыбы Телецкого озера. Это таймень, хариус, щука, окунь. Причем, два вида — телецкий сиг и сиг Правдина — найдены только в этом озере.

Семнадцать видов животных, обитающих на территории Алтайского заповедника, внесены в «Красную книгу» СССР. Это горный баран архар, снежный барс, алтайский улар, лебедь-кликун, горный гусь, гусь-сухонос, краснозобая казарка, черный аист, дрофа, фламинго, беркут, скопа, бородач, балобан, орланы белохвост и долгохвост, сапсан.



Кто такие, кто такой?

Супруги Васановы — Людмила Николаевна и Константин Филиппович — свердловские учитель и врач. Теперь они на пенсии. Более сорока лет собирают они загадки — фольклорные и литературные. Темы загадок — животный мир, растения, явления природы, вещи домашнего обихода, техника.

В картотеке Васановых — уже 24 тысячи загадок.

Людмила Николаевна бывает в школах, в пионерских лагерях и знакомит детей с сокровищами русского языка. Школьники приходят в гости к собирателям народной мудрости.

Предлагаем читателям «Уральского следопыта» частицу из обширного собрания Васановых.



Млекопитающие

1. Ночь летал, а днем повис
Головой ушастой вниз.
2. Схож с собакой, чуть седой.
Аккуратный хищник.
Перед каждой едой
он полощет пищу.
3. Траву зубами косит,
В стожочки сено носит.
Запасает пищу впрок.
Вам знаком такой зверек?
4. Заплелись густые травы,
Закудрявились луга.
Ходит сам он весь кудрявый,
Даже завиты рога.

Птицы

5. Редко видятся, мало знаются.
Только изредка перекликаются.
6. Не подумай, будто спичка
Загорелась под кустом.
Это птичка-невеличка
Под кустом трясет хвостом.

7. В синем небе голосок,
Словно крохотный звонок.
8. На морозе он весь день
Добывает шишки.
У него зимой в гнезде
Вывелись детишки.
9. Поутру он что есть мочи
Мне кричит: «Покойной ночи!»
А когда ложусь в кровать,
Он зовет: «Пора вставать!»
10. Он летит с болота к нивам
С громким криком: «Чи вы,
чи вы!»

Насекомые

11. Я в шубе летом жить хочу,
Мне шапка — дом хороший.
Когда я в комнату влечу,
Мне хлопают в ладоши.
12. Из травы с зеленой кочки
Раздается странный звук.
Словно это молоточки
Выбивают: тук-тук-тук!
13. Голубой аэропланчик
Сел на желтый одуванчик.

Грибы

14. Матовый и белый-белый,
Выбелен как будто мелом,
Тронь его — услышишь скрип.
Как зовется этот гриб?



Растения

15. На пригорке, возле пня,
У ветвистой елки
Кто приветствует тебя
Розовой метелкой?
16. У реки, в осоке —
Желтенький цветок.
У него высокий,
Тонкий стебелек.
На янтарь похож он,
Ласковый на вид.
Будь с ним осторожен:
Сильно ядовит!



1. Летучая мышь.
2. Енот.
3. Сеноставка.
4. Баран.
5. Перепелка.
6. Горихвостка.
7. Жаворонок.
8. Клест.
9. Попугай.
10. Чибис.
11. Моль.
12. Кузнечик.
13. Стрекоза.
14. Скрипун.
15. Кипрей.
16. Лютик.



УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

**Рудольф
ШИПУЛИН**

Легенда

Двести лет назад,
А, может, триста
Жило-было
племя пейзажистов.
Вымерло! —
Поскольку оказалось,
Что вокруг
Пейзажей не осталось.

Истины ради

Так бывало,
Так случается,
И на этом
замкнут круг:
В споре
истина рождается,
В ссоре —
истине каюк!

Поговорке вопреки

Серьезные есть основания
В дальнейшем считать
без пристрастия
Молчанье — лишь знаком
молчания,
Согласие — знаком
согласия.



Не спеши!

И в критике
должно быть чувство локтя,
Храни его
Злословию взамен:
Не торопись класть в бочку
Ложку дегтя —
Там может оказаться
Диоген.



**Валерий
ВОРОНЦОВ**

Начитанный браконьер

Браконьер пошел лисы хитрей,
Он следит за тем,
что пишет пресса,
И себя, убив двух-трех зверей,
Причисляет к санитарам леса.

Вспоминая классиков

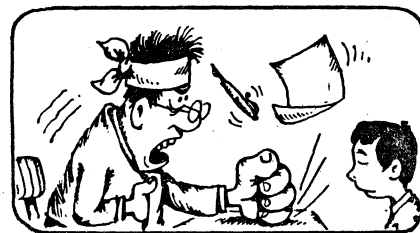


«У лукоморья дуб зеленый...»
И краской, и гвоздем каленым
На нем себя туристы чтут.
Поэтов говоря словами:
«Все промелькнули перед
нами,
Все побывали тут»,

МУДРЯШКИ

**Олег
СЕИН**

Шесть лет учил английский — и ни хт
ферштейн. Се ля ви!
Окончил школу и в ВУЗ не дует!
Укрепляя дисциплину в классе, учи-
тель расшатал свою нервную си-
стему.
Ученье — свет, поучений — тьма.
Берегите книгу — источник макула-
туры!
Любого хулигана можно перевоспи-
тать. Дайте только срок!
Крылатые слова: в одно ухо вле-
тают, в другое — вылетают.
Трагедия: родилась в рубашке, ко-
торая вышла из моды.



**Владимир
ЛАТУШОВ**

Выписки из сочинений старшеклассников

Оптимизм Давыдова идет дальше
Гремячего Лога.

Ларра — сын орла и женщины, а
Данко — сын народа.

Горький развинчивает Луку в своей
пьесе.

Они покрыли себя несмываемой
славой.

На поле брани были слышны крики
и стоны мертвецов.

Андрея и Пьера всю жизнь мучат
вопросы, а Наташа и княжна Мери
рождены с ответом.

Петр соскочил с пьедестала и по-
бежал за Евгением, цокая копы-
тами.

Тургенев убивает своего героя и от-
носит к «лишним людям».

Внутренний конфликт героев между
собой.

Рисунки Н. Крутикова



Был такой журнал...

Несмотря на огромную занятость в тяжелые дни гражданской войны Владимир Ильич Ленин находил время для посещения военных госпиталей. В воспоминаниях А. С. Семенова рассказывается о том, как В. И. Ленин и И. К. Крупская побывали в госпитале № 151. Тогда Ленин и предложил учредить специальный журнал — «Раненый красноармеец». В. И. Ленин написал для

первого номера специальное обращение — «На помощь раненому красноармейцу!»

Сначала журнал издавался в госпитале № 151, потом его выпускало Политическое управление Красной Армии, и журнал стал всероссийским.

Борис ЕФИМОВ.



Пятиконечная звезда

Пятиконечная красная звезда — символ Вооруженных Сил Страны Советов — впервые появилась весной 1918 года на обмундировании бойцов Московского военного округа. В центре ее было изображение плуга и молота. Автором этой эмблемы был комиссар Н. А. Полянский.

Плуг и молот на эмблеме Рабоче-Крестьянской Красной Армии весной 1922 года были заменены изображением серпа и молота.

С образованием Союза Советских Социалистических Республик пятиконечная звезда вошла в герб страны.



Награда, ставшая реликвией

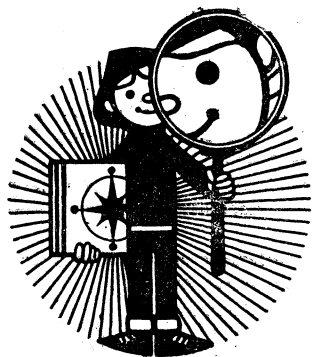
Скульптурный портрет выдающегося деятеля мирового коммунистического и рабочего движения Георгия Димитрова установлен в музее костромской средней школы № 18. Любопытна история этого экспоната.

Четыре десятилетия назад его получил в качестве награды за победу в соревнованиях юных авиамоделистов школьник Женя Москвин. Незадолго до этого события Георгия Димитрова костромичи избрали своим депутатом в Верховный Совет СССР. Он приезжал

в Кострому, выступал на городском митинге, бывал в гостях у пионеров.

Сорок лет хранился бюст Георгия Димитрова в семье Москвиных. Это дорогая память и о первом костромском депутате, и о Евгении Москвине, героически погибшем в 1943 году в боях с фашистскими захватчиками. Теперь скульптурный портрет Димитрова передан на вечное хранение коллективу лучшего школьного клуба интернациональной дружбы.

Виталий ПАШИН.



МИР

НА ЛАДОНИ



«Фото А. С. Попова»

В 1894 году в Богословске (ныне город Карпинск) состоялся съезд семьи Поповых. Старейшина рода — Степан Попов, священник уже в девятом поколении, всех детей своих вывел в люди.

Празднество было представительным. Сохранились фотоснимки этого события. И снимки были отличными по качеству,

потому что делал их специалист своего дела Александр Степанович Попов.

В 1887 году Русское физико-химическое общество готовилось к изучению полного солнечного затмения. Экспедиции были посланы на Урал и в Сибирь. А. С. Попов выехал в Красноярск. Молодому ученому было поручено ответственное задание — фотометрические измерения и фотографирование солнечной короны. Он сконструировал специальное устройство для фотографирования короны.

В отчете экспедиции было записано: «Лица, наблюдавшие явление с открытого места, особенно те, у которых развито в сильной степени эстетическое чувство, как например, художник Суриков, были поражены и потрясены виденною картиной. «Увидел — точно на том свете побывал, — говорил нам художник, — это нечто апостольское, апокалипсическое, это смерть, ультрафиолетовая смерть!» Он не был в состоянии набросать эскиз, бросил кисть и удивлялся потом, как ученые хладнокровно могут наблюдать подобное явление».

В 1896 году А. С. Попов одним из первых в России стал заниматься опытами фотографирования невидимых предметов по способу Рентгена. Установку сконструировал сам. С результатами выступил на лекции, которая, как сообщал «Кронштадтский вестник», «имела огромный успех и привлекла такую массу публики, какой давно не было не только на лекциях, но и на музыкальных вечерах».

Изобретатель радио был, оказывается, и известным фотографом своего времени. На снимке: «Дети». Фото А. С. Попова.

Евгений БИРЮКОВ.

К нашим читателям

Редакция журнала «Уральский следопыт» предлагает учредить ежегодный приз-премию за лучшее произведение советской фантастики. Мы обращаемся к любителям этого жанра, ко всем читателям с просьбой помочь нам дать приз достойное наименование, символ-девиз. Наименование должно быть кратким, желательнее из одного слова, оригинальным, отражать специфику жанра. Срок присылки ответов до 1 мая 1980 года. Победителя конкурса ждет книга с авторским автографом.



Первой была «Сильва»...

В первые же месяцы Великой Отечественной войны правительство эвакуировало в тыловые районы страны лучшие наши театры, киностудии, столичные организации писателей, художников, композиторов. В глубоком тылу работало несколько студий художественных фильмов, а «столицей» советской кинематографии временно стала Алма-Ата.

Летом 1942 года вышло постановление об организации на Урале кинофабрики, а в марте 1943 года в клубе строителей, в двух комнатах на первом этаже начала свою работу Свердловская киностудия художественных фильмов. Начались съемки художественного фильма «Сильва».

«Сильва», один из шедевров венгерского композитора Имре Кальмана, впервые увидела свет в 1916 году, и нет такого музыкального театра, который бы не ставил ее снова и снова.

Главные роли в фильме исполнили молодые актеры Зоя Смирнова-Немирович (Сильва) и Нияз Даутов (Эдвин). Надо сказать, что оба они больше в кино не снимались. Н. К. Даутов, народный артист РСФСР, сейчас главный режиссер Татарского государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля в Казани. В «Сильве» снимались также известные свердловские театральные актеры — С. Дыбчо (князь Воляпюк), Г. Кугушев (Ферри) и популярнейший московский артист С. Мартинсон (Бони).

13 ноября 1945 года фильм вы-

шел на экран. «Сильва» имела большой успех. Картину посмотрели миллионы зрителей. Ее показали и за рубежом, в том числе на родине автора оперетты. Имре Кальман, узнав об этом, писал из Нью-Йорка, куда он эмигрировал, спасаясь от фашизма: «Я горжусь и радуюсь тому, что советское киноискусство принесло нам в Будапешт — город, тяжело пострадавший от фашистской оккупации и войны, мою скромную оперетту».

Много лет прошло с тех пор, немало художественных фильмов создано на Свердловской киностудии. Но «Сильва», пожалуй, самая дорогая, забываемая картина: ведь она была первой.

Семен СОСЕДОВ.





У каждого — свой полюс

Семеро на лыжах достигли Северного полюса. Один из них — Вадим Давыдов, уроженец города Нижнего Тагила, заместитель главного врача московской больницы, доктор экспедиции.

Наш корреспондент задал Вадиму вопрос:

— Есть ли у человека, одержимого желанием попасть в Арктику, возможность осуществить свою мечту?

— Да, есть, — был ответ.

Весь вопрос в том, что для этого надо. Очень немало надо. За время почти десятилетней подготовки экспедиции через нее прошло сто двадцать человек — осталось лишь восемнадцать. А ведь каждый из приходящих говорил: «Хочу на Северный полюс!»

Начнем с того, что у всех участников экспедиции — семья, работа. Тем не менее, каждый ежедневно идет на тренировки. Совершенно необходимые в группе виды спорта: спортивный туризм, бег; кроме того, у всех есть и свой любимый вид спорта. Ни вечера свободного, все подчинено цели. Только в воскресенье каждый старается взять с собой на тренировки жену, детей.

Из всех участников экспедиции только один — не разрядник. Все остальные — мастера спорта; это не профессия — к стати, профессиональный подбор в группе в значительной мере случайный: математик, врач, гидростроитель, радиоинженер. Но это немаловажно. Физическая подготовка обязательна для всех. И не просто заурядная (от природы силен), а именно отличная спортивная закалка, натренированность. Для Арктики это необходимо в первую очередь, хотя бы потому, что минусовая разница там между «улицей» и домом-палаткой составляет всего пять градусов.

Подготовка к путешествию на полюс велась десять лет. Если соизмерить с будничными житейскими заботами, хлопотами и обязанностями, то станет ясно, почему не каждому суждено было довести мечту до воплощения. Надо уметь ждать, надо набраться терпения и очень верить в успех. Если хочешь добиться мечты — будь ей по плечу!

...Так можно ли дойти до Северного полюса?

Вадим Давыдов до него дошел. На снимке: Вадим Алексеевич Давыдов.

Фото В. Степанова

Картофель с неба

Жители небольшого английского городка Норфолк были озадачены неожиданным снегопадом — снежинки не таяли. Обнаружилось: с неба падали картофельные хлопья.

Из-за поломки оборудования на местной фабрике в трубу вылетело пятьдесят тонн картофельных хлопьев.

В. ГРИГОРЬЕВА.



Что такое карат?

Когда нашим далеким предкам требовалось взвесить малое количество того или иного вещества, они не ставили на чаши весов гиришки по той простой причине, что таковых тогда не было. В качестве весовых эталонов они применяли семена различных растений. Фармацевты, например, использовали зерна черного перца. На востоке разновесами служили зерна пшеницы, ячменя, риса. Были созданы и таблицы весовых соразмерностей. Например, единица «рисовое зерно» равнялась 25 горчичным зернам.

Долго думали древние ювелиры, что бы такое выбрать в качестве весового эталона для взвешивания драгоценностей. В качестве такой меры было предложено семя рожкового дерева. Стручок этого дерева древние греки звали «keration». Позже, трансформируясь, это слово превратилось в арабское «сарато».

В Древнем Египте 24 карата равнялись 72,222 грамма, или 1/72 египетского фунта. Археологам среди предметов древнеегипетской культуры попадались стеклянные шарики, которые, видимо, играли роль первых гирек. Выполнены они были с довольно большой точностью и равнялись 0,195 грамма, то есть одному карату с небольшой погрешностью.

Когда пришла новая пора и появились новые методы взвешивания и определения массы вещества, единица, названная каратом, сохранилась, и сегодня она по-прежнему в ходу у ювелиров и гранильщиков драгоценностей.

Метрический карат, установленный Четвертой генеральной конференцией по мерам и весам (Париж, 1907 год) и принятый в СССР с 1922 года, равен 200 миллиграммам.

Валерий РОЩАХОВСКИЙ.

Атомная плавбаза

Польские судостроители работают над проектом новой плавбазы с атомным реактором. Длина будущего судна — 220 метров, ширина — 40 метров, водоизмещение — 30 тысяч тонн. Два крыла раздвоенной кормы этого гиганта образуют своеобразную гавань, где рыболовные суда могут укрыться от непогоды.

Завод, размещенный на плавбазе, сможет перерабатывать до 1 000 тонн рыбы в сутки. Здесь же будут склад готовой продукции, дом отдыха на 700 мест, столовая, клуб, кинотеатр...



Жил-был чайник...

Простой в производстве, недорогой, удобный в обиходе, чайник-самовар из блестящей латуни, украшенной чеканным рисунком. А появился он более двухсот лет назад, еще в 1760 году, на одном из уральских демидовских заводов.

Пройдет много-много лет, и в каталоге Государственного Исторического музея будет сделана запись: «Особый вид сосуда — сфероидальный чайник с перекидной ручкой и с приспособлением для нагревания...»

Вот оно, это приспособление: на снимке хорошо видна труба внутри чайника, а в донце у него есть отверстие для поддува. Применялись такие чайники для кипячения воды, а также для приготовления вкусного, ароматного напитка — сбитня. Отсюда и название демидовского чайника — сбитенник.

Подобный чайник для XVIII столетия был своеобразной новинкой. По-прежнему на отечественных заводах изготавливали традиционные виды посуды допетровских вре-

мен — братины, ендовы, четвертины, но в обиход постепенно входила посуда, отвечавшая требованиям нового быта. И не обходилось уже русское застолье без чайников, чайниц, кофейников. Небольшие латунные коробки с откидными крышками производства тех же уральских мастеров часто служили сахарницами.

Выделявалось все это добро из красной и зеленой меди или латуни и обязательно лудилось внутри, чтобы не грозило домашней утвари окисление. Особенное внимание обращали на художественную отделку поверхности каждого металлического изделия. Готовую посуду метили клеймом: какой завод, год выпуска и мастер-изготовитель. И не только у местных жителей пользовались большим спросом уральские медные чайники, самовары-сбитенники, кофейники — вывозили их в Москву и Петербург, отправляли за границу.

Сегодня старинные медные изделия уральских заводов по праву заняли видное место среди предметов русской художественной культу-



ры. Одна из самых богатых коллекций этой бытовой утвари находится в Государственном Историческом музее.

На снимке: сбитенник. Латунь, Демидовские заводы, 1760-е годы.

Зоя АФАНАСЬЕВА

Воюют

деревья

На одной из улиц свердловского поселка Уктус стоит береза с очень странными длинными ветвями... В соседнем палисаднике растет ель — конкурент березы в борьбе за место под солнцем.

Обычно теневыносливая ель догоняет по росту березу и вытесняет ее. И береза отращивает ветви-плети, которыми охлестывает соседние деревья. Установлено, что летучие вещества березы, фитонциды, сдерживают рост ели.

В поселке Уктус ель растет не рядом с березой. Хоть и в разных палисадниках стоят ель и береза, но идет меж ними химическая борьба...

Г. ГОЛОВЧЕНКО,
инженер.



Книжки-малютки

Живет в городе Каменске-Уральском удивительно интересный человек — Даниил Николаевич Черных. Бывший токарь, он теперь стал известным в стране книголюбом, знатоком поэзии Пушкина и Есенина,

обладателем совершенно уникальной библиотеки.

Из многих тысяч книг, собранных Черных, 550 томов — особые книжки-малютки, сувенирные издания. Часть из них — 160 штук — сделано самим Даниилом Николаевичем. Он делает фотокопии страниц тех книг, которых у него нет, с ювелирной чистотой их переплетает и оформляет, и коллекция пополняется редким изданием.

Последняя работа Д. Н. Черных — 30 экземпляров книжки-малютки — размером 45×55 миллиметров, в которой собрано 86 экслибрисов, посвященных Пушкину. Эти гравюры прислали ему коллекционеры со всей страны. И получился прекрасный мини-альбом — мечта любого собирателя книжных знаков или знатока творчества великого русского поэта.

На снимке: книжки-малютки с экслибрисами.

Василий ПЕТРОВ
Фото
Даниила Черных

Чер



«Дискобол» на марках

Известное произведение древнегреческого скульптора Мирона «Дискобол» до нашего времени не сохранилось. Но с него были сделаны две мраморные копии, чуть непохожие друг на друга. Одна из них хранится в музее Ватикана, другая — в Римском национальном музее Терм. Эти две скульптуры стали широко известными. Их популярно-

сти способствовали и изображения на почтовых марках.

На снимках: слева — «Дискобол», хранящийся в музее Ватикана, и итальянская марка с его изображением, выпущенная к XVII Олимпийским играм; справа — «Дискобол» из музея Терм и марка, выпущенная в Сан-Марино.

Кулоны, серьги, кольца...

Мастера Свердловского ювелирного завода изготовляют украшения с олимпийской символикой. Среди изделий из золота и серебра изящны и выразительны: кольцо и перстень, кулон и серьги, запонки и разные значки с родонитом, амазонитом, яшмой, нефритом...

Художники Н. А. Стаценкова, В. Н. Устюжанин и ювелиры-модельеры А. Д. Маркидонов, В. В. Савищев, А. А. Серебряков — авторы этих нарядных украшений.

Олимпийские заказы выполняют лучшие ювелиры бригады.

На снимках: изделия Свердловского ювелирного завода.

Гений КУМАНОВ



Тренер Юрий Визбор

Еще Герман в «Пиковой даме» призывал ловить... миг удачи. В спорте миг иногда решает все — или принесет победу или одарит поражением...

Художественный фильм Свердловской киностудии «Миг удачи» стал уже историей. Однако любители спорта его помнят — не часто выходят на экраны картины об отважных горнолыжниках. К тому же главную роль — тренера сборной команды страны — здесь сыграл известный журналист, автор песен, артист кино Юрий Визбор. После того, как фильм вышел на экраны, был показан по телевидению, Ю. Визбор стал еще более популярным человеком. Незнакомые люди часто останавливали певца на улице и интересовались у него, как тренируются его подопечные, какие планы у нашей сборной команды горнолыжников.

На снимке: кадр из фильма «Миг удачи», в центре — Ю. Визбор.

Борис ЧЕРМЕНСКИЙ